

ОЖЕРЕЛЬЕ УДИВИТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЙ И алмазы халахи

Истории, найденные в старых книгах из гнизы синагоги «Еврейской Слободы» и истории, собранные раби Менахемом Менаше и раби Йосефом Хаимом (благословенна память праведников), пересказал и, чтобы читатель почувствовал вкус их и получил желанную пользу, привёл соответствующую халаху

АДАМ ДАВИДОВ

(Электронная версия для СМЭГИ)

**Красная Слобода – Йерушалаим
1997-2018**

Эти удивительные истории (на иврите их называют «нифлаим») я рассказывал своим ученикам, студентам бет мидраша «Шмират Ашем» – да благословит их Всевышний! – в прославленной на весь мир Красной (Еврейской) Слободе, что в горах Азербайджана. Мои ученики – благодарные слушатели, для них герои этих рассказов не выдуманные, а вполне живые.

Я благодарен своей жене, рабанит Мирьён (Мирьям) за то, что она, обладая природной мудростью, поддерживала меня в моей работе.

Я благодарен Норикю бен Саалюму Мардахаеву за первое издание этой книги, благодаря ему тысячи русскоязычных евреев прикоснулись к Слову Торы и к еврейским традициям.

Я благодарен читателю, который читает эту книгу и умом и сердцем.

ДАР ЭЛИЯГУ ha-НАВИ

Ночью сгорел большой универсальный магазин Дани, через неделю партия товара из Китая оказалась негодной. Потом срочно пришлось выплачивать по кредитам и в кассе не осталось денег.

Через полгода Дани совсем разорился. И семья переехала жить в летний домик на окраине еврейского посёлка.

Не в силах выдержать страдания жены и детей, оказавшихся в ужасной нищете, ранним утром Дани оставил их и пошёл искать какой-нибудь заработок.

Идёт он по дороге, видит, сидит человек на камне и горько плачет. Остановился, подумал немного, сел рядом. Положил руку на плечо:

- Что за горе, уважаемый? Что случилось?

- Горе, ещё какое горе, - посмотрел он на Дани, - так и надо мне, дураку! Скажу тебе, добрый еврей, что по глупости своей я потерял всё хорошее, что было в моей жизни.

- Отец мой, зихроно ливраха, большой праведник был, талмид-хахам. Он учил меня Торе и Дэрех Эрец, но я любил веселье, вино и вольную жизнь. А когда меня женили на замечательной девушке из благородной семьи, больше месяца дома не усидел.

- Сначала довёл до могилы мать, потом отца. Проиграл и прогулял дом, все вещи из дома, даже старые отцовские книги.

- Но сегодня ночью ударило мне в голову, что же я наделал?! Жена болеет, двое нищих детей, еды в доме нет. Всё потерял я в этом мире, и себя потерял.

Пока говорили, подошёл ещё один еврей. Чёрная халифа на нём, чёрная шляпа, пейсы, борода, видно, богобоязненный человек, хасид.

Поприветствовал и спрашивает, что за горе у них. Рассказали, сначала один, потом другой. Покачал хасид головой:

- Бедность не такая уж страшная беда. Сегодня беден - завтра разбогатеешь. Имя моё Аврум, так у меня не просто беда, а несчастье. Злая жена. Три года я женат, но не помню ни одного дня, чтобы жена не проклинала меня, моих родных, друзей, соседей, всех, кто попадётся на её язык. Позорит меня дома и на людях, словно ножом режет. Давно бы повесился, если бы не был евреем. Каждый час жизни для меня хуже смерти...

Посидели, погоревали, решили идти вместе. Идут, идут, село на пути. Разделились и стали стучать в двери, может хлеб дадут, может денег. Всё село прошли, ничего не получили. Совсем ничего. Вышли на дорогу, голодные, жажда одолевает. Сели под дерево, стали плакать и молиться, каждый, как может, просит о милосердии с Небес.

Вдруг появился на дороге старик, подошёл, поздоровался. Сел рядом, спрашивает:

- Что за беда, что горюете?

Чем этот бедный старик поможет? Буркнули что-то и отвернулись. Но слово за словом, каждый рассказал ему о своём горе. Покачал старик головой и говорит:

- Помогу, помогу вам...

- Тебе, Дани, я дам эту серебряную монету, спрячь её в шкаф, от неё разбогатеешь. Только не будь жадным и не трать деньги на злое. Или же приду и всё отберу. И держи это в тайне, даже от жены.

Обрадовался Дани, дал слово тратить деньги только на добрые дела, спрятал монету в руке и побежал домой.

Повернулся старик к непутёвому сыну талмид-хахама и говорит:

- Ты можешь вернуться к праведной жизни. Вот тебе книга, положи её в шкаф, где лежали отцовские книги. Учи Тору, в этом твоё спасение. Душу свою исправляй, а душу своего праведного отца поддерживай учением. Всевышний сотворит для тебя чудо, и станешь богат. Только служи Ему всем сердцем. И никому не рассказывай о нашей встрече.

- Да, да! - Обрадовался непутёвый сын, бережно взял книгу, поцеловал её и понёс домой.

Стоит Аврум, слушает, молчит. Старик положил руку на плечо хасида и говорит:

- Не в моей власти исправлять проклятия, но вот тебе это маленькое серебряное колечко, повесь его напротив мезузы, у входа в дом, и тут же сгинет нечистый дух, злой дух, поселившийся у вас. Подойди к жене, скажи ей ласковое слово. Мир и добро будут в вашем доме, если окажешь жене почёт и уважение.

Взял Аврум колечко, смотрит, читает, что на нём выгравировано.

Хотел поблагодарить старика, поднял глаза, а благодарить некого. Исчез так же внезапно, как появился.

Что обещал старик, то и вышло.

Прибежал Дани домой, втайне от жены спрятал монету в своём шкафу, утром открыл, а там полно денег.

И так каждое утро. Стал он богатым и очень жадным, поэтому построил за городом дворец и вы-

сокий забор вокруг, и охрану поставил, чтобы не беспокоили бедные. Забыл, что обещал, получая монету.

Сын талмид-хахама оказался не лучше. Он тоже разбогател. Купил виноградники и сады, построил огромный дом, нанял множество слуг и каждый день стал устраивать застолья с вином и женщинами плохого поведения. Забыл своё обещание учить Тору.

А хасид, богобоязненный еврей, вернулся домой и повесил кольцо напротив мезузы. С женой он теперь говорит ласково, нежно. Жена его - заботливая, добрая. Мир в доме и согласие, как обещал тот старик.

Весь день хасид учит Тору, нет времени заниматься торговлей или другим заработком. Поэтому, живут они скромно, но помогают бедным, каждого поддержат, кого деньгами, кого мудрым советом.

Прошло два года. Сидит как-то богач Дани в своём дворце, за высоким забором и с тройной охраной, и видит, вдруг появился перед ним тот самый старик, который дал ему чудесную монету.

А был это, как вы, наверное, поняли, Элиягу ха-нави, захур ла-тов.

Страх напал на Дани, вскочил с места, но подойти не может, ноги к полу приросли, а язык к зубам.

– Не научили тебя ничему, прежние беды, - говорит Элиягу ха-нави, – не заслуживаешь ты богатства.

Отобрал монету, богатства лишил и исчез.

Когда Элиягу ха-нави появился перед непутёвым сыном талмид-хахама, тот дремал в кресле посреди роскошного сада. Отдыхал от ночного пира, голова болела, и живот болел после крепкого вина и жирного мяса.

Учишь ли ты Тору? - Спросил Элиягу ha-нави, - Нет? Так и богатство не заслуживаешь. Немедленно возврати книгу.

И забрал. Ни просьбы, ни мольба, ни обещания исправиться не помогли.

Открыл Элиягу ha-нави дверь в дом Аврума. Жена решила, что нищий человек пришёл. Приветливо встретила его, провела к столу, стала угощать. Между тем муж вернулся из иешивы, увидел старика, не знает как благодарить за чудесный подарок, за мир в доме.

А Элиягу а ha-нави говорит ему:

- За то, что не оставил Тору в пору страданий своих и в бедности своей помогал тем, кто бедней тебя, заслужил ты чудесную монету и святую книгу, пользуйся на здоровье.

Так оно и было. Теперь Аврум мог больше времени отдавать изучению Торы. Бет-мидраш открыл, сирот Торе учил, бедных поддерживал. Все знали - это не только богатый еврей, но великий праведник и мудрец.

И вам Всевышний уделит от мудрости Торы, здоровья и богатства. Аминь.

הалаха: ИЗУЧЕНИЕ ТОРЫ

Шамай говорил: "Изучение Торы должно быть главным твоим занятием. Говори мало, но делай много. Будь приветлив со всяким" (*Пиркей авот. 1:15*).

Рабби Элиазар говорил: "Усердно изучай Тору. Знай, что ответить вероотступнику. Знай, перед кем трудишься, ибо надёжен хозяин, оплатит твой труд" (*Пиркей авот. 2:14*).

Каждый еврей обязан изучать Тору. Освобождены от этой мицвы только рабы, маленькие дети и женщины. Для женщин это "зман грама", т.е. они не могут тратить на ежедневные занятия Торой время, необходимое им для ухода за детьми и для домашних забот.

Мужчины, богатые и бедные, даже нищие, обязаны изучать Тору как в юности, так и в глубокой старости, до самой смерти.

Маленьких детей должен обучать отец, если сам не может, нанимает учителя. Обязан обучать не только своих детей, но и детей своих детей. Более того, пишет Рамбам (*Законы изучения Торы. 1:2*), каждый праведный еврей обязан обучать не только своих, но и чужих детей, или же содействовать их обучению. У мудрого еврея должны быть ученики.

Начинаем обучать детей грамоте с того возраста, когда они в состоянии отличать одну букву от другой и повторять за нами "Шма Исраэль".

С пяти лет обучаем Письменной Торе, в десять – Мишнэ, в тринадцать – заповедям, в пятнадцать лет – Талмуду (*Пиркей авот. 5:21*).

Время учёбы, как пишет Рамбам, следует разделить на три части. Первую посвящаем Письменной Торе, вторую – Устной, а третью – мусару (этике), исследованиям современных авторов, еврейской истории и языку Торы.

Какой бы деятельностью ни занимался человек, физической или умственной работой, хо-

тя бы час в сутки должен выделить для Торы. Лучше всего, если есть возможность посещать уроки раввина или заниматься с товарищем в хавруте.

Для учёбы следует установить определённое время днём и ночью. Однако Письменную Тору нельзя изучать с выхода звёзд до полночи.

Изучать Тору следует в чистом помещении. Во время урока нельзя есть, но можно пить.

НАДЕЖДА И РАЗОЧАРОВАНИЕ

Жил был один еврей, по имени Иссахар, который скупал и перепродавал золотые изделия. Как - то, по случаю, купил он прекрасную золотую вазу за тысячу динаров и довольный понёс её домой.

Идёт и думает: "Как известно, в золото нередко добавляют медь, может быть и эта ваза не из чистого золота, а с большой долей меди? Ах! Я не проверил, как следует, тогда ваза эта не стоит и пятисот динаров, и я прогадал. Но если она цельная, продам за две тысячи..."

Такие мысли терзали его, пока дошёл до дома и у входа столкнулся лицом к лицу с Гидоном, соседом своим. Увидел Гидон, как обеспокоен Иссахар, осмотрел вазу и стал смеяться:

- Ну и влип ты, дорогой! Покупаешь, бывает, думаешь, золото, посмотришь внимательно, оказывается медь, такова жизнь. Где находишь - там и теряешь, советоваться надо с друзьями.

Подошёл другой сосед, Бени, и говорит:

– О, какая чудесная ваза! Цена её не меньше двух тысяч, поздравляю, поздравляю с покупкой!

Обрадовался Иссахар, поблагодарил обоих и поставил вазу на стол, любуясь чудесной работой сотворившего её мастера.

Когда гости ушли, спросил сын Иссахара:

– Отец, почему ты расстроился от слов первого и чем тебя обрадовал второй наш сосед?

Ответил Иссахар:

Сын мой, первому только бы посмеяться, а другой – добрый и серьёзный человек, я очень благодарен ему за поддержку.

– Когда ты женишься, придут на свадьбу гости, и кто-то станет подшучивать над твоей невестой, а кто-то будет восхищаться: "Какая красавица, какая умница! Но невесты – все царевны".

Другая история об одной праведной и богобоязненной женщине, которая долго не решалась выйти замуж, потому что не видела для себя подходящей пары. Она хотела, чтобы жених обладал хорошими качествами и был знатоком Торы, но в каждом из кандидатов находила какой-нибудь недостаток.

В конце концов, сваты уговорили её, что есть подходящий ей человек. Родные так усердно воспевали его ум и способности, что противиться уже не было сил. Повели её под хупу, сыграли свадьбу. Прошла неделя, шева бэрахот, когда на каждый день читают особое благословение. Теперь решила женщина испытать своего мужа.

Первое испытание вином. "Давай, - сказала она, - посидим сами, вдвоём, попьём вина, поговорим".

Муж, конечно, обрадовался такому предложению. Сели вдвоём, перед каждым стакан, а жена подливает и подливает мужу.

Выпил он стакан, второй, опьянел и стал говорить такие гадости, что ни один порядочный чело-

век себе не позволит. Стыдно и больно стало женщине слушать его, вскочила и ушла в другую комнату.

"Однако, - говорит себе, - этого недостаточно, проверю, как он поведёт себя в азартной игре".

На следующий день сели играть в нарды под небольшую ставку. Увидела она, что в игре, даже со своей молодой женой, он нечестен и жаден к деньгам, не может устоять перед желанием обмануть и украсть. Расстроилась бедная женщина ещё больше и прекратила игру.

В третий раз она решила посмотреть, как он поведёт себя в гневе, и напонила, каким мерзким он был в предыдущих испытаниях.

Гневу его не было предела, молодая жена услышала и проклятия и оскорбления, и поразились, что в одном человеке может вместиться столько грязи и зла.

Пришла женщина в бет дин, еврейский суд и потребовала призвать к ответу обманувших её сватов и того, кого они привели к ней.

В конце концов, Суд поддержал женщину. Но муж дал ей гет, разводное письмо, только когда получил от женщины деньги.

***האָלָאָה* : СОЗДАТЬ СЕМЬЮ**

Найти себе достойную невесту или достойного жениха – заповедь Торы, одна из первых. Наши мудрецы учили (*Сефер Ахинух. Первая мицва, "Пэрия урвия"*), что обязан человек приложить к этому всё своё старание и никто не свободен от этой заповеди до глубокой старости, и как бы велик он не был, обязан жениться. А в книге "Пиркей Авот", в двадцать первой Мишнэ пято-

го раздела читаем: "С пяти лет обучаем письменной Торе, в десять – Мишнэ, в тринадцать – заповедям, в пятнадцать – Талмуду, в восемнадцать – хупа..." То есть, это время для создания семьи.

За сорок дней до зачатия, говорится в трактате "Сота", на небесах решают, что дочь таких-то родителей предназначается сыну таких-то родителей.

Чрезвычайно велика обязанность, найти подходящую пару для своего сына или дочери. И более того, чтобы выдать дочь замуж, если нет денег, даже свиток Торы, который запрещено продавать в других случаях, можно продать.

Тора запрещает не освященную связь мужчины и женщины, чтобы не уподобились животным. Седьмая заповедь Торы – *ло тиньяф*, не прелюбодействуй.

Заключая брачный союз, нисуин, мы поднимаем себя на уровень высокой святости, которой не могут достичь даже млахим, ангелы, лишённые этого права.

Поэтому брачную церемонию называют Кидушин, освящение.

И чтобы святость была полной, невеста и жених предварительно очищают себя в водах миквы и постятся.

Три условия необходимы при заключении этого союза: кесеф, штар и бэвия.

Кесеф – это деньги или недорогое кольцо, приобретённое женихом. В присутствии свидетелей он произносит благословение, объявляет, что отныне она посвящается, мекудэшет, и принадлежит только ему, и правой рукой надевает кольцо на указательный палец правой ру-

ки невесты. На голову невесты накидывают шёлковый платок, а жених, согласно традиции, в память о разрушенном Храме разбивает стеклянный бокал и говорит: "Да отсохнет моя правая рука, если я забуду тебя, Иерусалим."

Штар - это Кэтуба, брачное обязательство жениха содержать свою жену, быть её мужем, сохранять её имущество и, в случае развода, обеспечить её дальнейшую жизнь. Кэтуба передаётся на хранение матери невесты.

Третье условие - бэвия, супружеская близость, завершающая обряд бракосочетания.

Кольцо, согласно мнению святого Аризаля, символизирует соединение душ жениха и невесты, а неразрывное единство подтверждается физической близостью мужа и жены.

Эти три условия обеспечивают совершенство союза мужчины и женщины и дальнейшее счастье новой семьи.

Но чтобы счастье было не временным, а продолжалось многие годы муж и жена обязаны сохранять шлом байт, мир в семье.

К разрушению семьи приводят нечестность одного из супругов или измена. Муж может отказать от жены, если увидел её нескромность и распущенность (*Рамбам "Ишот" 80:12*), а жена может потребовать развод, если муж не выполняет свои прямые супружеские обязанности. Ещё во время обряда нисуин предусматривает Алаха, еврейский закон, возможность развода. "Бет-дин", еврейский суд, не может против желания мужа развести супругов, но может обязать его дать гет, разводное письмо, своей жене. С этого момента она получает статус *гэруша*, т.е. разведённая.

Пока женщина не получила гет в свои руки, другому мужчине она запрещена. Нарушение этого условия Закон называет разворотом, а дети от запретной связи рождаются мамзерами. Гет может быть написан самим мужем, или другим человеком, и вручён представителем мужа, шалияхом, Женщина может получить разрешение на повторное замужество, если она алмана, вдова, и есть свидетельство о смерти её мужа.

ЗЛОЙ ЯЗЫК ТРОИХ УБИВАЕТ.

История про одного человека, у которого было три дочери. Ленивая, сама себе воду не подаст. Воровка, не украдёт - больная ходит. И третья, сплетница, слово скажет, как отраву выплюнула. Пришло время выдавать их замуж, но никто не берёт, кому нужны такие негодницы. Сидят дома взаперти.

Однажды приехал к отцу друг детства. Увидел этих девушек во время трапезы и спрашивает:

- Почему твои дочери до сих пор не замужем?

- Кому они нужны, - отвечает отец, - одна лентяйка, другая воровка, третья злюка.

- У меня три сына, возьму-ка я твоих дочек себе в невестки.

- Нет, дорогой, да сохранит тебя Всевышний, найдёшь других, достойных. Не дам...

Как ни отговаривал отец друга, тот твердит своё:

- Не беспокойся, брат мой, я твоих дочек исправлю.

На том и порешили. Сыграли одну общую свадьбу для трёх пар, и увёз тесть невесток в свой город.

Что сделал отец для молодожёнов? Купил старшему, мужу ленивой, отдельный дом, где поселились молодые, и приставил слуг и приказал им ухаживать за хозяйкой и угадывать все её желания.

Чтобы и купали её, и одевали, и кормили с ложки.

А той, что воровать любила, отдал все ключи от дома, от всех кладовых, от шкафов и даже от сейфа с деньгами. И говорит:

– Всё в твоих руках, распоряжайся, ты теперь хозяйка.

А третью, сплетницу, заперли в отдельной комнате. Каждый день её навещал тесть, благословлял, спрашивал о здоровье и желал ей мира с молодым мужем.

– Есть ли у тебя какие желания? Скажи своему мужу, всё исполним.

А та смотрит зверем и молчит.

Прошло время, решил отец проведать своих дочерей, как там мужья управляют с ними. Приехал и сразу же пошёл навестить первую, лентяйку.

Встречает его дочь в парадной комнате, целует руки отца.

– Да будешь ты благословен, отец мой, за мужа, которого подарил мне, - говорит, - не знаю, за что заслужила я такую радость в своей жизни. Так меня любят здесь, так мне хорошо!

Возблагодарил отец Творца и пошёл проведать вторую. Узнала она, что приехал отец, выбежала навстречу, поклонилась низко, ведёт в дом.

– Спрашиваешь, как я живу? Да посмотри, всё в моих руках весь дом, богатство, слуги. Работы много, ведь я теперь хозяйка. Ты знаешь, отец, я так счастлива, так счастлива! Я нужна моей семье. Благословен ты за счастье моё!

Возблагодарил отец Всевышнего и пошёл к дому третьей дочери. Только увидела его дочь, заплакала горько и говорит:

– Отец, отец, где это видано, чтобы выдавали девушку замуж сразу за двоих, за отца и за сына? Ты, ты выдал меня за двоих! Насилуют они меня, истязают они меня!

– Что ты говоришь, дочка? – Изумился отец. – Не может быть...

– Не веришь? Быстро прячься в шкаф, сам будешь свидетелем.

В это время услышал свёкор, что приехал его друг и дорогой родственник и прибежал следом. Вошёл в комнату, а там только молодая женщина, которая сразу же стала кричать:

– Отойди, бесстыдник, не прикасайся ко мне!

– Что ты, дочка, успокойся, – протянул он к ней руки. А она кричит:

– Оставь меня, мне больно!

Услышал отец крик дочери, представил себе, как насилуют его дочь, выскочил из тайника, вырвал кинжал из ножен, и в великом гневе вонзил в тело друга. В это же время в комнату врываются сыновья, видят эту жуткую сцену, и убивают своего тестя.

Но когда схватили молодую женщину за руки, она тут же призналась в своей клевете, и её они закололи тем же самым кинжалом.

Поэтому и сказано: "Злой язык троих убивает" – того, кто говорит, того о ком говорит и того, кто слушает.

Всевышний, да будет Он благословен, сохранит вас и спасёт от злого языка. Да будет мир нам и всему народу Израиля!

הלאה: ЗЛОЙ ЯЗЫК (Лашон הַפֿא)

На Скрижалях Завета, которые Моше - раб-ну принёс еврейскому народу, был высечен закон: "Не отзывайся о ближнем своём ложным свидетельством."

Распространение лжи о ком бы то ни было, оговор, сплетни - очень серьёзные преступления. Запрещается передавать чужие слова, обсуждать с посторонними чужие дела, пересказывать позорящие других сведения и даже хвалить кого-то, если это может вызвать зависть.

В главе "Шофтим" (23:1) священной Торы сказано: "Не верь ложному слуху. не оказывай поддержки нечестивому..." Тот, кто слушает сплетни и злоязычие, тоже преступник. Его вина, как вина убийцы.

В наше время, когда нет Храма и нет Суда, который имел право приговаривать к смертной казни, за такие преступления наш "Бет дин" (религиозный еврейский суд) может вынести приговор на "нидуй", к отлучению от общины. И тогда никто, кроме членов семьи, не сядет рядом с таким человеком, не станет разговаривать с ним, есть за одним столом и вести общие дела. Такой человек не входит в миньян и, если говорит благословения или кадишь, запрещено отвечать ему "амин".

Рассказ про одного еврея по имени Ури.

Была у него жена, Тирца, женщина необыкновенная, богобоязненная, добрая, хозяйственная и умелая, наделённая большой мудростью и к тому же красавица. Таких женщин среди евреев называют "эшет-хаиль". Даже самые злые языки не находили в ней изъяна и, понятно, что все женщины округи уважали её. Четыре года они прожили вместе и, хотя детей у них не было, Ури очень любил и ценил свою Тирцу.

Как-то раз один из знакомых Ури пригласил его на свой юбилей, пятидесятилетие. Ели, пили они, и сказал именинник Ури:

– Дорогой мой, я так тебя полюбил, что хотел бы породниться с тобой. Видишь мою дочь, она ещё девушка, бери её в жёны!

А сам всё подливает и подливает вино в стакан гостя.

– Но у меня же есть жена, - возразил Ури.

– Ну так что с того, Разве в старые добрые времена не брали себе двух, а то и трёх жён, и счастливы были. Как в Писании - "Были у царя две жены, Ада и Циля..."

То ли слова друга, то ли вино соблазнило Ури. Свидетели сидят за столом, невеста готова, стоит у стены с закрытым лицом. Составили брачный договор, вложил жених ей в руки золотой динар, и сотворили тут же кидушин по закону Моше и народа Израиля. Когда всё было окончено, вдруг протрезвел Ури и поспешил домой.

Бежит – чуть не плачет:

– Как меня угораздило податься уговорам. Разве может кто-нибудь сравняться с моей прекрасной Тирцой! Можно ли поставить рядом другую жен-

щину! А я... я её страдать вынуждаю! Нет, надо как-то отказаться от новой жены, но как? Отец и родные прибьют меня. Даже, если большие деньги предложить, не согласятся. Сейчас же к Тирце, она умней меня, она мудрая, она найдёт выход.

Вбегает в дом, бросается к ней и со слезами рассказывает обо всём. И просит.

– Как, как избавиться от этой девушки, что придумать, чтобы они согласились принять от меня гет?

Отвечает жена.

– О чём ты переживаешь, нет здесь никакого несчастья. Симан тов - мазал тов, поздравляю тебя! Опустил Ури голову.

– Ты смеёшься надо мной, а мне так больно за мою глупость. Её отец назначил день хупы ровно через месяц, что-то надо придумать до этого срока.

– Да нет же, нет, дорогой, я действительно считаю это самым разумным. Почему надо ждать месяц? Сегодня приглашаем невесту, на будущей неделе пойдёте под хупу.

– Ты шутишь надо мной? Что же мне теперь искать другой дом?

– Приведи невесту в этот дом, свадьба будет здесь, а ты выдели для неё лучшую комнату. Я же уйду к родителям, чтобы не омрачать радость гостей своим присутствием. Сегодня Рош Ходэш, новолуние, на Рош Ходэш будущего месяца, ровно через месяц, вечером в одиннадцать часов я вернусь. Только прошу тебя, не приходи и не зови меня, всё это время ты не должен видеть меня, и ни с кем ничего не посылать мне. Дай руку и слово, что не нарушишь наш уговор.

Взял Ури руку своей жены и дал слово исполнить её волю. И говорит:

– Очень ты удивила меня, можешь ли ответить на один вопрос?

– Говори.

– Я бежал домой в отчаянии, думал, что заставил тебя страдать, ты же говоришь "Мазал тов!" и торопишь со свадьбой, а свою лучшую комнату отдаёшь чужой женщине. Неужели тебе всё равно, ведь это не соответствует природе женщины, заводить соперницу в свой дом. Трудно поверить и трудно понять.

– На каждый вопрос есть объяснение. Мой отец и учитель, талмид-хахам, наделён большой мудростью, он, однажды, неделю не мог найти ответ на один сложный вопрос Торы, однако в шабат, читая книгу первых пророков, нашёл совершенно простое объяснение, и успокоилась его душа. Ты не ищи пока объяснение моим словам, придёт время. Не медли, надевай праздничные одежды, спеши к своей невесте.

Так и сделал Ури. Пошёл к отцу невесты и назначил свадьбу на вечер йом хамиши, на четверг, на будущей неделе.

С тревожным сердцем сидел Ури за свадебным столом до поздней ночи, а когда пришло время, отправился в отдалённую комнату к молодой жене, чтобы, как это положено, быть ей мужем и чтобы она стала женщиной и женой.

Слабая свеча освещала только часть стены, большую супружескую кровать с горой подушек и фигуру женщины, сидящей на полу у кровати. Ури сел на кровать и попросил:

– Поддай, пожалуйста, мне стакан воды, кувшин на столе.

Сидящая на полу вздрогнула и забормотала:

– Вода, вода, вода...

Подняла голову и спрашивает:

– Ты будешь меня бить?

Ури вскочил, схватил свечу и поднёс к её лицу. Вглядевшись внимательно, он понял, да это же полоумная, теперь понятно, почему так настойчив бы её отец. Жалко стало ему девушку и горько, но что

теперь делать? Осторожно поднял её, уложил, как была, в белом свадебном платье, на кровать, а сам сел в дальнем углу и просидел всю ночь до рассвета.

Семь дней, когда приходят гости для чтения семи благословений, "Шева бэрахот", он никому не рассказывал о своём горе. А на восьмой отправился к известному посреднику, который знал ходы и выходы на все случаи жизни, дал ему двадцать динаров и попросил поговорить с отцом несчастной. Чтобы согласился взять гет, разводное письмо, и возвратил дочку домой

Большие деньги пришлось отдать отцу за гет, но, в конце концов, Ури свободно вздохнул.

Через месяц, как было обещано, ровно в одиннадцать часов вечера, он услышал шаги и побежал открывать двери. Обнимает, целует жену и, когда первая радость улеглась, просит:

– Объясни мне своё поведение, и что ты скрыла от меня, когда уходила.

– Я увидела во всём этом деле что-то подозрительное, но не стала мешать событиям, чтобы ты сам нашёл разгадку. Если бы я осталась в доме во время свадьбы, отец и братья не согласились бы потом на развод. А торопила тебя, чтобы быстрее избавиться от этой напасти.

– Воистину, ты, эшет - хаиль! - воскликнул Ури.

הלאה: **ОБЯЗАННОСТИ ЕВРЕЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ ОТДЕЛЕНИЕ ХАЛЫ**

В субботу, вечером, когда еврейская семья садится за праздничный стол, прежде, чем бла-

гословить на вино, глава семьи читает гимн женщине: "Эшет - хаиль".

- Эта женщина прекрасна и всё, что она делает достойно восхищения. Муж полностью полагается на неё и ни в чём не знает недостатка. Встаёт до рассвета, чтобы приготовить еду для всей семьи и выполняет всю тяжёлую семейную работу.

- Благодаря женщине все сыты и одеты соответственно времени года. Благодаря ей в доме мир и порядок. Женщина в доме - милосердие и любовь, а слова мудрости из её уст излечивают от всех огорчений.

- И молодость и красота уходят, но слава богобоязненной женщины бессмертна.

Женщины обязаны исполнять все запрещающие заповеди, такие, как не воруй, не прелюбодействуй, не зажигай огонь в шабат, не употребляй в пищу мясо с кровью, и т.д. Но освобождены от многих повелевающих заповедей, особенно тех, на исполнение которых требуется значительное время. Основные обязанности женщины это отделение халы при выпечке хлеба, зажигание субботних свечей и соблюдение своей женской чистоты. При всём при этом главный долг женщины - быть доброй женой и хорошей матерью.

Еврейская женщина обязана, когда печёт хлеб, и если на тесто, замешенное для выпечки, расходует не менее 520 дирхэм муки, что соответствует: $3 \text{ гр.} \times 520 = 1560 \text{ грамм}$, благословить и отделить от готового теста халу, кусочек весом 28 грамм. Халу отделяем только от

теста, приготовленного из муки пяти видов злаков - пшеницы, ржи, ячменя, овса, полбы.

Пишет рав гаон рабби Хаим Фаладжи в книге "Хаим лерош" (110:1), что вес теста должен быть 777 дирахим, что соответствует 3 гр. x 777 = 2331 граммам.

Если муки взято меньше указанного количества 1560 грамм или тесто весом меньше указанного количества 2331 грамм, халу отделяем без бэрахи, т.е. не благословляем. Если муки меньше 1200 грамм, нет обязанности отделять халу, но лучше отделить, чтобы мицва не забылась. Отделяем халу с благословением, если тесто замешано на воде. Если тесто замешано на яйцах, на вине, на фруктовых соках или на мёде, отделяем халу без бэрахи. Если тесто предназначено для пирогов, где служит только оболочкой для содержимого, или тесто для варки, одеваем халу без бэрахи. Хала, кусочек, отделённый от теста, подлежит уничтожению.

Халу обязан отделять хозяин (хозяйка) теста. Если печёт кто-то другой, например пекарь в пекарне, или, когда несколько пекарей делают несколько замесов, хозяин (хозяйка) теста отделяет халу сам (сама), а может поручить другому еврею, мужчине или женщине, своему представителю, шалияху. И этим выполняет заповедь.

Если хозяйка забыла или по какой-либо другой причине не отделила халу от теста, в крайнем случае, можно отделить от готового хлеба. Однако в шабат отделять халу запрещено.

Заповедь отделять халу очень важна и пренебрегающий ею не может надеяться, что у него всегда будет недостаток в доме. Всесильный будет

поддержкой еврейского дома и даст изобилие и мир народу Израиля. Амин.

ДИСПУТ

Жил-был один бедный еврей по имени Залман. С малых лет он тяжело трудился и учиться, конечно, у него никакой возможности не было. Была у него лошадь и была телега, на которой раз в неделю он возил овощи из своего села в столичный город, где была немалая еврейская община.

Как-то приехав в город, Залман обнаружил, что овощная лавка, в которую он сдавал свой товар, закрыта, улицы еврейского квартала пусты, даже детей не видно, мёртвая тишина. Очень он удивился, слез с телеги и пошел вдоль домов. Идёт мимо закрытых окон и слышит слабые голоса, как будто оплакивают кого-то или молитвы читают. Так шёл и шёл, пока не дошёл до главной синагоги, у входа в которую стояли люди, а внутри было так полно, что невозможно войти. И все плачут. Спрашивает:

– Что случилось? Кто умер?

Отвечает один из стоявших у входа:

– Неужели ты не знаешь? Уже два дня вся еврейская община держит пост, молится и просит Всевышнего, чтобы был отменён жестокий приговор.

– Главный поп нашего города ненавидит евреев, он давно ищет способ причинить нам несчастье и изгнать нас из наших домов. Поп предложил королю, что если есть мудрый человек среди евреев, пусть ответит перед королём на три вопроса. Но во-

просы необычные, не словами будет спрашивать, а жестами, и ответить надо так же, без слов.

– Ответит верно - останемся жить в городе, не ответит - будем изгнаны. А если не найдётся такой мудрец среди нас, наказание неизбежно. Король дал нам семь дней.

Выслушал Залман эти слова и пошёл через толпу причитающих евреев к старому равву. Раввин, в белом талите и с тфилином на голове, склонился почти до самого пола в глубокой молитве перед арон хакодеш, где хранятся свитки Торы.

– Господин мой, раби, - сказал Залман, - не волнуйтесь так. С Б-жьей помощью я пойду к королю и отвечу попу. Перестаньте плакать, возвращайтесь в свои дома.

Рав и все люди посмотрели на этого беднягу с удивлением: "Сумасшедший, какой - то, неужели не соображает, что говорит?" А Залман не стал больше разговаривать, вышел из синагоги залез на свою телегу и погнал лошадку к королевскому дворцу.

Видит - один еврей перебегает от дома к дому, останавливает его и говорит:

– Уважаемый, сделай доброе дело, продай кусок белого кошерного сыра, я так голоден.

Еврей взял деньги и тут же вынес сыр, завёрнутый в белую тряпку. Сунул его Залман за пазуху и поехал дальше.

Когда Залман подъехал на своей телеге, нагруженной овощами, к королевскому дворцу, стражники остановили его и погнали прочь. "Надо же, какой-то оборванец приехал к королю!" Они кричат, и Залман кричит.

И случилось так, что в это самое время прибыл поп в роскошной поповской коляске.

– Что тут за шум? - Спрашивает.

– Да вот еврей-оборванец к королю пришёл.

Рассмеялся поп, оглядел старый латаный перелатаный тулуп еврея и говорит:

– Что за дело у тебя к королю?

Объяснил Залман, что приехал ответить на вопросы попа.

– Так ты самый мудрый из евреев? Ладно, только в таком виде нельзя входить во дворец.

Доложили королю, что прибыл еврей отвечать на вопросы попа, но оборванный какой-то и грязный. Подумал король, что, наверное, еврей с виду такой простой, а на самом деле большой мудрец, раз община послала его. Приказал отвести его в баню, искупать, одеть в подходящие одежды и привести в королевский зал. Так и сделали.

Привели Залмана к королю и поставили подалее от короля и попа. Вокруг толпа придворных, все ждут, что за знаки покажет поп и как ответит еврей.

Посмотрел Залман на важного попа, стоящего рядом с королём и говорит:

– Знай, что выше тебя и меня... Давай свои вопросы.

Вскинул поп руку и показал Залману два растопыренных пальца, указательный и который рядом с ним. Еврей внимательно посмотрел на попа, поднял свою руку и показал ему один указательный палец. Говорит король попу:

– Скажи мне правду, не соври, что ты спросил, и что он ответил?

– Я показал еврею, что у мира два Б-га, а он ответил, что Б-г один и это первый вопрос.

Вновь вскинул поп свою руку с пятью растопыренными пальцами перед евреем, а тот в ответ показал ему сжатый кулак.

Спрашивает король:

– А сейчас, что за вопрос ты ему задал и что он ответил?

– Сказал я еврею: вы говорите - Б-г один, а вы его народ, почему же он лишил вас своей земли и рассеял среди других народов? Ответил еврей, что в будущем они соберутся в единый кулак.

Подошёл поп к столу взял бутылку с красным вином и издала показал еврею. Как только увидел Залман в руках у попа эту бутылку, выхватил из-за пазухи свёрток, развернул и поднял над головой кусок белого сыра. Побелел поп, как этот сыр, и едва не потерял сознание. Схватил король попа за рукав:

– Что? Что ты ему сказал, почему ответ еврея так напугал тебя?

– О, мой король! Красное вино - это кровь. Я сказал ему, что евреи пролили в Храме кровь своего пророка, как же после этого Б-г соберёт вас в Израиле. Ответил он: "Написано в Торе, что отбелит Израиль себя от грехов и будет прощён".

Увидел король, что еврей победил и приказал достойно наградить его.

Назавтра газеты писали, какие вопросы задавал поп, как отвечал ему еврей, и что еврей победили попа в этом удивительном споре, который должен был закончиться их изгнанием из города.

Принесли газету старому раввину и говорят:

– Раби, мы думали, что тот развозчик зелени "ам-хаарец", однако, он совсем не прост.

Прекратили еврей пост и покаянные молитвы и разошлись по своим домам. Послал старый раби за Залманом. Усадил его перед собой и говорит:

– Скажи, дорогой, о чём тебя спрашивал поп и как ты отвечал.

– Показал мне поп два пальца: я, мол, вырву твои глаза этими двумя пальцами. А я ответил, что одним пальцем вырву оба его глаза.

Рассмеялись все сидящие вокруг.

– Потом поп показал мне растопыренную ладонь, что готов надавать мне пощёчин, а я сунул ему кулак - только попробуй, зубы выбью.

Окна зазвенели от смеха евреев.

– Видит он, что со мной шутки плохи, взял бутылку вина и предлагает мир. Вытащил я кусок сыра и показал ему, что согласен на мир, вот и закуска к вину.

Вскочил старый раби, расцеловал Залмана в обе щёки. Удивляются все чуду, которое сотворил Всевышний через этого простого еврея.

Спрашивает рав:

– Скажи, милый, ты учишь Тору, ты возлагаешь тэфилин?

– Раби, неучёный я. Конечно, тэфилин возлагаю. Конечно, читаю "Шма Исраэль". Конечно, соблюдаю шабат и кашрут. Ну... ещё, конечно, всегда выделяю цэдаку из своего скудного заработка. Научил меня всему этому мой отец, благословенна память его, и ещё учил меня: "Знай, кто выше меня и тебя, Он – видит".

hалаха: ТЭФИЛИН

Сказано в Торе (*Дэварим 6:8*): "И повяжи их знаками на руку свою, и станут они знаменами между глаз твоих..." Это заповедь для всех мужчин старше тринадцати лет возлагать тэфилин.

Три заповеди - брит мила, шабат и тэфилин свидетельствуют о человеке, что он еврей. А если нет свидетелей, т. е. не обрешан, или не возлагает тэфилин, или шабат не соблюдает, кто поверит ему?

Велика заслуга за исполнение мицвы тэфилин, ему обеспечены долгая жизнь и "Олам хаба", вечный мир.

Рассказывают, что лет сто пятьдесят тому назад в еврейское село Гусары, в Азербайджане (сейчас там евреев почти не осталось), пришла банда мусульманских фанатиков.

В час утренней молитвы они прошли по пустынным улицам, прямо к синагоге, во дворе которой собралась почти вся община, и устроили резню.

Глава банды подскочил к старому раввину и занёс меч над его головой. Раби обернулся, держа в руке том Талмуда, пытаясь уклониться от удара. Меч опустился на книгу и разрубил её. Тут бандит увидел тэфилин на голове раби и Имя Всевышнего на нём, букву "Шин".

В великом страхе он приказал немедленно прекратить убийства, собрал свою банду и бежал из села.

Следует быть очень осторожным, приобретая тэфилин для себя или для своего сына, чтобы не оказался посульным, не кошерным.

Батим, коробочки, в которые вкладывается кошерный клаф, пергамент с текстом, написанным "лишма", во имя небес, праведным софером, должны быть изготовлены из кожи кошерных животных, иметь правильную квадратную форму, и окрашены особой чёрной краской.

Ремни тэфилина с лицевой стороны также должны быть абсолютно чёрного цвета.

Богобоязненные евреи, тщательно исполняющие заповедь, возлагают две пары тэфилин,

одну "шель Раши", другую "шель рабену Там". Внешне они одинаковы, но отличаются расположением парашейт, текстов Торы, вложенных в батим.

До возложения тэфилин следует закутаться в талит.

Если по какой-то причине сначала возложил тэфилин, следует снять его, облачиться в талит и возложить тэфилин заново.

Время возложения тэфилин от зари до захода солнца. Мы обязаны возлагать тэфилин каждое утро и читать "Шма Исраэль".

Тэфилин не возлагаем ночью, а также в шабат, в праздники и в "хол ha-моэд" (полупраздничные дни между первым и последним днём Песах и Суккот).

Тот, кто пишет правой рукой и тот, для кого основная рабочая рука - правая, а также тот, кто может выполнять работу и правой и левой рукой, повязывает тэфилин на левую руку. Тот, кто пишет только левой рукой и не в состоянии управлять правой, как левой, повязывает на правую руку.

Ашкеназские евреи возлагают тэфилин стоя, сначала на руку, потом на голову. Восточные - на руку повязывают сидя, а головной возлагают стоя.

Когда обвязывают ремешок вокруг пальца, говорят: "И обручаюсь я с миром, и обручаюсь я с правдой и справедливостью, с добром и милосердием, и обручаюсь я с верой, и познаю Творца."

Если нет своего тэфилина, можно возлагать тэфилин товарища или тэфилин, принадлежащий общине.

В любом случае перед исполнением мицвы следует сказать благословение.

Запрещено возлагать тэфилин и находиться с ним в нечистом месте.

Мужчины обязаны возлагать тэфилин с тринадцати лет и исполнять эту заповедь до последнего дня своей жизни. Каждый пропущенный день, Тора рассматривает как преступление.

Женщины свободны от заповедей цицит и тэфилин. Те же, которые пытаются это сделать, явно оскверняют закон Торы.

ТИХИЙ ЕВРЕЙ

Жил в Бердичево скромный тихий еврей по имени Иhezкиэль Напах. Никто не мог сказать о нём что-то определённое, ни хорошее, ни плохое, так как он почти ни с кем не общался и когда умер, смерть его никого не взволновала. Но рабби Леви Ицхак, зихроно ливраха, узнав об этом от шамаша, объявил, что обязан участвовать в похоронах, и приказал ученикам своей иешивы сопровождать его. "Этот человек, - сказал им рабби, - был большим праведником, благодаря которому держалась община".

Вскоре все евреи узнали, что похороны проводит сам Учитель, Один за другим потянулись они к дому умершего. Удивлялись, конечно, как это такой незаметный человек мог быть праведником. Закрывали свои магазины и мастерские, оставили другую

работу, чтобы провести в последний путь мало известного им Иhezкиэля Напаху.

Весь город шёл за похоронными носилками. Когда подошли к воротам кладбища, рабби Леви Ицхак поднялся на возвышение и обратился с прощальным словом.

Господа, братья мои, я расскажу вам о том, кого мы оплакиваем сейчас. Слушайте внимательно и сделайте вывод.

Три раза я, как глава еврейского суда, бетдина, по закону Торы разбираю поданные против него обвинения.

Первое.

Один купец, очень скромный и честный человек, он сейчас стоит среди вас, но я прошу его помолчать, понёс страшные убытки и разорился. Чтобы спастись от полной гибели, ему нужно было срочно достать где-то пятьсот рублей.

Он пришёл к Иhezкиэлю Напаху, да упокоится его душа с миром, и попросил одолжить деньги на два месяца.

Иhezкиэль согласился помочь, но попросил, чтобы кто-нибудь дал гарантию, что долг будет возвращён. Купец ответил: "Никто не должен знать, что я оказался в таком ужасном положении, иначе не смогу выкрутиться, поэтому никого не могу привести. Только Всевышний, - сказал он, - может быть моим поручителем".

"Согласен, - сказал Иhezкиэль, - пиши расписку". И они заключили договор, что долг будет возвращён через два месяца, а гарантом является Ашем.

Прошло два месяца, но должник не появляется. Три месяца, четыре, полгода прошло, Иhezкиэль молчит и не предъявляет расписку в суд для взыскания долга. Больше года прошло с того времени.

За это время купец разбогател, вспомнил о долге и принёс деньги.

Но Ихезкиэль отказался принять их. "Твой гарант, Ашем, заплатил мне, - сказал он, - ты мне уже ничего не должен".

"Как это не должен! - возмутился купец, - я не вор, я обязан вернуть твои пятьсот рублей! Возьми!"
Отвечает: "Нет".

Так они спорили – один даёт, а другой не берёт.

Не сумев уговорить Ихезкиэля, купец пришёл в бет-дин.

Такого дела мне не доводилось разбирать. Не могу одного заставить взять деньги, но не могу оставить их у должника. Значит, вправду Ашем вернул долг купца? Вижу, что оба отказываются от этих денег. Если так, говорю, пожертвуйте их в йешиву. Обрадовались оба такому решению и на том разошлись.

Второй раз я собрал бет-дин по просьбе владельца продуктового магазина.

Некий человек пришёл в его магазин, купил всё, что хотел и расплатившись ушёл. Но не заметил, что, когда расплачивался, из кармана выпали деньги, двести рублей. Хозяин магазина поднял их и спрятал в свою кассу.

Прошло немного времени, прибежал встревоженный покупатель и объявил, что потерял деньги. Хозяин магазина ответил, что не видел ничего, и знать ничего не знает.

Расстроился этот человек до слёз и губы дрожат.

За всем этим внимательно наблюдал покойный Ихезкиэль Напах, выбиравший со стеллажей в свою сумку овощи. Он подошёл к убитому горем человеку и спросил: "Какую сумму потерял, уважаемый?" Ответил тот: "Двести рублей".

"Правильно, - сказал Иhezкиэль, достал кошелёк и вытащил двести рублей, - возьми, иди себе с миром".

А продавец стоит за прилавком, лицо белое, и глаз поднять не может.

Когда они остались одни, говорит он Иhezкиэлю: "Виноват я перед Б-гом и перед этим человеком, "йецер ha-ра", злой дух привёл к греху. А сейчас возьми, пожалуйста, эти двести рублей и прости меня". Отвечает ему Иhezкиэль: "Знать я тебя не знаю и денег твоих не возьму".

Стали спорить. Один требует взять, очень хочет очиститься от своего проступка, а другой не берёт, повторяет: "Знать я тебя не знаю и денег твоих не возьму". В конце концов, потребовал хозяин магазина, чтобы раби Иhezкиэль пошёл с ним в бет-дин.

Выслушал я обе стороны, и раз и два... просил раби Иhezкиэля взять деньги, но он отказался. В таком случае, сказал я, пусть эти двести рублей будут пожертвованием на содержание йешивы. Согласились оба с моим решением и успокоились.

Третий случай я вам расскажу, такой.

Один человек, он тоже сейчас стоит среди вас, добрый порядочный еврей, женился и жил в бедности. Голодал, но не протягивал руку за подаванием. Брался за любую работу, но не было ему удачи.

Решил он уехать в другой город, ведь говорят люди, поменяешь место, поменяешь судьбу, может быть, в другом городе повезёт больше... Собрал кое-какие вещи в дорогу и говорит жене: "Напротив, через дорогу, живёт рабби Иhezкиэль Напах. Есть за ним долг, поэтому, когда уеду, он будет давать тебе каждый день на расходы пятьдесят копеек, а в йом шиши, в пятницу, получишь рубль. Ашем поможет нам, и я вернусь". И уехал.

На следующий день молодая женщина пришла к рабби Иhezкиэлю. Он выслушал внимательно, но не сказал, что не знаком с её мужем и что нет за

ним долга этому человеку. Подумал немного и дал ей пятьдесят копеек.

Каждый день женщина приходила и получала деньги. В пятницу рабби Ихезкиэль давал ей рубль - за два дня, за шестой и за седьмой. В неделю получалось три рубля пятьдесят копеек.

Через четыре года муж вернулся. Повезло ему в чужих краях, разбогател. Но как жена? Жива ли? Сердце трепещет. И видит - жена здорова, в доме порядок. Она рассказала, что исправно получала от рабби Ихезкиэля причитающийся им долг. Муж был поражён: "Какой долг? Не было никакого долга, я ведь соврал, чтобы успокоить жену, чтобы не удерживала..."

Подсчитав все дни, он выяснил, какую сумму обязан вернуть, и побежал к рабби Ихезкиэлю. "Нет, - сказал тот, - и тебя не знаю, и жену твою не знаю, ты мне ничего не должен".

Сколько ни объяснял муж о своём обмане, о том, как это всё произошло, сколько ни винился перед рабби Ихезкиэлем, не желал праведник говорить с ним. "Я заработал много денег, - убеждал он, - я не хочу быть вором, возьми, пожалуйста!" Не взял.

Это был третий случай, когда я разбираю дело против рабби Ихезкиэля. Но и в этот раз не сумел заставить его взять деньги.

А когда предложил пожертвовать их для йешивы, оба тут же согласились.

Вот кого мы провожаем сегодня, вот о ком мы плачем сегодня, братья мои. Он не был богатым человеком. Но он поддерживал наш мир, с его уходом мы обеднели.

Стояли евреи и плакали. А кое-кто сделал тэшуву, раскаялся в своих проступках. Как и мы с вами. Да будет мир народу Израиля. Амин.

הלאה: ЦЭДАКА

«Если обеднеет брат твой... то поддержи его...» (*Ваикра 25:35*) – это закон Торы, обязательный для исполнения.

Выполняем заповедь или цэдакой, пожертвованием, или даём в долг. Никто не обеднеет оттого, что помогает бедным, напротив, милосердие, проявленное человеком, возвращается к нему большей любовью и милосердием Всесильного.

В самом деле, цэдака, а буквальное значение этого слова – справедливость, часть заработка, которую мы обязаны выделять для бедных. Деньги, которые нам не принадлежат.

Эту малую часть Б-г доверил нам для передачи, и утаивание её приравнивается к воровству. И даже бедняк, сам живущий на пожертвование, обязан выделять часть своего дохода более бедному (*Трактат «Гитин» 7б*).

Тот, кто не нуждается, но выпрашивает цэдаку у людей, к концу концов умрёт в нищете.

Помогать надо как евреям, так и неевреям, живущим рядом, потому что это «дэрех шалом», дорога мира.

Пожертвование на синагоги или на общественные нужды не освобождает от этой обязанности. Но пожертвование на йешивы и школы, где изучают Тору, и на содержание изучающих Тору, а их положение приравнивается к положению бедных, ещё важней.

Человек обязан помогать в первую очередь своим детям или родителям, потом родственникам, потом членам своей общины, потом жителям своего города, потом остальным. И это тоже «дэрех шалом».

Хорошо, когда даёт из рук в руки, это первая, низшая ступень. Вторая ступень, когда даёт, а принявший не знает, кто ему дал. Третья ступень, когда даёт и не знает, кому дал и получивший не знает, кто ему дал.

Цэдаку следует давать утром, можно во время минхи, после полудня, так поступал Аризалъ, но не вечером.

Дающий сам и принуждающий давать цэдаку других, получает особую награду от Всевышнего.

Что значит «поддержи его»? Лучшее, что может сделать человек, оказывая помощь, более важное – поддержать еврея, который оказался в бедственном положении.

Поддержать, пока не упал. Дать ему работу, взять компаньоном в свой бизнес или одолжить денег, чтобы мог встать на ноги. При этом мы поможем ему сохранить веру в Б-га и чувство собственного достоинства.

Рамбам в книге «Сефер амицвот» пишет, что тот, кто скрывает, что оказался в беде, нуждается в помощи больше, чем тот, кто, унижаясь, открыто просит подаяние

Давать в долг более важная заповедь, чем заповедь о цэдаке. Как сказано: «Дай ему взаймы по мере нужды его» (*Дэварим 15:8*). Это обязанность, от которой запрещено отказываться.

Пришёл человек, просит? Дай. Или работу или деньги. Откажешь – рано или поздно сам пойдёшь с протянутой рукой.

Одалживая деньги, следует составить договор и указать сумму, срок и условия возвращения долга, или же одалживать при свидетелях. Даже близкому другу и даже мудрецу Торы. Таким образом, защищены обе стороны, которые могут не злонамеренно забыть о долге, забыть сумму долга или забыть условия договора.

Разрешается давать в долг без расписки и без свидетелей, если должник оставляет в залог какую либо ценную вещь.

Если у должника нет денег, выплатить долг точно в срок, нельзя настаивать на немедленном возвращении, следует выждать дополнительное время и по возможности избегать его, чтобы ему не было стыдно. Об этом говорит Тора: «Не притесняй ближнего твоего...» (*Шмот 22:24*).

Но сам должник обязан приложить все усилия для скорейшего возвращения долга. И если есть возможность вернуть, а он задерживает, подобен вору. В таком случае следует востребовать долг.

Вещь, взятую в залог, следует беречь, без согласия должника пользоваться ею запрещено.

Закон Торы запрещает давать в долг под проценты и брать в долг под проценты (*Ваикра 25:37 и Дэварим 23:20*).

Запрещено также участвовать в такой сделке в качестве свидетеля, поручителя или составителя договора.

Сказали мудрецы (*Бава Меция 75-б*): «И кредитор, и должник, и поручитель, и свидетели, и составитель договора, все они нарушают запре-

ты Торы при заключении сделки о предоставлении ссуды под проценты».

Запрещено любое вознаграждение за ссуду – деньгами, вещами, продуктами или собственным трудом.

Однако можно давать деньги в оборот, когда получают доход обе стороны в равной степени, в зависимости от вложенной суммы. Например, один вложил 1000 долларов, другой внёс 9000, доход от прибыли рассчитывается соответственно от 10 000 долларов.

Если доход составил 100 долларов, т.е. 1 процент от вложенной суммы, тогда внёсший 9 000 получает 90 долларов, а внёсший 1000 получает 10, что составляет 1 процент от суммы, внесённой каждым из них. Обязательно должен быть составлен договор, в котором оговариваются условия вложения денег и процент извлекаемого дохода.

По такому принципу могут работать частные еврейские банки, где, дающий ссуду банк и клиент, получающий ссуду, согласно заключаемому договору являются шутафим, компаньонами.

Это справедливо, когда деньги работают в создании и развитии производства и средств производства и в торговле, обеспечивают доход вкладчиков. Или же доход идёт за счёт финансирования неевреев, выплачивающих проценты по ссудам, когда взимание процентов разрешено законом Торы.

Но брать проценты от ссуды, выданной на приобретение еды, на одежду и на другие насущные нужды человека, от чего зависит его существование, Тора запрещает.

Маран «Шульхан Арух» разрешает давать ссуду под проценты мумарам (предавшим веру отцов), а также нарушающим публично шабат и тем, кто ест запрещённую Торой пищу. Но брать у них в долг запрещено.

Запрещено, пишет «Ялкут Йосеф» (К.Ш.А. 159:6), помогать из общественной кассы еврею, публично и злонамеренно нарушающему шабат.

Можно брать ссуду в государственном банке в Израиле на любые нужды, в данном случае это равносильно одалживанию у нееврея, что законом разрешается.

Да вернёт Всевышний Закон Торы на Святую Землю и будет отстроен Иерусалаим! Амин.

ХЛЕБ ЖИЗНИ

Эта история произошла немногим более ста лет тому назад, когда Эрец Исраэль входила в состав турецкой Османской империи.

Один человек, по имени Гедалья, торговавший тканями, должен был отправиться в Багдад, переправить товар на Святую Землю. Путь дальний и опасный. Он договорился с караваном ишмаильтян, что возьмут его с собой за определённую плату. Но они поставили условие, что оденется, как одеваются ишмаильтяне, и будет как один из них, чтобы никто не догадался, что он еврей. В назначенный день караван вышел в дорогу.

Неделю двигались от стоянки к стоянке и подошли к одному зловещему месту, о котором знали все путешественники. В голом месте стоял караван-сарай, небольшая дорожная гостиница для торговых людей. Говорили, что живут в ней злые духи, грабящие путников, осмелившихся заночевать там. Но в пустыне ночевать ещё опаснее, бродят разбойники и дикие звери.

Хозяин караван-сарая принял путешественников радушно. Предложил воду, напоить верблюдов и омыть усталые ноги. Предложил ночлег в доме или на открытой веранде, под крышей.

Солнце уже погружалось в песок, быстро темнело. Караванщики разложили у стены вещи и сели в круг на веранде. После короткой молитвы каждый достал свою еду.

Гедаля тоже открыл дорожную сумку, где были хлеб, сыр и сваренные вкрутую яйца.

Когда все насытились, хозяин, здоровый толстый мужчина, принёс большой поднос с белой, свежей, ещё горячей халвой и ароматный чай. Это его подарок, сказал он, правоверным мусульманам. Гедаля тоже взял кусок аппетитной халвы, но есть не стал, нельзя есть еврею сваренное гоем. Халву спрятал в мешок, а сам пил чай и повторял за ишмаильтянами слова благодарности хозяину.

Стемнело, прочитали скорую молитву и стали укладываться ко сну.

Ишмаильтяне мгновенно уснули, а Гедаля лёг с краю и слушал их тяжёлый храп. Около полуночи пришли в темноте два стражника, повесили на стенку свои огромные сабли и тихо улеглись слева, на свободное пространство между ним и остальными спящими.

Примерно через полчаса появился хозяин гостиницы с ножом в руках. Он стал переворачивать спящих и вытаскивать спрятанные под их одеждой пояса с деньгами. Теперь Гедаля понял, почему их

угощали халвой, видимо в неё было замешано снотворное. Он прикрыл глаза ладонью и сквозь пальцы смотрел, как лунный свет отблёскивает от стального лезвия кинжала. Боялся пошевелиться. Но и стражники, лежавшие рядом, тоже не спали, они тоже наблюдали за действиями грабителя.

– Что будем делать? Оружия при нас нет, – Услышал Гедаля шёпот одного из них.

– Вдвоём справимся. Когда подойдёт ближе, хватай его за руки, а я брошусь сзади.

– Да будет так...

Когда хозяин гостиницы приблизился к ним, стражники со страшным криком бросились на него, один спереди, другой сзади, но бандит был очень силён, вот вот нож достанет открытое горло. Тогда вскочил и Гедаля. Он схватил маленькую, но тяжёлую скамейку, на которой лежал его дорожный мешок и со всей силы ударил бандита по голове.

Втроём они крепко связали его по рукам и ногам, утащили во внутреннюю комнату, уложили на голый пол, а сами легли поодаль. Никто из спящих так и не проснулся.

Утром ишмаильтяне подняли крик и плач, исчезли все деньги. Тогда стражники привели их в комнату, где лежал грабитель, и раздали украденное в соответствии с приметам, которые указали потерпевшие. «Только, – сказали они, – объясните, что вы пили и ели перед сном?» Гедаля достал спрятанный кусок халвы и протянул стражникам.

Взяли они эту халву, вытащили из дома преступника и повели, как скотину на привязи, в город. На прощанье каждый из ишмаильтян дал им по одной золотой монете. Однако стражники показали на Гедаля – если бы он не помог, вряд ли справились бы сами.

А путники прочитали молитву, возблагодарили Аллаха, наскоро перекусили и двинулись в дорогу, подалее от этой ужасной гостиницы.

Вот, значит, какие злые духи здесь. Вот кто грабил людей.

Возвращаясь назад той же дорогой, узнал Гедаля, что во дворе караван – сарая полиция нашла зарытый клад и в великом числе останки обманутых и ограбленных путешественников, а убийцу (слава Всевышнему!) судили и повесили.

В четвёртый день святого шабата, он же – йом рэвии, Гедаля переступил порог родного дома в Хайфе.

На следующий день с первыми лучами солнца он уже молился со своей общиной, от всего сердца читал перед свитком Торы «Биркат ха-гомэль», благословение за избавление от опасности. В этот же день он пожертвовал за благополучное возвращение домой довольно большую сумму денег на йешивурабии Яакова, зихрано ливраха.

А когда поведал свою историю, сказалрабии: «Тот, кто убережёт уста свои от скверного – сохранит душу в чистоте и жить будет в радости».

הалаха: **КОШЕРНОЕ ПИТАНИЕ**

"Не оскверняйте душ ваших..." - требует Он, наш Создатель, нечистой пищей. (Ваикра 11:43) Есть прямая связь между духовным состоянием человека и тем, что он ест. Соблюдение кашрута помогает нам в нашем стремлении к духовному совершенству.

Еврей, который ест запрещённое, не имеет права быть свидетелем на суде. (Рамбам "Эдут" 10:3) Так же, как не может быть свидетелем вор, пьяница или игрок в азартные игры. Даже, если

на его глазах совершено убийство, суд (бет-дин) не поверит ему.

Основные признаки принадлежности к еврейскому народу для мужчин - "брит мила" и исполнение заповеди тэфилин, для женщин - соблюдение законов "нида", но, как для мужчин, так и для женщин, обязательно соблюдение законов шабата и кашрута.

Правила кошерного питания.

Первое - кошерная посуда. Инструменты и приспособления для приготовления пищи, вилки, ложки, посуда и тому подобное, что на иврите называют кэлим, не должны быть использованы для не кошерных продуктов.

Новую металлическую и стеклянную посуду, изготовленную неевреем, мы обязаны освятить в водах миквы (*тэвила*) с благословением (*Бен Иш Хай "Матот"*). Фарфоровую и фаянсовую посуду окунаем без благословения.

Старая металлическая посуда, служившая неевреям или евреям, не соблюдающим заповеди Торы, должна пройти *агала*, кашерование кипячением или *либун*, прокаливание.

Глиняную, фаянсовую, фарфоровую, пластмассовую и деревянную посуду, служившую неевреям или евреям, не соблюдающим заповеди Торы, запрещено использовать для приготовления пищи, для хранения горячей пищи или для холодных напитков.

Второе правило – удостоверение в пригодности продуктов.

Основные продукты питания человека - хлеб, мясо, рыба, молоко и овощи. Только физически и ритуально чистые продукты дозволены в пищу.

Хлеб рисовый и кукурузный разрешён. Хотя Тора и не запрещает нееврейский хлеб, выпеченный из пяти видов злаков, но рабаним, мудрецы Торы, запрещают его *богобоязненным евреям* (Шулхан Арух "Йорэ дэа" 112).

Хлеб, выпекаемый неевреем, но под руководством еврея, или хотя бы еврей включил рубильник печи, разрешён, как еврейский. В то же время, если нет никакого другого хлеба и, если нееврей печёт хлеб из пяти видов злаков не для себя, а для продажи, есть его можно.

Но тут же возникает проблема с *толаим*, мучными червями. Как правило в нееврейских пекарнях, если и просеивают муку, пользуются ситами с большими ячейками, которые хотя и задерживают мусор, но пропускают маленьких, едва заметных червячков. Хлеб, выпеченный из такой муки, запрещён.

Запрещён также хлеб, смазанный при выпечке сырым яйцом. Это как *бишуль нохрим*, чужое варево.

Всё, что не едят в сыром виде и приготовлено на огне неевреем, "бишуль нохрим", запрещено есть. Если под наблюдением еврея и в еврейской посуде - разрешено.

Мясо домашних и диких животных, соответствующих признакам установленным Законом - имеющих раздвоенное копыто и отрыгивающим жвачку, называется кошерным, разрешенным (*Сифри "Шмини"*).

Но при условии, что животное не убито зверским способом, как это, например, делают на бойнях России или Англии (поражают электрическим током или проламывают голову кувалдой), а зарезано специалистом шохетом особо острым ножом. При этом животное не чувствует боли, кровь уходит из сонной артерии и оно как бы засыпает.

Мясо загубленного или растерзанного животного называют *нэвела*, мертвечина, пададь.

Шэхита - заповедь Торы (*Рамбам 146; Сифрэ "Рез"*). Животное, приготовленное для шэхиты, должно быть абсолютно здоровым. Если *никур*, проверка после шэхиты, показала, что поражены внутренние органы животного, (желудок, лёгкие, мозг, сердце), мясо - *трефа*. Негодное, запрещённое (*Шулхан Арух "Йорэ дэа" 25*).

Этот закон обязателен и для мяса птиц. Разделявая тушу животного, обязательно следует удалить *хэлев*, животный жир, и *гид анашэ*, бедренные жилы (*Хулин 96-а,б*). Тора запрещает к употреблению мясо всех животных и птиц, не отмеченных особо в Торе (*Ваикра, Шмини 11*).

Запрещена рыба, у которой нет двух обязательных признаков - плавников и чешуи.

Запрещена кровь животных и птиц (*Ваикра 7:26; "Критот" 196:22*). Поэтому запрещено готовить мясные блюда, пока из мяса не удалена кровь. Кровь удаляется просаливанием (*Бен Иш Хай, "Тагарот"*).

Предварительно мясо разрезают на куски среднего размера и тщательно промывают холодной водой и кладут в посуду с водой на полчаса или на час. Но, если пролежало в воде сут-

ки, его остаётся только выбросить, так как кровь из него уже не выделится.

Потом укладывают или на решётку, или на наклонную доску и обсыпают со всех сторон сухой солью среднего помола.

Мясо должно пролежать не менее часа, пока соль не вытянет кровь. Соль стряхивают и несколько раз промывают, если вода не содержит кровь, мясо откашерованно.

Если мясо не было обработано в течение трёх суток, оно уже непригодно к употреблению (*Шулхан Арух "Йорэ дэа" б9*).

Печень не поддаётся кошерованию просаливанием, кровь всё равно останется в капиллярах. Её можно варить только после прожаривания на открытом огне, огонь выводит кровь, но перед этим следует многократно промыть.

Мясо для шашлыка также не просаливают, но тщательно промывают и жарят над открытым огнём.

Следует проверять яйца, если обнаружили кровь, есть запрещено. Наказание за умышленное употребление крови животных и птиц - карет, отсечение души. Если кровь обнаружили в желтке, выбрасываем яйцо, если в белке, можно удалить кровь и использовать яйцо.

Молоко, надоенное неевреем или не в присутствии еврея и не в еврейскую посуду, и молочные продукты из этого молока запрещены. Нееврейский сыр запрещён даже если используют синтетическую закваску, а не телячий или свиной желудок.

Традиция многих еврейских общин за пределами Эрец Исраэль допускают употребление сливочного масла, сделанного из нееврейского молока.

Третье правило - запрещено совмещение молочного и мясного и кошерного с некошерным (*Шмот 34:26*). Молочную посуду обязательно отделяем от мясной.

"Того, кто варил и ел мясо в молоке, бьют плетью дважды, а кто варил в молоке и ел гид анаше - пятикратно" (*Хулин 114а; Макот 21-6-22-а*). Но если молочное и мясное смешались произвольно в сочетании один к шестидесяти, нет преступления.

То же правило для случайного соединения кошерной и не кошерной пищи.

По мнению рава Овадья Йосефа стеклянную посуду, в которой было молочное, можно использовать для мясного, но предварительно следует тщательно промыть и прополоскать в кипятке.

Мясное можно есть сразу после молочного, но следует прополоснуть рот. После мясного - перерыв шесть часов.

Запрещено пить и использовать виноградное вино, коньяк и бренди, виноградный сок, винный уксус сделанные неевреем, А также, если эти напитки побывали в руках нееврея не запечатанными двумя печатями (*Авода зара 30-б-31-а*). Пиво, хлебные и фруктовые спиртные напитки, если они не смешаны с виноградным вином, разрешены.

Следует быть очень осторожным с фруктовыми напитками и с консервированными овощами, изготовленными неевреем. Так как они не проходят проверку на *толаим и шерец* (черви, насекомые, членистоногие и прочая тварь).

Персики, абрикосы, вишни, грецкие орехи, финики и многие другие свежие и сушёные фрукты часто бывают червивыми. Очень много насекомых на овощах, выращенных на земле: на капусте, на листьях зелёного лука, салата и петрушки, в грибах, в фасоли.

Пишет Бен Иш Хай (*Насо - 2:1*): "Тот, кто ест шерец, живущий в воде, бьют четырьмя ударами плетью, кто ест шерец, живущий на суше - пятью ударами. А того, кто ест летающих, бьют шесть раз.

Такие овощи, как капуста и столовая зелень, кроме проверки требуют особого кошерования.

Каждый лист промываем под краном и погружаем поочерёдно на 4 минуты в слабый солёный раствор (чайная ложка столовой соли на 2 литра воды). После этого снова промываем под струёй воды и проверяем на свет ("*Пути возвращения*").

Разрешённые холодные напитки, чай и кофе можно пить из нееврейского стакана, если уверены в его чистоте.

Завершая благословение после еды, "Биркат ха-мазон", мы говорим: "Всё, что ели, пусть насытит нас, всё, что пили, излечит нас, а всё разрешённое, будет нам во благо".

Будет душа народа Израиля чистой и благословенной. Аминь.

ТРУДНЫЙ ВЫБОР

Один гой остановил на улице еврея, бежавшего в шабат в синагогу, и, угрожая ему ножом, повёл к себе домой. Завёл в заднюю комнату и говорит:

"Выбирай. Перед тобой бутылка вина, которое ты должен выпить, перед тобой сигареты, выкури хотя бы одну, или женщина, с которой ты должен совокупиться. Что-то одно обязан исполнить, иначе живым не выйдешь".

Задумался еврей, а был он "ам-аарец", то есть не учивший алахот:

"Женщина, конечно, запрещена, это же разврат! Сигареты в шабат? Это уж точно преступление. Нееврейское вино запрещено, но, наверное, меньшее зло из трёх. Выпью вино и уйду".

Он выпил всю бутылку вина, как того требовал гой. Тут же ему захотелось покурить. Потом он посмотрел на женщину... Один проступок повлёт за собой другие.

Как сказано в "Пиркей авот" - один грех ведёт за собой другие.

Рассказ

об одном ленивом человеке,

который совсем не беспокоился о своей семье.

День за днём он или валялся на диване, или проводил время в чайной за игрой в нарды. Дом пустой, дети голодные, жена ругает, а бездельник всегда находит оправдание: "Невезучий, мол, я, даст Ашем, разбогатеет..."

Однажды пришёл добрый сосед и говорит: "Слушай, дорогой, завтра в столице открывают ярмарку. Я еду и тебя могу взять с собой. Дам тебе денег в долг, там купишь дёшево, здесь продашь дороже. Будет тебе приличный заработок".

"Ой, спасибо, соседушка!" - Обрадовался наш бездельник. Написал расписку за деньги и стал собираться в дорогу.

На следующий день они уже были на ярмарке. Сосед отправился по своим делам, а наш герой пошёл по рядам, смотрит туда - сюда: сколько интересного, сколько замечательных вещей! Ходит, как на экскурсии, любуется, с народом беседует. Так и день прошёл.

Переночевал в гостинице, а утром снова пошёл гулять. И на второй день ничего не купил. И третий день прогулял. Ярмарку закрыли, и вернулся домой.

Жена, дети, бегут к нему: "Папа, папа приехал!" А у папы для семьи ничего нет, денежки растратил и время провёл.

Рабби Акива говорил (*Пиркей авот 3:16*): "...Лавка открыта, и владелец даёт в долг. Раскрыта долговая книга и рука записывает. Любой может прийти и одолжить, но кредиторы ежедневно отбирают долг, с ведома или без ведома должника. Есть у них право на это. Судит Суд - Суд истинный..."

Немного времени дал нам Хозяин. Семьдесят или восемьдесят лет подобны мгновению (*Молитва Моше*). И дал Он нам этот прекрасный мир, где любим мы и нас любят. Этот мир, где мы сажаем деревья и строим дома. Этот мир,

где мы исполняем заповеди и помогаем другим их исполнять.

Этот Мир, в котором мы живём - ярмарка с множеством разнообразных вещей. Придёт время, вернёмся туда, откуда пришли, и спросят нас, с чем мы вернулись...

Растратили долг?

СИЛА РАБИ

Это произошло в городе Яссы, когда главным раввином там был гаон раби Иошуа Эошиль, зихронно ливраха.

Этот скромный и тихий человек прославился как один из величайших мудрецов и праведников своего времени. Он не возносился ни над богатыми, ни над бедными, ни над знатными, ни над простыми евреями. И никто не подозревал, какая большая сила скрыта в этом человеке.

Однажды рабанит, женарабии, пошла покупать рыбу к шабату, но рыбный ряд оказался пустой. "Уже несколько дней нет улова", - заявили торговцы рыбой. Тогда она пошла к рыбакам - что за шабат без рыбы? Рыбаки подтвердили, что рыба в эти дни не ловится, но рабанит умоляла: "Может быть ради её старика, чтобы он не остался без рыбы, что-нибудь поймают. За любую цену, - сказала она, - не оставьте нас в шабат без рыбы, пожалуйста".

Посмотрели рыбаки на неё, переглянулись, один встал, другой, и пошли к лодке. Смотрит женщина с

берега, как качается маленькая лодка, как рыбаки раз за разом взмахивают руками, забрасывая сеть.

Может быть, прошёл час, может быть больше, вернулись рыбаки и несут большую рыбину: "Держи, - говорят, ваш Ашем помог нам ради твоего старика". Протянула руки рабанит, но взять не успела.

В это время подъехала на коляске, запряжённой белым рысаком, жена Гэвира, главы еврейской общины, самого знатного и богатого еврея в городе. Соскочила с коляски, схватила рыбу и бросила своему кучеру на колени.

- Сколько эта женщина даёт вам? - спрашивает, - я заплачу вдвое.

- Уважаемая госпожа, - отвечают, - это её рыба, мы для неё ловили.

- Для кого, для этой нищенки, в городе рыбы нет, а она есть будет? Тогда ничего не получите!

Села в коляску, толкнула кучера в плечо и исчезла так же быстро, как и появилась.

Рыбаки растерялись, что тут скажешь и что поделаешь... А рабанит заплакала и пошла домой.

Дома она рассказала, как унизила и обобрала её знатная госпожа.

- Не беда, - сказал раби, - как другие, так и мы, будет нам шабат и без рыбы. Ашем устанавливает справедливость.

Позвал своего шамаша и говорит.

- Иди в дом этого человека, мужа нечестной женщины, и потребуй от моего имени, чтобы вернули рыбу, купленную рабанит. Но когда откажут, громко объяви, что жена его развратница.

Испугался шамаш. Идти в дом, который охраняют стражники, как дом губернатора? Требовать справедливости от этих людей, да ещё жену хозяина обвинять в разврате? Да оттуда живым не уйдёшь. Стал умолять рава, чтобы освободил от этого поручения. Однако раби не внял его причитаниям.

– Иди, – говорит, – это заповедь, которую ты обязан исполнить. Всё, что сделаешь, всё, что скажешь, всё – от моего имени. Не бойся. Говори громко, пусть слышат все, кто там будет. Иди!

Очень не хотелось шамашу идти, но куда денешься. Рава своего он боялся больше, чем губернатора, солдат и всех знатных людей города. Он знал, что раби один из немногих праведников, которым Ашем дал великую силу.

Рабби ещё раз напомнил, чтобы громко обвинил ту женщину в разврате, даже, если там будут посторонние. И шамаш пошёл.

У входа в дом Гэвера он объяснил охране, что пришёл по поручению раввина, и его провели в большой зал. Там было много гостей, а хозяин давал распоряжения своим служащим. Все повернулись в сторону вошедшего.

Набрав смелости, шамаш рассказал, какая история произошла на берегу, и теперь он пришёл за рыбой, которую купила рабанит. Люди слушали, не перебивая, но тут вошла жена хозяина и подняла крик. Покраснев от злости, она проклинала рабанит и раби такими словами, что все были изумлены.

Тогда шамаш не вытерпел.

– Слушайте, господа, – начал он, – раби велел сказать ещё что-то, но я боюсь даже сейчас это произнести...

И замолчал.

– Говори, говори, – зашумел народ, – раз тебя послали, обязан говорить.

– Раби велел сказать... велел сказать... что женщина эта, хозяйка дома, развратница!

Выкрикнул и бросился бежать прочь, быстро, чтобы слуги не успели его схватить.

Тут уж жена Гэвира взбесилась, орёт, красная от злости, брызжет слюнями.

– Разве не говорила вам, кто он, этот так называемый рав! Он меня теперь в разврате обвиняет?

И снова проклятия и другие ужасные её слова, которые нам стыдно повторять.

А Гэвир сидит, опустил голову, молчит. И все молчат. Через какое-то время женщина устала, притихла.

Он посмотрел на жену и говорит.

– И что теперь, дети мои мамзеры? Скоро шабат, как я выйду из дома? Друзья мои, посоветуйте, что делать, что делать...

Самые важные люди общины сидели вокруг. Тяжело было им слушать этот скандал, но каждый думал про себя, что не мог рав ложно обвинить эту женщину, наверное, есть причина. Что тут посоветуешь?

Вышли они во внутренний двор дома и стали совещаться. Через некоторое время вернулись, и один из них обратился к Гэвиру:

– Конечно это большой позор, но следует подождать до утра, когда люди пойдут на утреннюю молитву. В перерыве, перед чтением Торы, пригласим всех в дом собрания и пошлём за раввином, пусть ответит перед общиной. А если не сумеет оправдаться, по окончании шабата выгоним с позором и ославим на весь мир.

Гэвир принял этот совет, но жена снова стала кричать и требовать, чтобы не ждали до утра, выгнали рава немедленно. Однако люди были тверды в своём мнении, устроить суд завтра. И разошлись по своим домам.

На следующий день, в шабат, перед тем, как раби начинают чтение Торы, пришли представители общины в дом собрания. Один за другим стали подходить евреи, из синагоги, из ближайших домов, из других кварталов еврейского района. Кому не хва-

тило места, стояли у окон, ждали что будет. Послали за раби.

Раби Йошуа, небольшого роста, весь скрыт под белым талитом, почти не видно его. Когда он вошёл, стало тихо, внезапный страх напал на евреев. Все, сидевшие, встали как по команде.

У раввина, в соответствии с обычаем, было своё кресло во главе стола, а вокруг собирался комитет общины. Однако, там уже сидел Гэвир. И это был намёк раввину, что его готовы изгнать.

Если раньше Гэвир думал, что он будет сидеть, а рав будет стоять перед ним, то теперь хотел бы встать, да силы внезапно оставили его. Раби помог ему, поддержал и усадил на соседний стул, а сам сел на своё место и спросил:

– Братья мои, почему вы прерываете шабатнюю молитву, и что вы хотите от меня?

Ответили ему:

– Вчера, раби, ты послал шамаша в дом Гэвера, чтобы обвинил его жену в распутстве. Мы просим, чтобы ты объяснил свой поступок. Ведь если обвинение справедливо, значит дети Гэвира – мамзеры. Это очень почтенная семья, никто слова плохого не скажет.

– Да, – говорит раби, – я обвиняю женщину в распутстве. И на все ваши вопросы отвечу и объясню вам всё, как есть. Но не сегодня, а завтра, после утренней молитвы. Суд в шабат запрещён.

Стало тихо. Но муж той женщины встал, отбросив ногами стул, на котором сидел, и закричал:

– Что вы болтовню устроили! В шабат человек не может защитить себя? Так я вам скажу, этот раби понял, что зашёл далеко со своей ложью, и тянет время. Ночью он сбежит из города и останется ненаказанным.

Поднял раби глаза свои на него в гневе, и застыли слова во рту Гэвира.

– Нет лжи в моих словах, да сохранит вас Ашем! Я понимаю тебя и сочувствую, ты не виноват в своём позоре. Повторяю, что не в шабат, а завтра узнаешь правду. Придёт на суд согрешивший с твоей женой и расскажет о том, как это случилось. Перед всей общиной.

Призвал рав Иошуа, зихроно ливраха, своего шамаша и говорит:

– Завтра возьмёшь мой посох и пойдёшь на кладбище. Подойдёшь к могиле Даниеля сына Года, ударишь по камню и скажешь: "Даниель бен Год, раввин вызывает тебя сегодня, в третьем часу".

А людям, стоящим напротив, и Гэвиру объявил:

– Суд назначаю на йом ришон. Чтобы все были здесь в третьем часу от зари. Закройте тканью угол зала, в котором будет находиться свидетель. И приведите на суд обвиняемую в разврате.

Увидели евреи, что есть у них суд и есть судья и разошлись, кто в синагогу, кто домой. А раби Иошуа продолжал молитву шахарит, читал Сефер Тору и Мусаф.

На следующее утро все евреи города, мужчины, женщины, дети, окружили дом собраний. В третьем часу от зари раби ha-кадош окончил читать молитву и, не снимая талита и тэфилин, направился к ним. Он прошёл в зал заседаний, сел в кресло во главе стола и попросил привести жену Гэвира. Но женщина отказалась прийти, и тогда он велел снова сходить за ней и предупредить, что если не придёт сама, свидетель - покойник придёт за ней.

Теперь все на месте. Судьи с раввином во главе, обвиняемая и свидетель в углу, скрытый за натянутой тканью. Как он появился там, никто не заметил, но стоявшие в зале, вдруг увидели сквозь ткань занавеси неподвижную фигуру

– Господа! - Обратился раби к народу. - Вы помните голос Даниеля, умершего летом прошлого

года? Того Даниеля, который был главным счетоводом уважаемого господина, Гэвира?

– Да, да, помним! - отвечали люди, - хорошо помним.

– Он сейчас здесь, в углу, за этим пологом, - я приказал скрыть его, чтобы вид мёртвого не пугал вас. Слушайте голос и подтвердите он это или не он.

Приказал рав шамашу немного сдвинуть полог и спросил у того, кто был там:

– Как имя твоё?

– Даниель бен Год.

– Расскажи, Даниель, как ты и жена твоего хозяина оказались в запретной связи.

– Я работал в доме Гэвира, где у меня был свой кабинет. Я вёл учёт его расходов и доходов, работы было много, особенно в конце месяца. Часто задерживался допоздна и оставался ночевать на раскладной кровати, которую поставили для меня в комнате.

Однажды засиделся до полуночи. Хозяин уехал в другой город, а я торопился закончить отчёт к его возвращению. Окончил работу, постелил себе и лёг. Чувствую сквозь сон, как меня обнимают чьи-то руки. Испугался очень и попытался встать. Женщина, которая находится здесь, вцепилась в меня и говорит: "Никого из слуг нет, нет и мужа, не бойся. Если станешь моим любовником, - говорит, - сделаю богачом, если откажешься, тебя посадят в тюрьму за грабёж и попытку изнасиловать меня. Исполнишь моё желание. будешь жить, не исполнишь - погибнешь" А сама целует, ласкает, обнимает. Я не выдержал.

Не раз и не два она приходила ко мне. Ой-ва-вой! Нет мне успокоения в том мире, где его получают души умерших. Ведь даже в Гейином меня не пустили. Я прошу суд обвинить меня или оправдать. Небесный Суд ждёт вашего решения.

Покойник говорил о своей загубленной жизни с такой болью, что люди в зале плакали.

Поднял раби голос:

– Женщина, ты подтверждаешь слова Даниеля?

Побледнела она, губы дрожат. Отвечает сквозь слёзы:

– Не верьте ему, он ненавидит меня...

– Мёртвые не врут, - оборвал её рав, - нет лжи в том мире, который ждёт нас. Иди, Даниель, мы обвиняем женщину и освобождаем тебя. Иди на Небесный Суд.

Тут же сели, Гэвир, софер и свидетели, и написали гет. Дали женщине в руки этот гет и отправили на четыре стороны. Стоят люди, плачут. А что тут скажешь? Жалко, конечно.

А рава очень боялись с тех пор. Правда, вскоре он переехал в город Апта, чтобы стать там во главе раввинского суда.

האָלָאָח: УВАЖЕНИЕ УЧИТЕЛЯ

Каждый еврей обязан уважать мудрецов Торы и раввинов. "Перед сединой вставай и уважай старца..." (Ваикра 19:32).

Старец, *закен* – на иврите, не обязательно старый человек. Это талмид-хахам, человек, удостоенный большой мудрости Торы. Если это твой учитель, почитать его следует более, чем собственного отца. Отец дал тебе жизнь для этого мира, а учитель открывает тебе глаза для этого мира и для мира грядущего, для "Олам ха-ба" (*Бава меция 33а*).

Когда народ проявляет неуважение к своим мудрецам, начинаются войны и страна гибнет. "Иерусалаим не был разрушен, пока не опозорили мудрецов Торы... и не издевались над Его посланниками и не презирали Его слова..." (*Йирмияһу*).

Тот, кто публично проявляет неуважение к учителю Торы, к талмид-хахаму, к раввину, получит (*дин мин ха-шамаим*) карет, истребление души. Кто осуждает мудрецов, смеётся над ними, гневается на них, тот - преступник, "поднимающийся против Отца своего, против Б-га" (*Бэмидбар 21:5*). Наказание ему - карет.

"Трепет перед наставником - как трепет перед небесами" (*Авот 4:12*).

Запрещено сидеть перед раввином или перед учителем без его разрешения. Запрещено без разрешения пользоваться его вещами, сидеть на его месте и пользоваться его услугами.

Запрещено прерывать объяснения раввина или объяснять халаху в его присутствии, если рав не даст на это согласие. Кто поступает так, заслуживает смерти (*Шулхан Арух "Йорэ дэа" 242:4*).

У каждого еврея должен быть свой наставник, свой рав. Кто не следует советам и указаниям раввина, тот вредит себе и своим близким. Рано или поздно он поймёт свою ошибку. Советы мудреца и указания даны на основе Торы, а Тора в нашей жизни не только свод законов, но и огромный жизненный опыт всего еврейского народа.

По закону Торы раввин, талмид-хахам, объясняющий халаху и обучающий алахе, должен быть освобождён от уплаты налогов. За него платит община. Община обязана содержать сво-

его раввина и защищать от притеснения властей.

Если кто-то называет себя раввином и мудрецом Торы, а сам легкомысленно относится к заповедям Торы, он преступник. Тот, кто внешне старается выглядеть, как талмид-хахам для того, чтобы воспользоваться доверием людей и обмануть их, заслуживает смерти. Если не человеческий суд, то Небесный Суд покарает его.

Наши мудрецы, наши учителя открыты для всех. Но есть скрытые праведники, *нистарим*, чья мудрость чрезвычайно велика, в тишине и в безвестности, днём и ночью, они трудятся над сохранением мира.

Рассказ о раби Шэмуэле Элизере

(зэхэр цадик ливраха)

О раби Шэмуэле Элизере из небольшого польского города этот рассказ. Со временем его имя стало известно всему миру, и называть его стали рабену *на-кадош Шэмуэль Идалеш*.

Жители города считали его полоумным и ничёмным человеком, так как он отрастил длинные волосы на голове и никогда ни с кем не разговаривал, а если спросят о чём-то, опускал глаза к земле и улыбался. Только его жена знала, что он - один из

величайших праведников поколения, и держала эту тайну в себе.

Дни и ночи проводил раби Шэмуэль за изучением Торы и писал комментарии на Талмуд. Ночью он не ложился спать, но чтобы сон не одолел во время работы, привязывал свои длинные волосы верёвкой к балке потолка. Когда глаза закрывались, а голова опускалась к столу, верёвка натягивала волосы, и Шэмуэль возвращался к Торе.

В этом же городе, в главной синагоге, служил один богобоязненный шамаш. Каждую ночь, вернее, в полночь, он приходил в синагогу, крепко закрывал двери и читал Теһилим, книгу песен царя Давида.

Как известно, чтение Теһилим защищает от многих бед и того, кто читает, и того, для кого читает.

Всю книгу он разделил на семь частей. Читал одну часть и обходил вокруг бимы, на которую поднимают Сефер Тору, потом следующую часть, потом следующую. И таким образом обходил семь раз, пока не заканчивал книгу полностью.

И таким образом обходил семь раз, пока не заканчивал книгу полностью.

В одну из ночей во время чтения теһилим на шамаша внезапно напал сон. Он прислонился головой к перилам бимы и закрыл глаза. Через несколько мгновений приходит в себя и видит, что перед ним стоит рослый человек, одетый в царские одежды. "Не покажешь ли ты, уважаемый, - спрашивает, - где живёт раби Шэмуэль Элиэзер?"

Удивился шамаш: этот важный господин ищет полоумного еврея среди ночи? И называет его раби? Вышел с ним на улицу и показал дорогу к последнему дому с правой стороны. А сам думает: "Каким образом господин оказался в синагоге? Наверное, я забыл запереть двери".

На вторую ночь крепко закрыл двери, проверил окна, сел читать и опять уснул. И вот, кто-то хлопает его по плечу. Открывает глаза, видит, стоит человек, небольшого роста, но с царственной осанкой и одет в царские одежды. "Проводи, - говорит, - меня к дому раби Шэмуэля Элиэзера".

Опять шамаш вывел гостя на улицу и показал дом Шэмуэля. Вернулся, осмотрел замки, и думает: "Как мог человек войти, если всё закрыто?"

На третью ночь, тщательно проверил все запоры на окнах и на дверях, чтобы не было сомнения, что кто-то войдёт, сел у бимы и раскрыл книгу.

Через некоторое время чувствует, что сладкий сон растекается по телу, вскочил и стал прыгать и танцевать. В конце концов, даже умылся, но только сел на своё место, уснул.

Но не поспал и нескольких минут. Будит его человек, одетый в шкуры и перепоясанный кушаком. И так же просит показать дом раби Шэмуэля Элиэзера.

Посмотрел на него шамаш грозно и спрашивает:

- Кто ты? Как попал сюда? Двери и окна закрыты. Пока не скажешь, кто ты и как попал в синагогу, не покажу дом раби Шэмуэля.

- Скажу тебе, - отвечает гость, - высокий и широкоплечий еврей, который приходил в первую ночь, это был царь Шауль. Во вторую ночь тебя потревожил царь Давид. А я - пророк Элиягу. Да будет тебе известно, что до сих пор не окончен на Небесах суд над Шаулем, за то, что преследовал Давида. Ашем, кодэш барух-ху, оставил это дело на усмотрениераби Шэмуэля Элиэзера Идалеша, какое решение он примет, Небесный Суд утвердит. Царь Шауль, царь Давид и я, ждём его ответ. Но ты не смей рассказывать об этом другим. Расскажешь - тут же умрёшь.

Провёл шамаш пророка Элиягу, вернулся и задумался.

– Шэмуэль, которого мы считали полоумным, над которым смеялись, один из тех, кто держит на себе наш мир? Раби Шэмуэль – талмид-хахам, чьё слово звучит перед Ашемом? Такой человек среди нас, а я буду молчать?

Разве я не обязан поведать всем евреям, что живёт среди нас великий праведник? Я не смогу жить и держать в себе эту тайну. Чтобы впредь не унижали его, не унижали нашу Тору, я обязан рассказать о нём людям, даже, если умру.

На следующее утро, после молитвы, шамаш рассказал раву города о том, как приходили к нему царь Шауль, царь Давид и пророк Элиягу. И раскрыл тайну рабену раби Шэмуэля Элизера Идалеша (зихрано цадик ливраха).

- Я знаю, что умру сегодня, - сказал он, - но я пойду в Другой мир с радостью, что раскрыл тайну Учителя для евреев. Я счастлив, что могу прославить Имя Всевышнего и сделать "Кидуш Ашем".

В этот же день он умер.

Счастливы праведники, подобные ему, посвящающие жизнь и смерть Б-гу. Да будет он нашей защитой и даст мир народу Израиля. Амин.

Һалаха: САМОКОНТРОЛЬ И ВОСПИТАНИЕ

Рабби Эльзар говорит: "Старательно изучай Тору и знай, что ответить апикорэсу (еретику). Помни, перед кем ты трудишься, кто дал тебе работу, и кто оплатит твои труды" (*Пиркей авот 2:19*).

Апикорэс, эпикуреец, утверждает, что смысла жизни в получении животных удовольствий, от еды и питья, от секса, от использования всевозможных материальных удобств и так далее.

Девиз современного эпикурейца: "Ни в чём себе не отказывай!" То есть, можешь удовлетворять все свои желания. Если их удовлетворение приятно тебе, они дозволены. Все.

В таком случае, человек, перестающий ограничивать себя, становится скотиной. Обжорство, алкоголизм и наркомания, насилие и разврат в сознании такого человека вполне законны.

Сообщество таких людей узаконивает преступные желания и навязывает их другим.

Законы Торы, напротив, призывают к ограничению. Удовлетворяя свои физические потребности, мы не забываем о своём человеческом достоинстве. Мы запрещаем себе "грязную" пищу, запрещаем внебрачные связи, сокращаем время сна.

По мнению Рамбама, шесть часов сна вполне достаточно для нормального здорового человека.

Ни на одно мгновение, ни наяву, ни во сне, не забудем, что мы работники, в доме Хозяина.

Перед сном евреи, как женщины, так и мужчины, обязаны читать "Шма Исраэль".

Каждую ночь следует подводить итог прожитого дня и читать видуй. Стоя, постараться вспомнить свои ошибки, раскаяться в совершённых проступках, и продумать способ устранения, чтобы снова не повторять их.

После этого уже ничего нельзя есть, но можно пить. Если ложимся спать очень поздно, или не ложимся спать всю ночь, "Шма Исраэль" читаем за полчаса до хацот лайла, до полуночи.

Праведные евреи, болеющие душой за свой народ, после полуночи читают "Тикун хацот". Читая "Тикун хацот", мы исправляем "Этот мир". Время чтения "Тикун хацот" с полуночи, но закончить следует за час до утренней зари.

"Тикун хацот" состоит из двух частей - "Тикун Рахель" и "Тикун Лея".

"Тикун Рахель" начинаем с молитвы раскаяния.

Десять дней от Рош а-шана до Йом Кипур, в дни праздника Суккот и с первого дня Песаха до праздника Шавуот, в Пурим, в Хануку и в новомесячья, а также весь год "Шмита" в Эрец Исраэль, и доме скорбящих читаем только "Тикун Лея".

В шабат и в праздничные дни "Тикун" не читаем.

Женщины свободны от этой заповеди.

ДОЛЖНИК

Снова вспомним гаона, рабена, раби Иошуа Эошиля, и расскажем о его ученике, раби Тувье.

Раби Тувья был уже не молод. Много лет он просидел в йешиве и превзошёл всех своими знаниями, и... своей бедностью.

Была у него дочь, взрослая девушка, двадцати двух лет. Сердце отца болело о ней, давно пора за-

муж, да где деньги взять на свадьбу, если нет возможности купить даже приличную одежду.

Пришёл он к раби Йошуа за советом: "Что делать? Хорошие ребята, ученики йешивы, сватают дочку и уходят, увидев нашу нищету".

Сказал раби: "Садись, подсчитаем, сколько денег надо для свадьбы". Вышло триста рублей. Взял раби Йошуа лист бумаги и написал письмо одному богатому еврею в большой город на Украине:

"Уважаемый господин Ашер, я посылаю к тебе талмид-хахама, нашего любимого раби Тувью. Он очень беден и нуждается в помощи, чтобы выдать замуж свою взрослую дочь. Прошу, выдай ему триста рублей в соответствии с твоим долгом. Ашем, благословен Он, даст вдвойне удачу в твоих делах.

Твой добрый друг, который ждёт от тебя доброго ответа, рав Авраам Йошуа Эошиль".

Вложил письмо в конверт и вручил бедному отцу.

Раби Тувья сразу же отправился в путь. Без денег и без еды.

Пока добрался до места, измучился. Однако его согревала надежда, что по слову раби он получит деньги и устроит жизнь дочери. Нашёл дом богача, к которому послал его раби Йошуа, и вручил письмо.

Богач прочитал письмо, посмотрел на раби Йошуа удивлённо и спросил:

– Какие счёты есть у меня с твоим раввином? - Подумал немного и закричал в гневе:

– Я не знаю этого раввина! Какая дерзость требовать от меня деньги, да ещё такую большую сумму, триста рублей! Как будто он компаньон в моём деле, как будто мы вместе зарабатывали то, что у меня есть.

Помолчал немного и говорит с насмешкой:

– Слушай, раби еврей, я не знаю твоего раввина. Но мне жалко тебя, ты ведь всё-таки еврей,

старик, приехал издалека. Не отпущу тебя с пустыми руками, возьми пять рублей и уходи.

– Прости меня, господин, – отвечает раби Тувья, – я не прошу подаяния, верни письмо и уйду. Наверное я ошибся, пришёл не по адресу.

– Письмо это ко мне, – говорит богач, – адрес мой, имя и фамилия мои. Во всём городе нет другого человека с такой фамилией, письмо именно ко мне.

– Если всё верно, давай триста рублей, или верни письмо.

– Какой ты упрямый еврей, раби. Бери десять рублей и иди.

– Я не упрямый. Я не прошу милостыню. Давай деньги или верни письмо.

– Хотя я не знаю твоего раввина, и имя его никогда не слышал, – разозлился богач, – только ради того, что подписано раввином, даю тебе пятнадцать рублей! Никогда я не подавал нищим такие деньги.

– Я не хочу милостыню, верни письмо.

Протянул богач двадцать рублей, но раби Тувья отказался их взять. Тогда в гневе богач бросил письмо на пол и выскочил из комнаты.

Раби Тувья опустил голову, наклонился, взял письмо и отправился домой.

Дома он с грустью поведал раби Йошуа о своей неудаче.

– Не расстраивайся, – сказал рав, – помощь придёт с другой стороны.

Сел и написал новое письмо, другому еврею, который занимался сбором и продажей металлолома:

"Иссахар, брат мой! Помоги нашему любимому раби Тувье, выдать замуж взрослую дочь. Дай ему триста рублей. Ашем, благословенно Имя Его, многократно вознаградит тебя.

Благословляет тебя раби Авраам Иошуа Эо-шилль".

Село, где жил этот еврей, было недалеко, и раби Тувья ещё до полудня стоял у порога бедного дома.

Прочитал Иссахар письмо, задумался на мгновение, никогда не слышал имя раби Иошуа. Позвал жену и дал ей почитать письмо.

Жена, очень богобоязненная женщина, сказала, что рассуждать некогда, хотя мы и не знаем раби Иошуа, нужно срочно исполнить просьбу этого святого человека. И послала мужа продать их магазин.

В тот же день Иссахар принёс двести рублей за проданный магазин металлолома. Не хватало ста рублей.

"Продай дом, – сказала жена, – только подушку и одеяло оставь". Выручили ещё пятьдесят рублей, итого - двести пятьдесят.

Где взять остальные? Пошёл к своим должникам, обошёл всех и собрал ещё двадцать рублей. Теперь не хватает тридцать.

Послал шамаша собрать общину в синагогу. Когда евреи расселись по местам, прочитал вслух письмо и сказал: - Братья мои, я продал магазин, продал дом и всё, что было в доме, теперь у меня ничего нет. А до суммы, указанной в письме рава Иошуа, не хватает тридцати рублей. Помогите выполнить заповедь святого раби.

Тут же люди стали вносить деньги. А Тувья смотрит, слушает, удивляется - к какому человеку послал его рав! Это, наверное, маллах, ангел Ашема...

Вернулся домой. Сыграли хорошую свадьбу, а кидушин сделал раби Иошуа.

Во всех еврейских поселениях области говорили только об Иссахаре. Не каждый способен так беззаветно выполнять заповеди. Хотя многие считают себя праведниками.

Понесли евреи Иссахару цэдаку, каждый, кто сколько мог, помогли выкупить дом. Вместо маленькой лавки, где он продавал старое железо, построили большой хозяйственный магазин.

Пошло дело. Через два месяца разбогател он на радость своей общины. Каждый чувствовал, что немного причастен к этому.

Говорили люди, что заслужил Иссахар богатство за доброе сердце и за веру в слово раби.

Добрым людям Б-г даёт, чтобы помогали другим.

А богач Ашер, который бросил письмо рава на пол?

В течение двух месяцев обанкротился и стал нищим. "Рав, наверное, проклял меня, - подумал он, - поеду просить прощения, а если не простит, подам на него в суд".

Приехал, пришёл в йешиву и попросил шамаша провести его к раби Аврааму Йошуа Эошилю. Однако ему было отказано.

- Нет у меня с ним никаких дел, - сказал рав, - если хочет, пусть завтра обратится в бет дин, на суде я отвечу.

Сколько ни плакал, сколько ни упрашивал Ашер, не пустили к раби. На следующий день пошёл в бет дин.

На суде рассказал всё, как было. Что он не знаком с уважаемым раввином Йошуа. Что рав послал к нему человека с письмом, что рав просил дать триста рублей в счёт долга, как будто они компаньоны и совместно заработали богатство. Но он никогда никаких дел с ним не вёл.

- Удивительно мне это, - сказал Залман, - пусть уважаемый рав объяснит, что я ему должен? Я обанкротился и стал нищим с того дня, как не дал денег его ученику. Во всяком случае, пусть рав про-

стит меня, и чтобы всё стало, как прежде, пусть рав вернёт моё богатство.

Спрашивает глава Суда у святого раби:

- Что ты сделал ему? Почему написал такое письмо, как будто вы компаньоны? Если бы попросил в подарок эти триста рублей, может быть он и не отказал.

Отвечает раби ha-кадош:

- Слушайте, братья мои! Как известно, человеку перед рождением определяют быть умным или глупым, сильным или слабым, богатым или бедным... Всё это, всё - от Б-га, кроме страха перед Б-гом.

Мне перед рождением Небеса определили быть богатым. Но я сказал - не хочу богатства, хочу посвятить жизнь Учению.

И по моей просьбе мою часть отдали тому, кто был рядом в тот момент, судьба которого решалась одновременно с моей, этому еврею, Ашеру.

Когда появилась нужда в деньгах, я попросил его дать немного из моей части талмид-хахаму, раби Тувье. Но он, разбогатевший благодаря мне, не выполнил свой долг, и я отдал свою часть богатства другому, бедному, но праведному еврею, торговавшему металлоломом.

Услышал Ашер эти слова, закричал, заплакал, стал взывать к милосердию. Видит раби, что и судьи жалеют этого человека, говорит:

- Не пропадёт! Каждый день будет получать одну монету.

Приняли Ашера рабочим на фабрику, где каждый день давали ему одну монету.

А Иссахар разбогател, и был рад, что может отдавать от своего богатства синагогам, йешивам и всем нуждающимся евреям, приходившим к нему за помощью.

халаха: БЕТ ДИН

"Судей и судебных исполнителей поставь себе..." (*Дэварим 16:18*). Заповедь Торы создавать суды там, где живут евреи.

Для разрешения претензий, связанных с нанесением ущерба человеку или его имуществу, и для выдачи раввинского диплома достаточно трёх судей. Но когда решается человеческая жизнь необходим суд не менее, чем из двадцати трёх человек.

Особо важные дела решает Санхэдрин, семьдесят судей-мудрецов и Глава Суда.

Судей еврейского суда, Тора называет элоким. Это слово означает так же имя Творца.

Суд, соответствующий законам Торы, подобен Небесному Суду. Небеса утверждают решение еврейского Суда.

Два еврея, которые не могут самостоятельно разрешить возникший между ними спор, должны обратиться в бет дин, еврейский суд.

Запрещено решать споры между евреями в нееврейском суде.

Запрещено решать споры между евреями в суде, где судьи - евреи выкресты, перешедшие в другое вероисповедание или еретики - апи-корэсы. Решения такого суда недействительны. Даже, если один из спорящих не соблюдает еврейские законы, сначала следует обратиться в еврейский суд.

Еврея, отказывающегося явиться в бет-дин, судьи могут приговорить к наказанию плёткой.

Еврей, подающий жалобу на еврея, даже не соблюдающего законов Торы, в нееврейский суд, заслуживает самого серьёзного наказания.

Еврейский суд обязан руководствоваться только законом Торы. И решение этого суда обязательно, как обязательны законы Торы. Даже, если приговор еврейского суда кажется нам суровым, мы обязаны принимать его с благословением.

Как за добро, так и за зло, вернее, то, что мы воспринимаем для себя, как несчастье, следует благословлять Всевышнего (*Мишна "Бэрахот" 9:3*).

В таком случае говорим: "Барух даян ха-эмет", благословен праведный Судья. И не просим отменить того, что уже свершилось. Награда и наказание - инструменты в руках Б-га, которыми Он исправляет наши души.

Нередко событие, воспринимаемое нами, как несчастье, меняет нашу жизнь к лучшему.

ГВОЗДЬ

Жил в портовом городе Яффо, в Эрец Исраэль один человек. Узнал он, что в порту пришвартовался торговый корабль, который через день отправляется в далёкую заморскую страну.

Человек этот решил присоединиться к купцам на корабле. Он собрал полный мешок своего товара, и рано утром, в день отплытия, побежал в порт.

Торопился и не заметил, как наступил на гвоздь. Гвоздь пробил подошву и вонзился глубоко в

ногу. Пока освободился, пока обработал рану и пока доковылял до порта, корабль был уже далеко в море.

Заплакал он от обиды: "Когда ещё представится случай! Потратил большие деньги на товар, который здесь никому не нужен. А теперь продать за бесценок? Не выгодно. Оставить у себя? Нет смысла. Вот несчастье". Вернулся домой, проклиная свою судьбу.

Через три дня пришло известие, что тот корабль во время шторма налетел на скалы и затонул. Все моряки и пассажиры погибли.

Возблагодарил он Всесильного за своё спасение и повесил гвоздь на самое видное место.

Барух даян ha-эмет!

ЧЕТЫРЕ ВИДА КАЗНИ

За особо тяжкие преступления, такие, как осквернение Имени, злодейское убийство, кровосмешение, гомосексуализм и скотоложство, а также за осквернение шабата, Санхэдрин, Высший Еврейский Суд, мог вынести приговор на один из четырёх видов казни. Скила - наказание камнями, хэнек - удушение, саиф - отсечение головы и срефа - сжигание (в рот преступника заливали расплавленный свинец).

Смертный приговор Санхэдрин выносил очень редко, раз в несколько столетий. Такой

Суд получал название "кровавый". И судьи, после вынесения приговора, объявляли о самороспуске.

Нет у нас Храма и нет Санэдрина, но Небесный Суд "Дин мин нашаммаим" не дремлет.

Когда узнаём, что человек утонул (хэнек), или погиб в автоаварии (скила), или погиб от ножа (саиф), или сгорел при пожаре (срефа), следует задуматься, что привело к гибели. Не был ли это "Дин мин на-шаммаим".

Небеса могут осудить человека за преступление, которое нам кажется несерьёзным и незначительным проступком. Это потому, что мы не представляем себе его последствий.

Например, то, что на иврите называется "лецанут", высмеивание, шутовство. Есть люди, для которых нет ничего святого. Не дай Б-г попасться им на язык! Как говорится: "Ради красного словца не пожалеет и отца".

ЛЕЦАН

Вот, что случилось с одним "лецаном", насмешником, который получил сразу четыре наказания.

На жизнь он зарабатывал анекдотами и шутками, высмеять мог любого. Люди боялись его языка, но приглашали на разные торжества, развлекать гостей.

Это случилось в "моцей шабат", то есть, когда окончился шабат, пятнадцатого числа месяца шват в 5656 году от сотворения мира. Один богатый человек пригласил лецана на ужин, чтобы шуткой и смехом помог скоротать долгий зимний вечер.

Его усадили с одной стороны стола, а напротив сели хозяин, жена и дети. Приступили к еде, он тоже стал есть и веселить их анекдотами, шутками и сплетнями.

Подали жареную рыбу. Лецан положил в рот кусок и не заметил крепкую кость внутри. Хотел что-то сказать, но кость застряла в горле. Задохнулся, захрипел, упал головой на стол и умер.

Все в ужасе вскочили. Хозяин поднял его голову, но ничем уже не мог помочь.

– Что делать, – заплакала хозяйка, – скажут, что убили намеренно.

И что сделали? На втором этаже жил доктор. Отнесли тело к его дверям, посадили, как будто он сам сидит, постучали несколько раз и убежали.

Доктор услышал стук, открыл двери и увидел человека, сидящего на полу. На лестничной площадке был темно. Доктор наклонился, чтобы рассмотреть лицо человека, споткнулся об его ноги и упал.

Лестничная площадка была маленькой, поэтому, доктор полетел по ступенькам, но падая, потащил за собой того, кто сидел у его двери. На шум выскочили жена и дети доктора, помогли ему встать, и тут с ужасом увидели, что человек, сидевший у двери мёртв. Значит, доктор убил его, решили они.

Недолго думая, подняли тело и потащили в тёмную ночь, подальше от дома. За углом светилось одно маленькое окно. Они поднесли его поближе и прислонили к стене, чтобы он стоял лицом к окну. И убежали, пока никто не заметил.

Портной и его помощник спешили в эту ночь закончить срочный заказ. Помощник перегрел утюг и вышел на улицу остудить его на воздухе. И увидел, что кто-то стоит и смотрит на окно их мастерской. "Наверное, вор", решил он. Закричал на него, но тот не ответил. "Ах ты, бандюга, – рассердился помощник портного, – я тебе покажу!" И с силой швырнул

утюг на стоявшего напротив их окна человека. Человек упал.

На шум вышел портной, подошёл к труп и в ужасе закричал: "Ты убил человека!"

Вот горе. Портной и его помощник схватили тело за руки и за ноги и потащили подальше, на другую улицу. На углу они поставили труп стоя и прислонили к каменной стене большого дома губернатора. И убежали.

В это время возвращался к себе домой один пьяный человек с бутылкой водки в руках. Он увидел, что кто-то стоит, прислонившись к стене большого дома на углу, подошёл поближе и предложил выпить.

Тот не ответил. Предложил опять, не отвечает. "А, ты не хочешь разговаривать со мной, - закричал пьяный, - я тебе покажу!" И с размаху ударил его бутылкой по голове. Бутылка разбилась, а стоявший у стены человек завалился на колени и упал.

На шум выскочили полицейские, охранявшие губернатора. Увидели человека, сжимавшего в руке горлышко бутылки, и убитого, на земле, скрутили руки убийце и поволокли в тюрьму.

На следующий день весь город знал, что как какой-то пьяница убил лецана и жалели его. Пьяницу тоже жалко, ведь повесят.

Портной разбудил своего помощника и говорит: "Ты убил человека, а невиновного повесят?" И погнал его в полицию.

Жена доктора говорит мужу: "Это ты убил человека, если сам не пойдёшь в полицию, я пойду!" Куда деваться, пошёл.

Хозяйка дома, где лецан ел рыбу и подавился, сидит и плачет. "Почему из-за меня, - говорит, - должен быть наказан невиновный. Я иду в полицию!"

В полиции они встретились. Каждый покаялся и рассказал о своей вине. Следователь был в изумлении – кого же тут можно обвинить? "Дин мин шамаим", Суд Небесный?

На следующий день похоронили лецана. Весь город был на похоронах.

Его сыну было в то время восемь лет. Из года в год, в годовщину смерти отца, он собирал дома миньян для минхи и арвита, читал мишну, кадиш и ашкаву.

В десятую годовщину, когда мальчику было уже восемнадцать лет, собралось только девять человек. Пошёл он на улицу искать десятого. Видит, стоит у входа в синагогу старик, просит его войти десятым в миньян.

– Не пойду, - сказал старик, - нет у меня обуви, ноги в грязи, не могу войти в твой дом и испачкать полы.

– Пойдём, - говорит юноша, - дома ты омоешь ноги тёплой водой, а я дам тебе носки и обувь.

– Стыдно мне, - отвечает, - войти в чистый дом, одежда моя грязная, вонючая, вшивая.

– Не беспокойся, я искупаю тебя горячей водой и дам одежду моего отца, да упокоится его душа в мире.

– Не могу идти, нет сил у меня, два дня крошки во рту не было. Вы будете долго читать молитвы, я не выдержу.

– Пойдём! Накормлю тебя и напою, отдохнёшь, а потом станем читать молитвы. Будь десятым в нашем миньяне.

Привёл старика, искупал, одел в чистое, обул, накормил. Помолились, прочитали всё, что следует читать в день памяти, благословили на мезонот, фрукты и плоды земли. Исполнил сын свой долг.

Когда все разошлись, остался юноша один в полутёмной комнате тосковать об отце. Сидит, пред-

ставляет его живым и весёлым. Десять лет прошло со дня смерти. Плохо сыну без отца, кто поймёт слёзы сироты... Мать заглянула в комнату: "Иди, сынок, спать, – говорит, – поздно уже".

Но он не пошёл спать, взял книгу Мишнаёт и стал учить вполголоса. Читает и плачет. Читает и плачет. Пока не прошло время хацот лайла, время полуночи.

Вдруг видит - из тёмного угла выходит его отец. Живой, лицо светится, подходит, целует сына. Говорит: " Не устояли Небеса перед твоей молитвой и перед твоей праведностью. Ты освободил меня от наказания Небесного Суда, и я иду в Ган Эден."

Чтобы и мы с вами были удостоены доброй вести. Аминь.

האלהא: ОБЯЗАННОСТИ СИРОТЫ

Учил раби Хаим Виталь, зехэр цадик ливраха, от имени Святого Аризаля, что в течение 12 месяцев душа умершего поднимается в высшие миры и спускается, чтобы подняться опять.

Рав Ицхак Йосеф пишет со слов отца, гаона, учителя нашего, раби Йосефа Овадьи, что в последний шабат года со дня смерти душа поднимается и больше не спускается в наш мир. Даже, если не завершились полные 12 месяцев.

Поэтому, в последний шабат годовщины смерти отца или матери, обязательно следует

быть в синагоге и подняться к чтению Торы. В день смерти отца или матери дети должны поститься и делать пожертвования для бедных, на йешивы и на синагоги.

Сын обязан в этот день усиленно заниматься Торой, учить Мишну, читать теһилим. И хорошо ему в этот день быть хазаном.

От шабата, предшествующего годовщине, до дня смерти, который также называют йорцайт, сын должен читать кадиш. Мидраш рассказывает о множестве случаев, когда сын, читая кадиш, спасал душу отца от страшного наказания.

Кадиш составлен на арамейском языке, понятном для мэлахим. Это особая форма прославления Творца. Сирота читает "Кадиш ятом" (иһйе шлама..), а после изучения Устной Торы – "Кадиш дэрабанан" (Аль Исраэль...).

В молитве хазан читает "Хэци-кадиш" и "Кадиш титкабаль", (отделяющий одну часть молитвы от другой)".

Читать кадиш можно только в миньяне, в присутствии десяти евреев, старше 13 лет, которые обязаны отвечать "Аминь" ("*Бен Иш Хай*" глава Ваихи, 7).

Обязанность исполнять заповеди начинается с 13 лет, но кадиш разрешают читать и маленькому мальчику, потерявшему отца или мать, если он понимает свои действия.

Женщины не читают кадиш.

До выхода звёзд, перед началом поста, зажигаем свечу, нер нэшама. В йорцайт: вечером,

после арвита, или утром, после сахарита, устраиваем поминки. Читаем на имя умершего Мишну и Теилим, потом кадиш, благословения на мезонот, на фрукты и на плоды земли и читаем Ашкаву. Можно устраивать поминальную трапезу с хлебом.

Часть времени обязательно посвящаем беседе о Торе, просим знающего человека рассказать поучительную историю, дэраш.

НЕБЕСНЫЙ СУД

По соседству с раби Эльшамом, богатым и праведным евреем, жили два других еврея, которые втайне делали какие-то мерзкие дела, но перед ним старались выглядеть очень порядочными. Он знал об этом, но не подавал вида.

Как-то ночью Эльшаму приснился отец. Говорит: "Сын мой, сын мой! Твои соседи - братья твои, помоги им сделать тэшуву, верни на добрую дорогу". На следующую ночь опять такой же сон, опять отец в его сне просит повлиять на этих, чужих ему, людей. Удивился он, что отец, скончавшийся давным-давно, беспокоится о его соседях, и не придавал значения этим снам.

Третий раз приснился отец, в ночь, когда окончился шабат недельной главы "Итро". Говорит: "Сын мой, я был за пологом Небесного Суда и услы-

шал, что тебе вынесен приговор - твой зять станет убийцей".

Проснулся он в великой тревоге: "Что значат эти сны? Почему мой зять должен быть убийцей? Рассказал своим близким, друзьям, но толкового объяснения не получил.

Была у него единственная дочь. Девушка очень скромная, богобоязненная и праведная, изучившая все заповеди Торы, которые должна исполнять еврейская женщина.

Не раз приходили сваты, но уходили ни с чем. Последний раз сватался юноша из очень богатой и знатной семьи, но отец отказал не раздумывая. Не мог забыть ужасный сон.

Неделю спустя, шёл он вдоль городской стены на окраине еврейского квартала и увидел грязного и оборванного еврейского юношу, искавшего себе еду в мусорных ящиках. Цадик с жалостью смотрел на него и, когда мальчик поднял глаза, стал спрашивать - кто он, откуда и как его имя.

История грустная. Сначала умер отец, потом мать. Пока оставались какие-то деньги после смерти родителей, жил у родственников. А потом пришлось уйти, скитаться по городам. Случайный заработок уходит на еду, а на обувь и на одежду не хватает. Очень хочется учиться, но читать и писать почти что и не умеет.

Смотрит раби Эльшам на него, думает: "Какое приятное доброе лицо, жалко, пропадёт еврейская душа".

Привёл домой, велел искупать, одеть в чистые одежды, выделил комнату в доме. Жене и дочери мальчик понравился, тихий, толковый. На следующий день привели ему учителя, талмид-хахама, чтобы обучал Торе и грамматике, а главное, чтобы научил жить по-еврейски.

Через два года мальчик стал настоящим еврейским юношей, своим в доме, родным. "Вот тебе и готовый жених для дочери, - подумал Эльшам и объявил о свадьбе".

За день до свадьбы задумался жених: "Завтра, после хупы, что скажет жена? Что взяли меня нищим, голым... Будет попрекать, а я голову не подниму. Не хочу быть в зависимости от её денег".

С такими мыслями прокрался на кухню, стащил мясной нож, втайне остро его наточил и спрятал в своей комнате.

В эти дни в городе находился раввин из Иерусалима, посланник общины, собирающий пожертвования для йешив. Он уже обошёл всех богатых евреев, а небогатые сами шли к нему, несли свои "недава". Осталось только посетить свадьбу уважаемого цадика Эльшама, пожертвовавшего больше других ради счастья своей дочери, и можно возвращаться домой.

Он просидел в синагоге до полуночи, учил дневной лист Талмуда, После полуночи, прочитал благословения, "Тикун хацот" и сел писать комментарии на книгу пророка Шемуэля.

Дом спал крепким сном. Жених, спрятал за пазуху нож, вышел в тёмную ночь и прокрался к синагоге. Дверь открылась без скрипа. Раби не слышал, как убийца подошёл к нему, но почувствовал, что кто-то стоит сзади, встал и повернулся.

Убийца резко вонзил нож в его живот и, не глядя на рухнувшее тело, взял со стола коробку с деньгами и ушёл.

Его разум был в тумане, словно какие-то могучие силы управляли его волей и защищали от чужих глаз. Никто не видел, как он уходил из дома, никто не видел, как он вернулся.

Спрятал коробку по кровать, разделся, лёг и сразу уснул.

До самого утра, пока люди не пошли на утреннюю молитву, никто не знал о страшном убийстве. А когда узнали и стали искать убийцу, никаких следов не нашли.

Свадьбу, конечно, не отменили, но гости сидевшие за столом, были не очень веселы.

А Эльшаму на следующую ночь опять явился во сне отец. Говорит: "Сын мой, предупреждал тебя, что по приговору Небесного Суда твоим зятем будет убийца. Убил, убил он праведного еврея, раби из Йерушалаима".

В ужасе вскочил Эльшам с постели, сбился сон. Тут же вызвал зятя. Закрыв двери на замок и спрашивает: "Сынок, скажи, что ты натворил? Знаю я, что ты убил, знаю всё, но почему? Почему? "

Задрожал зять, упал на пол, рыдает. "Не знаю, - говорит, - сам не свой был, в тумане был, ничего не помню". И просит, умоляет: "Не раскрывай, не выдавай властям, не рассказывай никому, сам накажу себя".

Опустил голову тесть: "Свидетелей нет - Небесный Суд накажет".

Через какое-то время, ночью во сне ему опять приснился отец. "Сын мой, - говорит, - предупреждал тебя, что выдашь дочь за убийцу. Наказание неизбежно, но можно отсрочить его. Считаю с сегодняшнего дня, через двадцать шесть лет завершится. День в день. Иди к своим соседям, верни их на путь истины, заставь сделать тэшуву."

Проснулся он, встал, взял чистый лист бумаги, записал год, месяц, день и час, посмотрел на часы и добавил минуты, когда он делает запись. А ниже написал дату - через двадцать шесть лет. Сложил

лист, вложил в чистый конверт, запечатал и спрятал в сейф. В полной тайне от всех.

Утром Элишам отправился к своим соседям, которым должен был помочь сделать тэшуву, вернуться на добрую дорогу. Что он сказал, что он сделал, не знаем, но пришло время, когда, сначала один, потом другой, пришли в синагогу, стали молиться и читать тэһилим.

Шли годы. У зятя и дочери уже были взрослые дети. Старость стучала в сердце. Как будто всё забылось, но в бессонные ночи приходило страшное воспоминание. Однажды он открыл сейф, достал конверт и прочитал запись. До указанного срока оставалось ровно двенадцать месяцев, но что случится тогда, он не знал.

Вскоре старший внук засватал девушку. Свадьбу назначили именно на тот день, который был записан в спрятанном конверте. Он ещё раз проверил дату и время и стал ждать исполнения срока.

И вот, завтра свадьба, хупа назначена именно на то время, которое он указал двадцать шесть лет тому назад. Прошла ещё одна бессонная ночь. Днём он не мог сидеть на месте, ничего не ел. Он знал, что должно что-то произойти. Но что?

Добился, чтобы хупу начали раньше. Сразу после хупы сказал, что заболел и попросил жену отвести его домой. Она вынуждена была уйти со свадьбы внука. Пошли пешком. Прошли всего один квартал, как услышали за спиной грохот обвала. Побежали назад и увидели, что здание, из которого они только что ушли, рухнуло.

Грустная поучительная история. С глубокой благодарностью к раби Менахему Менаше, подумаем над причиной изложенных событий и их последствиях.

И успокоим душу приятной алахой.

האָלָאָה: מַאָאָקֶז

Предостерегает Тора (*Дэварим 22:8*): "Кто построит новый дом, обязан сделать на крыше ограждение, перила, на иврите - маакэ". Чтобы никто не упал. А если нет ограждения, и упадёт человек, вина на хозяине дома. Даже, если вор лез через крышу, упал из-за того, что не было перил, и получил увечье или погиб, хозяин дома виновен. Бет-дин осудит его.

Каждый жилой дом, размером не менее четыре на четыре ама (ама - прим. 48 см) должен иметь маакэ. Объясняет "Бен Иш Хай" (*Пинхас*) ссылаясь на Шулхан Арух ("*Хошен мишпат*" 91). Нет обязанности устанавливать перила на крышах производственных помещений, складов и помещений для животных.

Если жилой дом принадлежит нескольким владельцам, каждый из них должен позаботиться об установке ограждения на крыше. Независимо от того, где живёт сам хозяин, на нижнем этаже многоэтажного дома или в другом доме.

Высота маакэ не менее десяти тэфэхим (один тэфэх - 8 см). Перила должны быть достаточно прочными, чтобы выдержали вес взрослого человека.

АДМОР

В давние времена был в Галиции адмор, рав большой и богатой еврейской общины, святой человек, которого боялись и уважали даже гои.

В те времена ездить по дорогам Европы было опасно. Солдаты, сопровождавшие государственных чиновников и почту, постоянно подвергались нападениям разбойников. А евреи редко ездили из одного места в другое.

Только адмор никого не боялся. Он ездил, как король, в карете, отделанной золотом и серебром. В карету запрягали четыре пары породистых коней, покрытых шёлковыми и парчовыми попонами, отделанными серебром. А сам адмор был одет как еврей.

Как-то приехал в город издалека богатый еврейский купец, увидел проезжавшего в карете старца и удивился, не было ещё такого, чтобы евреи ездили в королевских каретах, запряжённых восьмёркой лошадей.

Спросил у друзей и объяснили ему, что старец этот, раби, святой человек, который творит чудеса, есть на нём руах акодеш, божественный дух. Когда смотрит на лоб человека, читает его мысли и видит всю его жизнь. Есть у раби йешива, в которой учатся двести учеников и общежитие, где они живут. Евреи всей округи охотно жертвуют ему деньги.

Ещё больше удивился купец:

– Почему раби транжирит еврейские деньги на пустую роскошь?

– Я богатый человек, – сказал он, – есть у меня ткацкая фабрика, где трудятся сто тридцать евреев,

я веду большую торговлю с разными странами. Слава Ашему, ни в чём не нуждаюсь. Тем не менее, берегу каждую копейку. Почему берегу? Чтобы ответить Небесному Суду, когда призовут к ответу, на что я потратил данное мне Ашемом.

Пока говорил, мимо них опять проехала карета адмора.

Сказали купцу:

– Иди задай свой вопрос ему. Не стесняйся, он очень приветливый и скромный, наш раби, он даст бэрашу, благословение, тебе, твоей семье и для твоей парнасы.

Тут же, отправился купец к дому адмора. Действительно, раби был очень приветлив, усадил напротив и стал расспрашивать - откуда прибыл, с какой целью, учил ли Тору. Купец отвечал, что да, учил Тору, а приехал по торговым делам из Германии. Посмотрел раби на него внимательно и говорит:

– В то время, когда в Йерушалаиме стоял Храм, во дворе, вокруг жертвенника, были вбиты столбы с кольцами, к которым привязывали жертвенных животных. Там же были мраморные столы для разделки туш и железные перекладыны для развешивания шкур. Однако, не забудь, что там же была золотая менора, золотые столы для хлеба и золотой арон ха-кодэш, ковчег завета, с золотыми кэрувами на золотой крышке и со скрижалями внутри.

– Каждый из народа Израиля нёс в Храм золото, серебро, драгоценные камни. Бецалель, сын Ури, внук Хура был наделён даром Б-жьим, мудростью, знанием и умением. Он изготавливал из них святые предметы для Храма.

– Написано в Торе, в главе "Ръэ", что Бецалель "думал обдумывая". Что этим сказано? Мы читаем, что он прекрасно знал, как следует изготавливать священные предметы Храма, над чем же он размышлял? Скажи мне, дорогой.

Не знал купец, что ответить.

– Не знаешь? Я объясню тебе. Бецалель брал в руки золото и серебро и видел особым зрением тех, кто принёс пожертвования. Особым слухом он слышал спор между мужем и женой, муж не хотел нести, а жена заставляла. Или наоборот. Он видел, что кто-то приносил от чистого сердца, а кто-то - чтобы не отличаться от других.

То, что было пожертвовано во Имя Небес, пошло на изготовление Меноры, Ковчега Завета, хлебных столов и других святых предметов Храма. А что не во Имя Небес, пошло на кольца, к которым привязывали жертвенный скот и на подножия столбов вокруг Храма.

Когда мне приносят деньги, я высыпаю их на стол и смотрю - часть их нельзя использовать, нет в них святости, пойдут на попоны для лошадей или на нужды кучера. А часть из них имеет особую святость, и я трачу их на йешиву, на питание моих учеников и на синагогу.

Слушает купец и удивляется:

– Я же ни о чём не спрашивал адмора, я же не говорил с каким вопросом пришёл к нему.

Встал и попросил ураби прощения. И попросил благословить его.

Һалаха: БЕТ – КНЕССЕТ И БЕТ-МИДРАШ

Всё, что служит возвышенному и святому должно быть сделано из чистых побуждений и чистыми руками (*Шмот, "Тэрума" 25:2*). Так требовал Ашем. На изготовление святынь Храма ис-

пользовали золото и серебро, освящённое чистыми сердцами евреев.

Бет-кнессет и бет-мидраш, заменяющие нам Храм, тоже строят и содержат на пожертвования евреев. Чем выше святость еврейского народа, тем больше у нас синагог и йешив.

В любом поселении или квартале, где есть миньян, следует выделить помещение для молитвы - бет-кнессет. Лучше, если это будет отдельный дом. Здание должно иметь двенадцать окон, обращённых на четыре стороны света. В любом случае бет-кнессет должен иметь окна, хотя бы с восточной стороны.

Биму, возвышение для чтения Торы, устанавливают в центре зала, ближе к арон а-кодеш. Арон а-кодеш" (шкаф для свитков Торы) и место для молитвы не располагают со стороны восхода солнца, как было принято у солнцепоклонников.

Помещение для женщин, эзрат нашим, должно иметь отдельный вход. Эзрат нашим отгораживают от общего зала, чтобы мужчинам не было видно лиц сидящих там женщин.

Запрещено развешивать в молитвенном зале любые фотографии и картины с изображением людей, даже портреты еврейских мудрецов.

В бет-кнессете и в бет-мидраше запрещено кричать. Запрещено играть на музыкальных инструментах или слушать электронные записи, танцевать, а исключением еврейских праздников – Симхат Тора, брит мила, внесение нового свитка Торы и тому подобное.

В бет-кнессете и в бет-мидраше запрещено говорить о политике или о финансовых пробле-

мах. Запрещено читать светские газеты и светские и нееврейские книги.

Запрещены собрания, концерты, встречи, лекции, разговоры и все дела, не связанные с изучением и исполнением законов Торы и еврейских традиций.

В бет-кнессете и в бет-мидраше запрещено кушать и пить спиртные напитки, если это не исполнение мицвы. В бет-мидраше можно кушать ученикам и учителям Торы.

Запрещено спать в помещении, где есть свиток Торы. В помещении, где есть свиток Торы, запрещено сидеть, развалившись, и закидывать ногу за ногу. Запрещено курить.

В бет-кнессете и в бет-мидраше запрещено делать шэхиту, резать животных и птиц.

В бет-кнессете и в бет-мидраше в особых случаях можно продавать книги и предметы, имеющие святость Торы.

Особую бэраку получает отец мальчика, которому делают брит мила в бет-кнессете или в бет-мидраше.

Кэдуша, святость, есть в каждой синагоге и каждом бет-мидраше, где евреи молятся и изучают Тору.

Но единственное святое место на земле, где мы можем почувствовать *Шэхину*, присутствие Всевышнего, как когда-то в Храме (Да будет он отстроен в наши дни!), это Котель Маарави, Западная Стена Храма, Стена Плача. Сказали Учителя: "Никогда не покинет *Шэхина* Котель маарави".

Две тысячи лет изливают евреи свои молитвы и свои слёзы перед этой Стеной.

Стена Плача находится в тесной близости с *Кодеш кодашим*, Святая святых, где соединялись материальный и духовный миры. Вход туда был разрешён только Главному Коһену, раз в году, в Йом Кипур, когда он был в состоянии ритуальной чистоты. Если физическая и духовная чистота были неполными, Коһен, входя в *Кодеш кодашим*, погибал. Поэтому нам запрещено подниматься на Храмовую Гору, где временно находятся две мусульманские мечети.

По велению Ашема мусульмане охраняют нас от случайного нарушения закона Торы, запрещающего еврею, находиться в этом месте в состоянии ритуальной нечистоты.

Запрещено подходить к Стене с непокрытой головой и в неподобающей одежде. На Стену Плача распространяются все запреты для бет-кнессета, изложенные выше.

ПОРТНОЙ ЭФРАИМ

Жил в Салониках портной по имени Эфраим. Это был очень праведный еврей, тщательно соблюдавший законы шабата. Зарабатывал тем, что ходил от села к селу и чинил крестьянскую одежду. Заказчики, христиане, уважали честного и добросовестного мастера и не скупались с оплатой.

В йом ришон, в воскресенье, он уходил, а в йом шиши, в пятницу, рано утром, возвращался домой, чтобы купить всё необходимое к шабату и помочь жене приготовить дом и праздничную еду. Шабат они встречали в радости, благословляли на вино и пели замечательные шабатные песни.

Случилось зимой, в пятницу, Эфраим закончил работу для одного богатого крестьянина и после утренней молитвы, собрался идти домой. Густой снег валил за окном, свет почти не пробивался в окна.

Хозяин стал удерживать Эфраима:

– В такую погоду не то, что в поле, даже в деревне можно заблудиться, - говорит, - голодные волки выходят на дорогу, опасно. Задержись, я дам тебе отдельную комнату на шабат, еду и всё необходимое. Не рискуй!

– Не удерживай меня, пожалуйста, - отвечал Эфраим, - я должен вернуться к жене, она ждёт меня, как она будет без меня в шабат...

Надел тулуп, перепоясался и закинул за плечи дорожную сумку.

– Да сохранит тебя ваш еврейский Бог, - сказал хозяин, - защитит от несчастья...

Обнялись, попрощались, и пошёл Эфраим в снег и в метель.

Пока не вышел за село, видел дорогу, а потом снег окружил со всех сторон, залепил глаза, дышать стало трудно. Теперь Эфраим сожалел, что не послушал доброго человека, но что поделаешь, дорогу и назад не видно... Он шёл и шёл, погружаясь в белую снежную пену, преодолевая бурные волны метели, и вдруг оказался в лесу. Огромные лапы белых сосен наклонились, тянутся к нему, вот- вот сожмут в своих объятьях.

Надвигались сумерки, было страшно. И горько было думать, что придётся провести шабат вдали от родного тёплого дома. Эфраим сбросил сумку под

дерево и стал читать молитву. Святая молитва увлекла его, слёзы смешивались со снегом, текли по щекам и застывали на бороде.

Окончил молитву, правой ладонью стряхнул снежинки с ресниц и внезапно увидел за деревьями свет. Забыв о сумке, пошёл напрямую, через снежные горы и ямы, ближе и ближе, пока не выбрался на ровное и чистое место. Перед ним был большой бревенчатый дом с рядом окон, горевших жёлтым светом.

Эфраим поднялся по засыпанным снегом ступеням и постучал. Ответа не было. Потянул ручку двери, которая оказалась не заперта, и через маленькую прихожую вошёл в большую тёплую комнату, освещённую керосиновой лампой, свисавшей с потолка прямо над длинным обеденным столом с белоснежной скатертью.

Эфраим подошёл к столу. Деревянная хлебница с субботними халами была накрыта шёлковой салфеткой с вышитой надписью на священном языке: "Шабат шалом!" Рядом кидушный серебряный стакан и кувшин с вином.

Значит это еврейский дом? Но где хозяйева? Открыл следующую дверь - стены увешаны полками с множеством книг и стоит старец с большой книгой в руке. Посмотрел на него и дал знак идти в следующую комнату.

Следующая комната была не комната, а зал си-нагоги – арон ha-кодеш, узкие столы и ряды стульев с высокими спинками, и не менее десяти седых старцев в белых одеждах. Один из них сразу же подошёл к Эфраиму, помог снять тяжёлый тулуп, провёл к свободному месту и дал сидур для молитвы.

Начали читать "Каббалат шабат". От того, как они пели, от голосов их, подобных голосам сэрафим, и от слов молитвы закружилась голова Эфраима.

"Иди, друг мой, навстречу невесте! С тобой вместе мы встретим субботу... Храни и помни, храни и

помни... приди с радостью в общину верных Все-
вышнему, к избранному народу..."

Сначала тихо, потом громче, он стал повторять за ними, и через какое-то время запел во весь голос. Никогда в своей жизни не испытывал Эфраим такого подъёма и такой радости.

Душа соединилась с теми, кто был рядом, и наполнила весь мир.

Потом прочитали вечернюю молитву арвит, поздравили друг друга и повели старцы Эфраима к шабатному столу. Такой вкусной еды он никогда не ел и такого вина никогда не пробовал. А потом опять пели, учили Мишну, читали "Биркат ha-мазон" и отвели Эфраима в отдельную комнату, где была приготовлена для сна роскошная царская кровать.

Утром почтили дорогого гостя, вызвав его к Сефер-Торе, и дали читать "мафтир". Дневная сеуда была богаче вечерней. Старцы пели и рассказывали поучительные истории. Эфраим тоже пел с ними и даже дал маленький дэраш на недельную главу.

В радости и в веселье прошёл шабат. Подошло время "авдалы", отделения святого дня от рабочей недели. Благословили на вино, на запахи и на огонь.

Посмотрел Эфраим на отражение света на ногтях и зажмурил глаза, а когда открыл, увидел, что стоит один, ночью, в заснеженном лесу, под огромной сосной, а у ног его дорожная сумка.

Лунный свет переливался на снежных одеждах деревьев, а сердце ещё было наполнено святостью шабатного дня.

Поднял сумку, закинул за плечо, сделал несколько шагов и оказался на широкой и светлой дороге, которая привела его к еврейскому кварталу.

Ещё четверть часа и Эфраим переступил порог своего дома.

Молча, не отвечая на вопросы жены, Эфраим снял тулуп и обувь, прошёл в комнату, где хранил

святые книги и стал читать видуй, молитву раскаяния и очищения. Утром он рассказал жене о чудесах минувшего шабата, и что пришло его время идти туда, куда рано или поздно уходят все люди. Так оно и случилось.

האָלָהָה: ШАБАТ

В пятницу, перед шабатом, не следует уходить от дома на расстояние большее, чем три парсы (одна парса - прим. 3600м), почему? Объясняет "Шулхан Арух" (*Орах хаим 249:1*), что перед шабатом не следует отправляться в дорогу, если нет полной уверенности, что доберёшься до места раньше, чем солнце спрячется за горизонт.

После захода солнца вступают в силу некоторые запреты Торы, касающиеся шабата, в частности, запрет зажигать огонь. Поэтому пищу для шабата готовим заранее. Если же у нас есть всё, необходимое для встречи субботы, можно идти и в дальнюю дорогу.

Мы обязаны заблаговременно подготовиться к шабату. А именно: привести в порядок помещение, где будем находиться в этот день, приготовить вино для кидуша, хлеб и еду, приготовить праздничную одежду и искупаться, украсить стол и до захода солнца зажечь шабатные свечи.

Запрещено в пятницу, перед субботой, устраивать праздничные обеды, даже сеудат ирусин (обручения), из уважения к шабату (*Там же, п.2*).

Сеудат мицва (обед заповеди), например, брит-мицва или траурная трапеза (*сеудат авраа*), разрешены, но должны завершиться за четыре часа до шабата. И даже обычная трапеза с хлебом должна быть завершена к этому времени, чтобы вечером был аппетит и мы наслаждались субботней едой.

Праведные евреи в йом шиши, в пятницу, едят очень мало, а некоторые постятся до выхода первых звёзд.

Мужчины и женщины, и богатые, и бедные евреи, обязаны приготовиться к шабату и покупать самые лучшие продукты, если нет денег, следует одолжить. И не стыдно просить для шабата. А помочь другому провести шабат - особая мицва.

Запрещено экономить на продуктах для шабата. Ведь возвращаются деньги, потраченные на шабат, так как не входят в годовой бюджет, выделяемый нам Всевышним в начале года.

Обязанность каждого участвовать в подготовке к шабату. Даже важные люди и мудрецы Торы выполняют простую работу - закупают продукты, моют полы и вытирают пыль в своих домах. Рассказывают, что раби Хисда нарезал овощи, а Рава рубил дрова.

Слышал я, что гаон нашего времени, рав Овадья Йосеф чистил картошку для шабатных блюд.

В шабат запрещено уходить от места, где где мы устраиваем трапезу, на расстояние более, чем две тысячи *ама* (одна *ама* прим. 48

см.), т.е. около одного километра (*Шулхан Арух. Орах Хаим, 398*).

Если оказались в пустыне или в лесу, очерчиваем круг радиусом в четыре *ама*, и это наш "дом", где мы проведём шабат. Если встречаем шабат в населённом пункте, то *тхум*, т.е. расстояние, на которое мы можем отдалиться в шабат, начинаем отсчитывать через семьдесят и две трети *ама* (почти 34 метра) от последнего дома.

Две шабатные свечи (одна - помни шабат, вторая - храни шабат) обязаны зажигать как женщины, так и мужчины (*Шулхан Арух. Орах Хаим, 263*). Но, конечно, для женщины эта обязанность важнее, ведь женщина сохраняет мир в доме, а шабатные свечи – радость и мир.

Нельзя зажигать свечи, которые изготовлены не евреями для использования в своих храмах, и свечи идолопоклонников.

Свечи следует установить в таком месте, чтобы их свет был виден во время трапезы.

Время зажигания - за двадцать минут до захода солнца. Можно раньше, но ни в коем случае не позже, чем солнце уйдёт за горизонт.

Встречая шабат, после вечерней молитвы, следует без промедления сделать *Кидуш*, благословить на вино (*Шулхан Арух. Орах Хаим, 271*). Женщины также обязаны выполнять эту повелевающую заповедь Торы.

Утром, после утренней молитвы, делаем второй *Кидуш*. Пока не благословили на вино, есть и пить запрещено.

Вечером благословляем шабат стоя, но утром, когда благословляем, сидим.

Тот, кто произносит благословение, обязан выпить залпом *рвиит*, не менее 86 грамм вина.

Вино или виноградный сок с неприятным запахом и неприятным вкусом и винный уксус, даже с приятным запахом, для *Кидуша* не годятся (*Там же*, 272).

Запрещено вино, которое побывало незапечатанным двумя печатями в руках нееврея или еврея, осквернявшего шабат в присутствии десяти евреев. Такое вино называется *яин несах* (*Рамбам. "Алахот шабат"*, 29;14).

Сваренное вино разрешено, даже если нееврей касался открытого сосуда.

Можно пользоваться как белым, так и красным вином или виноградным соком. Хотяраби Моше бен Нахман считал, что для *Кидуша* годится только красное вино.

Если нет кошерного вина, или виноградного сока, можно приготовить настойку на изюме, сушёном винограде.

Если нет вина, можно благословлять на хлеб (*Бен Иш Хай. Брешит* 2;28). Порядок такой:

Делаем *нэтилат ядаим* (омовение рук), садимся и, не раскрывая накрытые салфеткой две шабатние халы, читаем: "Вайхулу ашамим..." Потом открываем халы, берём их в руки, говорим *бэра*ху на хлеб, читаем *Кидуш*, отрезаем или отламываем не менее *казайт* (28 грамм) от халы, едим сами и раздаём присутствующим за столом.

Не передаём хлеб из рук в руки, а кладём в тарелку или на салфетку.

В шабат делаем, как минимум, три сеуды, три трапезы. Третья сеуда - после молитвы минха. В каждой надо съесть не менее 60 грамм

хлеба. Четвёртая сеуда - сеуда малка (царская), после *авдалы*, когда отделили праздник от будней. Это ещё 60 грамм, итого за весь день мы обязаны съесть не менее 240 грамм хлеба.

Завершая шабат, после вечерней молитвы выполняем обряд *авдала*, отделяем праздничное от будничного. Что это значит?

Тот, кто имел счастье отпраздновать шабат в соответствии с законами Торы и строгими постановлениями наших Учителей, вдруг чувствует, что заканчивается время высокого душевного подъёма и будничные проблемы ожидают его на пороге нового дня.

С духовных высот шабата мы "спускаемся на землю". Но, чтобы грядущая неделя была мирной и доброй, берём с собой аромат и свет уходящего праздника.

После захода солнца запрещено есть и пить что-либо, кроме воды. Если не успели закончить третью трапезу, можно продолжать есть, но следует закончить до вечерней молитвы.

Перед *авдалой* поём, приглашаем пророка Элиягу, чтобы он пришёл и объявил об освобождении Израиля

Авдалу обязаны выполнить как мужчины, так и женщины.

Для *авдалы* нам необходимы вино, *бэсамим* (благовония) и особая *авдальная* свеча.

Стакан для вина, объёмом не менее 86 грамм, без дефекта (*Шулхан Арух. Орах Хаим, 296*), наполняем с верхом, чтобы немного пролилось в тарелочку под стаканом. Если нет вина, можно взять любой крепкий кошерный напиток: ко-

ньяк, водку, пиво, можно колу (только говорим уже не "...гэфен", а "...ше аколь...").

Не благословляем на воду, на чай, на кофе, и на молоко.

Для бэсамим лучше всего использовать приятно пахнущие травы или ветки деревьев. Можно сушёные листья или семена пахучих растений.

Авдальная свеча делается из двух или шести фитилей. Если нет такой, можно соединить две свечи, чтобы они горели, как один факел.

Свеча, зажжённая идолопоклонником или евреем, не соблюдающим шабат, запрещена. Запрещена также *нер нэшама*, свеча, которую зажигают для души умершего.

Порядок авдалы:

Благословляющий берёт стакан в правую руку, начинает читать авдалу, произносит бэраку, передаёт стакан в левую руку, а в правую берёт *бэсамим*, благословляет и только после этого вдыхает аромат.

Сжимает в кулак ладонь правой руки, благословляет на огонь и вглядывается в его отражение на ногтях четырёх пальцев

Завершает благословения авдалы и пьёт, *рвиит*, объём не менее 86 грамм, чтобы после этого прочитать благословение после вина "Меэн шалаш". Но может пригубить и дать выпить кому-либо другому, который также обязан прочитать "Меэн шалаш", если выпил *рвиит*.

Все присутствующие присоединяются к этим благословениям, вдыхают аромат *бэсамим*, ловят отражение огня на ногтях, но вино не пьют. Женщине не следует пить вино авдалы.

В конце шабата, как в шабат, поститься запрещено. Поэтому следует организовать четвёртую трапезу.

Это обязанность и для женщин, и для мужчин.

САБА КАДИША

Саба Кадиша рассказывал, за что он получил от Небес силу и мудрость:

- Где бы я ни был, избегал соприкосновения с нечистым, каждое утро делал "нэтилат ядаим" в соответствии с алахой и заботился о чистоте своей души.

В городе Златополь Саба Кадиша был шамашем в бет кнессете и прославился своими необыкновенными деяниями.

Он навещал больных евреев города и лечил их настойками особых трав. Делал это не ради денег и не ради славы, но во имя Небес, чтобы сохранить жизнь своим братьям и помочь им вернуться на хорошую дорогу, вернуться к Торе.

Многим и многим он помог. Но особенно Саба Кадиша беспокоился о больных детях. Он знал, что здоровье детей зависит от поведения их мам, соблюдают они законы для еврейской женщины, или нет. Не всегда удаётся спасти жизнь ребёнка, за которым ухаживает мама в состоянии "нида".

Он давал детям свои лекарства, беседовал с женщинами и убеждал их жить в соответствии с законами Торы, иначе никакое лечение не поможет.

Каждую ночь, после двенадцати часов, Саба Кадиша окунался в городской микве. Летом, и зимой, даже, когда вода была очень и очень холодной.

В городе была только одна миква, а воду грели к шабату или, когда нужно было какой-то женщине. Но он приходил в полночь и погружался в холодную воду.

Однако огорчало его, что вынужден был пробираться в микву тайком, через маленькое окошко у самого потолка. Если женщины узнают, поднимут крик и опозорят его, ведь мужчины редко окунались, тем более ночью.

Но однажды, в тот самый момент, когда Саба Кадиша поднялся к окну по приставной лесенке, его поймал сторож, стащил за куртку вниз и закричал:

– Если увижу тебя ещё раз около миквы, кости обломаю!

Решил сторож, что он псих, не полезет же нормальный человек зимой в холодную воду.

Саба Кадиша стал просить сторожа открыть двери миквы. Предлагал деньги, столько, что тот и за месяц не получает, но сторож и слушать не желал. Никак не поймёт, что человека заставляет лезть в холодную воду.

– Слушай, – сказал Саба Кадиша, – я буду платить тебе каждый месяц, как заработок твой, чтобы каждую ночь пускал меня в микву.

Удивился сторож:

– Что этому глупому человеку надо? Кто знает, что у него на уме и что он там натворит ночью...

Видит Саба Кадиша, что не сумел убедить упрямого сторожа и говорит:

– Если дашь мне свою руку и поклянёшься, что пока жив, не выдашь тайну, я сделаю тебе такое доброе дело, о котором даже думать не смеешь.

Любопытно стало сторожу, согласился он и протянул свою правую руку.

– Знал бы ты, - говорит Саба Кадиша, - что я могу испепелить тебя своим словом или превратить твои кости в труху, однако, с большим удовольствием сотворю для тебя благо. За это каждую ночь ты станешь отпирать для меня двери миквы.

– Есть у тебя взрослая дочь, - продолжал он, - внезапно ослепшая несколько лет назад. Знаю, что горюете вы с женой, время выдавать девушку замуж, но кто возьмёт слепую... Помолюсь в микве, чтобы Небеса исцелили её и вернули зрение. С восходом солнца она прозреет, станет прыгать и танцевать, целовать мать, отца и своих родных. Так будет. Но чтобы обо мне ты никому не рассказывал. Поклянись.

Слушает сторож и не верит:

– Может ли такое быть? Хитрость это или обман? Однако, кто его знает, этого странного человека. Стоит проверить. Посмотрим, что будет завтра.

И дал ключ от миквы.

Утром, с восходом солнца, в доме сторожа поднялся большой переполох. Слепая девушка встала с постели зрячей.

Она прыгала, танцевала, пела и целовала всех, кого видела. Весь город шумел об этом, но кроме отца девушки никто не знал причины чудесного исцеления.

Через год сторож тяжело заболел. Почувствовал, что умирает и открыл тайну собравшимся вокруг родным и друзьям:

– Саба Кадиша – великий праведник, один скрытых праведников, поддерживающих мир. Недопустимо, чтобы такой человек был шамашем, окажите ему почёт...

Умер этот человек, а слава о Саба Кадиша мгновенно распространилась среди еврейских об-

щин. Пошли к нему из разных мест больные и страждущие, и все находили исцеление.

Пришли однажды люди из дальнего еврейского местечка на Украине, увидели его и говорят:

– Да это же зять нашего шохета и менакера, раби Хаима!

После этого о праведнике, творящим чудеса, уже знал весь еврейский мир. Жители города Златополь были очень смущены, что совсем недавно они заставляли праведника выполнять чёрную работу и смеялись над ним. Теперь им было стыдно.

Но и Саба Кадиша понял, что здесь ему уже нельзя оставаться, пора уходить в другое место. Где его никто не знает.

Неожиданно для всех он исчез. Восемь лет перебирался из города в город, всё дальше и дальше от тех мест. Добрался до одного города, где было много евреев, но не все отличались благочестием. Лечил их и возвращал на путь Торы. Там прожил ещё сорок два года

Так будут благословенны наши учителя и тайные праведники, ограждающие нас от зла!

һалаха: ТУМЪА И ОЧИЩЕНИЕ

Ритуальная нечистота, *тумъа*, мешает нам, когда мы хотим установить духовную связь с Творцом (*Мишна "Таарот" 9*).

Тумъа мы получаем, находясь в одном помещении с умершим, от соприкосновения с трупами животных (*Ваикра 11:8*), от соприкосновения с ритуально нечистыми продуктами и с предметами, которые служили или служат для обрядов идолопоклонникам.

В состоянии ритуальной нечистоты мы встаём утром со сна..

Тумъа нида распространяет женщина в период менструации до тех пор, пока она не очистится в водах миквы. *Тумъа* может распространять и мужчина, если у него есть "выделения", в этом случае также необходима миква.. Мы обязаны позаботиться о своей душе и по возможности оградить и очистить себя (*Ваикра 15:31*).

Утром, после сна, и перед тем, как есть хлеб, следует выполнить обряд *нетилат ядаим*. Это не обычное мытьё рук, омовение, как полагают некоторые, а вознесение рук. Буквальное значение слова *нетила* – возлагание или взятие.

Если руки грязные, моем их с мылом, потом поливаем из кружки на правую и на левую руку по три раза. Поднимаем руки на уровень лица, говорим *бэраху*, и тщательно вытираем полотенцем. Обязательно следует выполнить *нетилат ядаим* (без *бэрахи*) после уборной.

Тумъа нида опасна, как для женщин, так и для мужчин. Несчастье, горе, "ой-ва-вой!" для родителей и для ребёнка, которого они зачали в это время. Тора называет это преступлением и определяет суровое наказание (*Зоар "Шмот"*).

Находясь в состоянии духовной нечистоты, человек может испытывать сильное недомогание, а если был болен, болезнь обостряется. *Тумъа* влияет на духовное и на физическое состояние всех, кто прямо или косвенно попадает под её воздействие.

От всех видов ритуальной нечистоты, кроме *тумъа мет*, очищают воды миквы (*Ваикра 15:16*). Миква - особый бассейн, где собрано не

менее 332 литров дождевой воды. Минимальная глубина миквы 80 см. Как правило, воду подогревают до температуры тела.

Тот, кто пишет Сефер Тору, тэфилин или мезузу, тот, кто читает Сефер Тору для общины или ведёт молитвы, обязан регулярно очищать себя в водах миквы.

Мы погружаемся в воды миквы перед нашими праздниками. Особенно важно очиститься перед Йом Кипур. В таком случае следует во время погружения читать молитву раскаяния.

Если нет мивкы, или при плохом здоровье, по мнению гаона рава Овадья Йосефа (*Ялкут Йосеф. К.Ш.А. 606*), можно вылить на человека, который должен очиститься, девять кавов воды, т.е. 12,5 литра. Вода может быть горячей.

Можно использовать сильный душ, при условии, что выльется не менее 12,5 литра воды.

Море, или другой естественный водоём, тоже миква. Можно погружаться в реку, где не сильное течение и есть заводь или запруда, и где одновременно находится 332 литра воды.

От некоторых видов нечистоты, вызванных кожными болезнями, очищение проводят в родниковой воде.

Мы участвуем в похоронах, посещаем кладбище. Но в настоящее время нет возможности очиститься от *тумъа мет*, полученной от трупа человека. Это ограничивает наши духовные возможности. Тем не менее следует тщательно соблюдать правила физического и духовного очищения: купаться и погружаться в микву, мыть руки и делать *нетилат ядаим*.

Невеста и жених обязаны перед свадьбой погрузиться в воды миквы.

Очистят вас воды миквы и слова Торы.
Миква Исраэль таора!

КРОВАВЫЙ НАВЕТ

Однажды, перед праздником Пурим, раби Исраэль бен Сара, зихрано цадик ливраха, приехал в Вильно и остановился в богатой еврейской гостинице у въезда в город.

Хозяин гостиницы, богобоязненный еврей, сразу понял, что это святой человек и талмид-хахам. Оказал ему почёт, провёл его в лучший номер, и сам стал ему прислуживать.

На следующее утро, после молитвы, раби Исраэль вызвал хозяина и говорит:

– Иди к великому князю и скажи, что твой гость, старый раби Исраэль бен Сара просит его немедленно прийти в гостиницу.

Хозяин гостиницы застыл в изумлении и ответил заикаясь:

– Раби, прости меня, святой раби, я не могу выполнить твоё поручение. Во-первых, солдаты на улице, ведущей к дворцу, не подпустят меня ко дворцу князя, схватят, как только увидят. Известно, что любого еврея, оказавшегося на этой улице, казнят без суда и следствия. Во-вторых, князь ненавидит евреев, меня повесят за попытку увидеться с

ним. Раби, у меня семья, дети, даже из уважения к тебе, я не могу подвергать себя опасности.

И тут же ушёл к себе.

Внезапно заболела его жена. Не успели вызвать врача, слегла дочь, потом остальные дети. Врач, осмотрел и поставил ужасный диагноз - холера.

Хозяин гостиницы понял причину болезни, побежал к раби и говорит:

– Я готов выполнить твоё поручение, лишь бы мои родные были здоровы. Помогите им!

– Не беспокойся, – ответил раби, – уже все здоровы. Иди смело.

Видит, и вправду здоровы. Страшно, но надо идти. Задрожал всем телом - разве допустят еврея до князя. Убьют. Делать нечего, надо сдержать обещание. Прочитал "Шма Исраэль", положился на Б-га и пошёл.

День только начинался. На улице стояли солдаты. Странно, никто из них не обратил внимания на еврея. Никто не остановил, когда он приблизился к дворцу. Даже, когда вошёл, и даже, когда переходил из зала в зал, никто не обращал на него внимания. Внезапно оказался в спальне князя.

Князь проснулся и приподнялся на своей постели. Еврей подошёл ближе, набрал воздух и говорит:

– Господин, великий князь, в моей гостинице остановился раби Исраэль бен Сара. Он хочет поговорить с тобой и просит немедленно прийти к нему.

Князь вскочил, а еврей, едва не потерял сознание от страха. Выбежал из комнаты и бросился к выходу. Видит князь, что он убегает, помчался следом, как был, в ночной пижаме.

Выскочили оба на улицу. Еврей летит, вне себя от страха, не может князь его догнать. Стражники на улице видят князя, бегущего в пижаме, а еврея не видят. Ничего не поймут, решили, что их господин спятил.

Еврей подбежал к своей гостинице, ворвался во внутрь, кричит:

– Раби! Раби! Вот князь!

Раби Исраэль попросил князя подождать на улице. Вышел, подхватил князя за рукав и завёл в комнату, а хозяина оставил в холле.

Через несколько минут князь вышел от раби и, ни слова не говоря, отправился во дворец. Потом вышел раби, собрал вещи и уехал.

Когда князь вернулся во дворец, как будто проснулся. "С чего это, - думает, - я, как сумасшедший, бегал по улицам в пижаме?" Послал слуг привести к нему раби Исраэля. Пришли в гостиницу, а раби нет, уехал.

В еврейской гостинице работал молодой кучер, христианин. За две недели до Песаха он исчез. Искали его и не могли найти, думали вернулся в свою деревню, но и там нет. Появился в городе слух, что хозяин убил его, чтобы использовать кровь для приготовления мацы.

Схватили хозяина, избили и отправили в тюрьму. Через два дня судили и приговорили повесить. Оставалось только, чтобы великий князь утвердил приговор.

Пришёл главный судья, просит подписать, а князь отвечает, что в дальнем городе открылась ярмарка, он едет туда покупать лошадей. А еврей, которого присудили к смерти, большой знаток лошадей, поэтому он возьмёт его собой. Когда вернутся, если еврей и вправду виноват, подпишет ему смертный приговор.

Оставалась неделя до Песаха. Еврея вывели из тюрьмы, доставили к князю и они вдвоём отправились на ярмарку. Как ни странно, князь даже прислугу не взял с собой.

Купили на ярмарке замечательных лошадей. После полудня князь пошёл в гостиницу пообедать и отдохнуть, а еврей остался с лошадьми.

Вдруг видит он в толпе того парня, пропавшего кучера, христианина. Парень тоже увидел, обрадовался, подбежал, обнимает, плачет. Успокоился немного и рассказывает:

– Хозяин, если бы ты знал, что есть в городе люди, которые тебя ненавидят. Они уговорили меня приехать сюда, обещали много денег, обещали женить, только чтобы я не возвращался в Вильно, а сами продали злому человеку. Умоляю, увези меня отсюда.

Хозяин усадил его, дал попить, поесть и попросил потерпеть до вечера, а там, Ашем поможет. Вскоре пришёл князь, еврей привязал купленных лошадей сзади, к своей бричке, взялся за вожжи, ехать домой. Что он такое сделал, не знаем, но только отъехали, лошади, словно взбесились, прыгают, вот-вот порвут верёвки. Испугался князь, что опрокинут бричку, а еврей говорит:

– Не справлюсь я с этими лошадьми, здесь недалеко есть один молодой человек, христианин, он может любого зверя укротить. Давай возьмём его, тем более, что он из Вильно.

– Зови, - согласился князь.

Едут втроём, князь и еврей сзади, а молодой кучер с вожжами впереди. Говорит князь еврею:

– Ты помнишь, как я бежал за тобой три недели тому назад? Знаешь, что сказал мне тогда ваш раби? Так вот, он сказал, что тебя будут обвинять в пролитии христианской крови, но я не должен утверждать смертный приговор, пока не куплю лошадей на ярмарке. И сказал ещё, что в дороге мне откроется правда. Понятно, что раби ваш святой, и понятно, что ты не виновен в убийстве христианина, однако, в чём же твоё спасение? Вряд ли я смогу тебе помочь.

Ответил еврей:

– Меня обвинили в убийстве этого парня, который правит твоими лошадьми. А он, как видишь, живой.

И рассказал всю историю с обманом, как бедного парня увезли и сделали рабом, а его били и пытали, чтобы признался в преступлении, которого не совершал.

Выслушал князь и воздел руки к небесам:

– Благословен Владыка мира, праведный Судья, что не дал мне пролить невинную кровь.

Когда вернулись домой, князь запер парня в отдельной комнате и созвал суд, судивший еврея. Пришли судьи и обвинители, привели еврея. Тогда вывели к ним мнимо убитого, и он подробно рассказал обо всём, показал на главного судью и на лже-свидетелей, которые увезли и продали его.

Великий князь вынес приговор: повесить судью и его помощников, чтобы неповадно было другим. Двадцать три негодяя понесли заслуженное наказание.

Чтобы так же сгнули все враги Израиля. А мы с вами вернёмся к нашей Торе. Аминь.

халаха: ПУРИМ

Амалек, сын Элифаза, внук Эсава, брата Якова, произошёл от кровосмесительной связи, он был сыном своей сестры. Он унаследовал от отца все омерзительные и скотские качества. И сегодня дети Амалека живут в разврате, их священники даже гордятся этим.

Ненависть амалекитян к евреям, к сыновьям Якова унаследована им от деда. Это два

мира - мир разврата и вседозволенности с одной стороны, и мир Закона и справедливости, где духовная и физическая чистота поддерживают существование Вселенной, с другой стороны.

Исход этой смертельной вражды предрешён. События Пурима подтверждают, что Всесильный в момент исключительной опасности поддержит евреев и защитит от амалекитян.

Каждый год 13, 14 и 15 Адара следует отмечать исполнением особых заповедей Пурима.

13 Адара обязаны поститься все мужчины от 13 лет, и старше, и женщины от 12 лет, и старше (*Таанит Эстер*).

"...чтобы помнили мы о том, - говорит Рамбам, - что Святой, Благословен Он, видит и слышит всякого человека в его беде, когда он постится и возвращается к Создателю всем своим сердцем, и что Тора велит нам молиться, если обществу грозит беда. Как сказано: *"Из-за врага, осаждающего вас, трубите в трубы и вспомнит вас Б-г"* (*Бэмидбар 19*)."

Если 13 Адара попадает на шабат, пост переносим на пятый день недели, на йом хамиши, т.е. на 11 Адара.

Женщины – беременные, более трёх месяцев беременности, и кормящие, в течение 24 месяцев от родов, даже, если уже не кормят, освобождены от поста. Если был выкидыш или аборт, не постятся 24 месяца от этого дня.

Запрещаем поститься не опасно больным, людям с плохим зрением и старикам.

Пост начинается до рассвета и заканчивается с выходом звёзд, когда уже можно пить и

можно есть фрукты и овощи, но нельзя хлеб и мучные продукты более 55 грамм до того, как закончим читать "Мегилат Эстер" (Свиток Эстер).

14 Адара дважды, вечером и утром, все евреи, мужчины и женщины, обязаны читать с общиной "Мегилат Эстер". Мицва распространяется на авелим, сидящих *шиву*.

Если человек болен, или по другой причине не может участвовать в коллективном чтении, читает сам. Если сам не может, читают для него.

Слепой и немой сами не читают, но слушать чтение обязаны.

Читать следует только по кошерному свитку. Заповедь не исполнена, если слушаем кассету или радио. Однако, в большом зале, где много людей, шэлиях цибур, читающий Мегилу, может использовать усилитель и микрофон.

До завершения чтения Мегилы любая трапеза с хлебом или с мучными продуктами более 55 грамм запрещена.

Очень важная мицва *матанот ле эвьёним*, пожертвования бедным. Выполнять её обязаны и мужчины, и женщины.

Предпочтительно оказать денежную помощь, но можно вещами или едой. Если в данное время нет нуждающихся (чтобы так было всегда!), обязаны дать цэдаку в йешиву или в синагогу.

Заповедь Пурима послать подарки не менее, чем двум евреям. В посылке должно быть не ме-

нее, чем два вида, например, вино и сладости. Хорошо, когда посылаем вино, сладости и фрукты. Посылать подарки обязаны женщины и мужчины. Но женщины посылают женщинам, а мужчины - мужчинам. Если послали в семью, мужу и жене, заповедь выполнили.

В Пурим, после утренней молитвы, чтения Мегилы и распределения подарков, евреи обязаны есть, пить и веселиться. Трапеза включает сладкие блюда, приготовленные с мёдом. Взрослым следует пить крепкие алкогольные напитки, но ни в коем случае не напиваться до неподобающего состояния. Чтобы голова была ясной ко времени минхи.

Сохранит Он Свой святой народ!

МЕРТВЫЕ ДОЛГИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТ

Во времена гаона раби Шэмуэля Элиазара Эйдлиша Алеви (5315 - 5391 г.г.) жили в Австрии два друга, два компаньона в торговых делах, Менда и Йосеф.

Однажды сказали им, что в соседней России богатая графиня-вдова унаследовала большую партию ткани высокого качества. Она не знает, что с этим

делать, поэтому всё можно выкупить дёшево. Собрались и поехали.

В России в то время было очень мало евреев, так как польские области, населённые евреями, тогда ещё не были завоёваны. Графиня впервые видела евреев и с интересом рассматривала их в окно. Она запретила впускать их в дом, поэтому управляющий вёл торг во дворе.

Торговались не долго. Купцы по достоинству оценили образцы, обрадовались предложенной цене и тут же заплатили всю сумму. Они отправились осматривать товар, а управляющий понёс деньги графине.

Взяла деньги, спрятала в дубовую шкатулку и спрашивает:

– В детстве я слышала, что евреи живут грабёжом и обманом, опасно иметь с ними дело, эти тоже такие?

– Неправда, – отвечал управляющий, – евреи очень честный, добросовестный и работающий народ. Среди них много настоящих праведников и мудрецов. Они потеряли родину, но не потеряли совесть и не потеряли Б-га.

После этих слов управляющего захотелось ей посмотреть на евреев поближе. Вышла во двор и стала наблюдать, как они распарывают тюки и что-то пишут углём на деревянной доске..

Смотрит и удивляется:

– Очень приятные с виду, особенно тот, рослый и смуглый. Как он прекрасен! Пышные волосы не умещаются под шапкой, вот бы потрогать их, наверное, мягкие.

Приказала привести его в свою комнату. Пришёл, стоит перед графиней, вежливо отвечает на её родном языке. Слушает она, смотрит, а в сердце поднимается жар, прижаться бы к нему, охладить душу...

Ушёл еврей, графиня не может успокоиться, голова кружится, то ляжет, то встанет.

Для того, чтобы проверить и перемерять весь товар понадобилось два дня. Мендл и Йосеф ночевали за плату в доме одного из сторожей, а днём работали без отдыха. Когда стали грузить, оказалось, что телег не хватает. Йосеф остался маркировать тюки, а Мендл поехал нанимать телеги в соседний город.

Графиня узнала, что Йосеф остался один, и послала слугу за ним, чтобы пришёл в спальную комнату. Был вечер, одна свеча на маленьком столике слегка высвечивала её горящее лицо. Посадила его, сама села рядом и открылась в своём желании.

– Будь со мной, – говорит, – только одну ночь. Все деньги, что получила от вас за ткани, отдам за одну ночь!

Йосеф испугался:

– Возможно ли такое? Во-первых, это же разврат. У меня есть жена. Во-вторых, какие могут быть последствия от связи с графиней...

Вскочил со своего места, а графиня держит за руки, не даёт уйти. В каждом человеке сидят два существа: йецер ха-тов и йецер ха-ра, доброе и злое желания. Сражаются они в душе Йосефа.

Йецер ха-тов вцепился в душу: "Не смей, ты же еврей, человек Б-га, как ты потом откроешь Его Книгу!" А йецер ха-ра говорит: "Графиня молодая, красивая, никто не узнает, удовольствие получишь и тому же разбогатеешь."

Уступил Йосеф желанию графини. Провёл с ней ночь, а утром ушёл, унося все деньги, которые были выплачены за товар. Тут и Мендл пригнал две телеги. Погрузили они все тюки и отправились домой.

В дороге открылись глаза Йосефа и понял, какое зло совершил, в какую яму упал. Заболела душа

и силы ушли. Слёзы текут, отворачивает лицо, чтобы друг не видел.

Едут они, едут. Смотрит Менда на Йосефа и спрашивает:

– Чем ты недоволен? Съездили удачно, купили дёшево, с помощью Ашема продадим, разбогатеем. Выкладывай, что с тобой случилось!

Открылся ему Йосеф, рассказал о своей беде. Согрешил с запрещённой женщиной и деньги взял, совершил двойной грех.

А друг выслушал и расхохотался:

– Так это твоё горе? Такой чепуха тебя расстроила? У тебя теперь много денег, даст Ашем, продадим товар, станешь богачом, всем беднякам поможешь. Не расстраивайся, мицвой искупишь грех.

Йосеф слушает, рыдает, сдержаться не может:

– Нет мне прощения, загубил себя.

Покачал Менда головой, жалко друга:

– Может быть я куплю твой грех? Что дашь?

Только услышал Йосеф слова компаньона, обрадовался, повернулся к нему:

– Возьми все деньги, которые дала мне княгиня и четвёртую часть моей доли. Пожалуйста, возьми!

– Нет, дорогой, мы с тобой компаньоны, всё пополам – и грехи, и деньги. Возьму половину греха и половину денег, что ты получил за ночь с графиней.

– Если берёшь, так бери в счёт второй половины моего греха всю мою долю в товаре.

Это предложение заставило Менделя задуматься. Получит весь товар и половину стоимости товара в придачу. Немало. Как не согласиться!

Тут же заключили договор. Мендель берёт на себя ответственность за весь грех своего компаньона, а тот передаёт ему за это всю свою долю в состоявшейся торговой сделке с княгиней и половину денег, выплаченных за товар. Обе стороны остались чрезвычайно довольными таким договором. Йосеф повеселел и всю дорогу до дома напевал:

– Исмах Моше бэ матана хелько, ки эвед нээман карато ло...

Так довольными и счастливыми они добрались до дома.

С большой выгодой Мендл распродал весь товар и заработал огромное состояние. Неожиданно он стал одним из самых богатых и уважаемых евреев Австрии, купил в столице дом, нанял детям дорогих учителей, чтобы обучали разным языкам, и передал в общественную кассу значительное пожертвование.

Но не пришлось ему долго радоваться успеху, неожиданно умер.

Предстала душа перед Судом и открыли Книгу его жизни. Вышла свидетельствовать душа покойного мужа графини и обвинила Мендла в разврате.

– Как! – возмутился он, разве я виноват? Развратничал мой компаньон Йосеф.

Сказали ему:

– Перед нами договор, который ты с ним заключил. Ты купил его грех.

– Я хотел помочь, он плакал, убивался, мне было жаль его...

– Призови Йосефа на суд Торы, - сказали ему.

Ночью приснился Мендл своему бывшему компаньону и призвал на суд Торы. Задрожал Йосеф, смотрит, а ответить не может. Так и проснулся в страхе. На следующую ночь сон повторился, потом, опять. Йосеф объявил для себя таанит халом (однодневный пост), но и это не подействовало, заболел и совсем был близок к смерти

В это время главой Бет-дина Австрии был МэАРША, раби Шэмуэль Элиазар Эйдлиш Алеви, зихрано цадик ливраха.

Родные принесли к нему умирающего. Йосеф расплакался и рассказал свою историю о продаже греха от начала до конца, и что каждую ночь приходит к нему во сне его бывший компаньон и требу-

ет явиться на суд Торы, а теперь умирает. Может ему помочь уважаемый рав?

Ответил раби:

– Не бойся. Возвращайся домой и, когда увидишь его опять, от моего имени скажи, что Тора не на небесах. Если он желает праведного суда, пусть предстанет передо мной, ты и он, оба предстанете перед нашим Бет-дином. Если нет, лишим его права отвечать перед Высшим Судом. А ты излечишься.

Так и сделал Йосеф. Когда явился во сне Мендл, повторил ему слова раби и тут же выздоровел. Договорились через тридцать дней предстать перед раби. Йосеф сообщил раву, что в такой-то день мёртвый готов предстать перед судом Торы. А МеАРША велел шамашу созвать на этот день всю общину, чтобы евреи получили наглядный урок.

В назначенный день шамаш отправился к месту захоронения Мендла и от имени раби призвал его на суд.

Предстали живой и мёртвый на суде перед лицом еврейской общины. Рассказал живой тихим голосом, как он согрешил и как продал свой грех товарищу, а потом обратился к мёртвому:

– Я согрешил и раскаялся, я был уверен, что искупил вину тем, что отказался от богатства в твою пользу. По договору ты получил всё, почему тревожишь меня?

Когда отвечал мёртвый, все собравшиеся застыли в ужасе:

– Да, был договор. Мне было жаль тебя, поэтому купил твой грех. Но не я виновен, а ты, ты и отвечай. Да, я получил согласно договору всю твою долю, хотел вернуть тебе, но не успел. Сейчас ты можешь взять из имущества, оставшегося после моей смерти, всё, что тебе тогда причиталось. Прошу, освободи меня от твоих грехов. Получал удовольствие ты, разве я должен за это отвечать?

Люди слушали, опустив головы к земле. Только судьи внимательно смотрели на бывших друзей. А мёртвый стал причитать и обвинять живого:

- Ой, ва-вой мне! За добро моё нет мне утешения от этого грешника...

- Ой, ва-вой мне! - закричал живой, - почему же ты тогда взял деньги и товар!

Кричали, пока рав их не остановил:

- Суд решает, что прав живой и не прав мёртвый. Йосеф раскаялся и искупил свою вину. Кто хозяин товара? Тот, кто заплатил за него. Пока человек жив, есть возможность сделать тэшуву, есть возможность исправить свою жизнь и вернуть долги. Мёртвые долги не возвращают. Суд оправдывает живого и для полного исправления налагает на него обязанность в течение года читать кадиш во имя души Мендла.

Горько заплакал мёртвый, превратился в дым и исчез.

Һалаха: РАСКАЯНИЕ

Пусть не думает согрешивший и раскаявшийся человек, что никогда не станет праведником.

Тот, кто искренне раскаялся и исповедался в своём проступке, получает прощение: "...он любим Творцом, как будто и не грешил. Достоинство раскаявшегося выше, чем достоинство праведника, который никогда не грешил" (*Рамбам "Мишинэ Тора" 7:4*).

В Рош Һа-шана "сотворён мир, и все люди проходят перед Судом в этот день".

"Поведаем о святости этого дня, это страшный и грозный день... Несутся ангелы, объятые страхом, и возглашают: "Наступил день суда!"

"В Рош ха-шана приговор записывается, а в пост Йом Кипура скрепляется печатью: Скольким отойти и скольким быть сотворёнными. Кому жить и кому умереть, кому на исходе дней и кому безвременно. Кому смерть от воды и кому от огня, кому от меча и кому от зверя, кому от голода и кому от жажды, кому от землетрясения и кому от мора. Кому быть удушенным и кому быть побитым камнями. Кому покой и кому скитания. Кому безмятежность и кому тревога. Кто возвысится, и кто будет унижен. Кому богатство и кому бедность."

"Но покаяние, молитва и благотворительность отменяют тяжкий приговор" (*Молитва Рош ха-шана "Мусаф"*).

С начала месяца Элул следует подготовиться к Судному дню. Более 3300 лет существует обычай вставать с постели после полуночи и обращаться с молитвой к Творцу и трубить в шофар.

Весь месяц и десять дней до Йом Кипур евреи читают сэлихот, молитвы о прощении для каждого человека и для всего еврейского народа (*Шулхан Арух, "Орах хаим" 561:1*). Евреи-ашкеназы читают сэлихот с Рош а-шана до Йом Кипур. Тора обязывает всех евреев в течение сорока дней провести полную ревизию своей жизни за прошедший год.

Просим прощения у Творца, Благословен Он, и у людей, которых мы обидели или причи-

нили им ущерб. Б-г не прощает, если не простил обиженный.

Следует выполнить эту обязанность заблаговременно. Если не получили прощения от обиженного вами человека сразу, обратитесь снова, так же и в третий раз. Тора запрещает мстить и держать в душе обиду на раскаявшегося человека. Если не прощает, это вменяется ему в вину, с которой он придёт на Суд.

Если обиженный нами человек живёт в другом городе, в другой стране, пишем письмо или просим прощения по телефону. Если не знаем адреса, просим прощения заочно, в синагоге, в присутствии десяти евреев. Если он уже умер, собираем миньян и просим прощения на месте захоронения.

Точно так же следует просить прощения у Творца, Благословен Он, за то что пренебрегали Его заповедями. И то, что не успели до до Рош а-шана, обязаны завершить к Йом Кипур.

На протяжении уходящего года мы неоднократно клялись и давали обещания, *нэдарим*. Неисполненные нэдерим, тянут на весах Правосудия, как тяжёлые грехи. Поэтому следует обратиться в бет-дин, чтобы освободил от них.

Бет-дин собирают в синагоге, после утренней молитвы за день до Рош ха-шана. Приглашаем не менее трёх евреев, соблюдающих, кашрут и шабат, добросовестно исполняющих законы Торы, и обращаемся к ним с просьбой освободить нас от обетов, от которых по закону можно освободить.

Множество из них мы уже не помним, какие-то не выполнили по слабости, или не позволили обстоятельства. Мы искренне раскаиваем-

ся и отменяем все клятвы, зарок, обеты, как высказанные, как и сказанные в сердце.

В том, что не исполнили, не было нашего злого умысла, поэтому суд освобождает нас и прощает от Имени Творца. Так же, как суд Торы прощает здесь, в этом мире, мы получим прощение Высшего Суда.

Отбелит Всевышний грехи народа Своего и простит. Аминь.

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

В Польше, где, несмотря на преследования, сотни лет жили евреи, в дни Маһариля (рабби Якова бен Моше Молин Алеви. 5115-5187), зихроно цадик ливраха, в Йом Кипур произошла такая история.

В большом красивом доме у городской стены жил богатый еврей по имени реб Мардэхай Голанд. Двадцать лет был бездетным и, наконец, родился у него сын, которому дали имя Ицхак.

Мальчик рос в достатке, учил Тору, к шестнадцати годам возмужал и стал праведным евреем. Радовался отец, что сын уже настоящий мужчина, женил его, а через два года родился замечательный внучек. Достаток и радость наполняли дом. Чтобы и вам дал Ашем по вашему желанию!

Однажды из Голландии пришло письмо, сообщение, что умер брат ребе Мардэхая, а от него оста-

лось большое наследство. Сказал реб Мардэхай сыну:

– Я стар, нет у меня сил на такое путешествие. Езжай ты.

Не хотелось Ицхаку оставлять дом, молодую жену, занятия в йешиве, да кто же тогда поедет... Скоро – не скоро, он добрался до Амстердама и пришёл в гостиницу в еврейском квартале.

Поздним вечером там было полно приезжих деловых людей, поэтому место ему нашли под самой крышей. Поставили кровать, столик, принесли постель, Ицхак прочитал вечернюю молитву, наскоро перекусил, лёг и сразу уснул.

Среди ночи проснулся от страшного крика. Смотрит – пожар, огонь снизу рвётся. Кое-как оделся и выбрался на крышу.

Смотрит с крыши – голова кружится. Внизу люди бегают туда-сюда, кричат: "Прыгай. Прыгай!" Не видно, куда прыгать. Но не гореть же в огне? Прыгнул.

Спустя три дня очнулся в доме одного еврея. Реб Моше взял его в свой дом и выхаживал, пока Ицхак не пришёл в сознание. А когда увидел, что больной открыл глаза, сел перед ним и спрашивает:

– Кто ты, юноша, как твоё имя? Откуда и по какому поводу приехал в Амстердам?

Ицхак рассказал о себе, о своей семье, о том, что отец послал его получить наследство от умершего дяди.

Выслушал реб Моше и говорит, что не стоит волноваться, если Ицхак даст доверенность, он, реб Моше пойдёт и получит за него всё, что осталось от дяди. Тут же составили доверенность, и Ицхак с радостью её подписал.

Прошло несколько дней, Ицхак уже вставал и ходил по комнате. Как то реб Моше сказал, что все деньги по наследству получены, осталось только

разменять их, и он передаст их в руки дорогого гостя.

Ждёт Ицхак день, два, неделю. Спрашивает, где реб Моше, но никто не ведает, куда он исчез. Потом узнал, что реб Моше бежал с его деньгами, даже домашним слова не сказал. Что поделаешь, пришлось возвращаться с пустыми руками.

Сборы был недолгие. Вещей почти нет, денег почти нет. Двинулся в путь, из города в город. Где пешком, где на попутной телеге подвезут.

Так и добрался до дома.

Идёт по улице тёмной ночью, а сердце стучит. Ни одно окно в родном доме не светится. Толкнул дверь - открыта. Вошёл и направился в темноте в детскую комнату, вот она колыбель, наклонился поднял малыша, стал обнимать и целовать.

Внезапно в комнату ворвались стражники с горящими лампами в руках, вырвали из рук ребёнка, скрутили Ицхака и потащили в тюрьму. Но не это изумило и испугало Ицхака - при свете масляной лампы он увидел, что обнимал и целовал чужого ребёнка.

В тюрьме ему объяснили, что пока его не было, германцы в войне между Польшей и Германией захватили город и убили почти всех евреев. В доме реб Мардэхая теперь живёт польская семья, а стражники арестовали Ицхака, потому что решили, что он пытался украсть христианского ребёнка.

На следующий день судили Ицхака и приговорили к смертной казни. Ночью привели в большой зал, занавешенный справа и слева.

Открыли занавес справа: стоит виселица и палач с верёвкой в рук. Открыли слева: купель для крещения, а рядом сидит в кресле ксёндз, христианский священник. Говорит ему:

– Ты очень молод, оставить тебя евреем нельзя, убивать жалко. Вот написано в приговоре: «Пове-

силь Ицхака Голанда». Но если примешь христианство и поменяешь имя, будешь жить.

Опустил Ицхак голову и решил про себя, что совершит "кидуш ха-шем", освятит Имя Творца и умрёт евреем. Повернулся к виселице, сделал шаг к палачу и потерял сознание.

Через полчаса пришёл в себя и с ужасом увидел, что со связанными руками находится в купели. Значит, окрестили, пока ничего не соображал.

Выпрямился, сам идти не может, ноги не повижутся. Стражники подхватили и унесли в камеру.

На следующий день отвели его в армейскую казарму, обрили наголо и одели в солдатский мундир. Стал еврей польским солдатом.

А мы сделаем пока перерыв и перейдём к следующей истории.

В одном польском городе жил еврей по имени реб Гирш Коен. Так случилось, что его жена родила в ночь субботы между Рош ха-шана и Йом Кипур, в «Шабат Шува».

Подумал реб Гирш: «Почему я должен нарушать шабат, если в городе полным полно неевреев?» Пошёл искать и оказался около военной казармы. Вызвал офицера и говорит:

– Прости меня, господин, и выслушай! Я еврей, жена моя родила, но мне нельзя зажигать в субботу огонь. Не мог бы ты послать со мной солдата, чтобы помог нам, я заплачу.

Командир дал команду и один из солдат пошёл с Гиршем, вошёл в дом, зажёл свечу, вдруг схватился за живот, захрипел, упал и умер.

Реббе Гирш очень испугался, оставил мёртвого и побежал к Маһарилю, к раби Якову, который жил недалеко. Сказал ему рав:

– Быстро иди в казарму, позови ко мне офицера.

Пошёл в полном смятении, какое несчастье... как сказать... что сказать... А тот сразу согласился прийти.

Рав усадил офицера, сел напротив и рассказал всё, как есть.

– А теперь, - говорит, - что делать? Не скажут ли поляки, что евреи убили этого солдата, не устроят ли погром?

Ответил офицер:

– Дам вам хороший совет. Вылейте в его глотку полбутылки водки, что останется, положите за пазуху и, когда стемнеет, утащите труп в поле. Найдут и скажут, что умер оттого, что перепил.

Так и сделали.

На следующее утро офицер сам пришёл к раби Якову и говорит:

– Уважаемый рав, проведи меня в отдельную комнату и выслушай, я хочу поговорить с тобой втайне от всех.

Завёл его раби, закрыл двери, ждёт, что скажет.

Офицер сел напротив, глубоко вздохнул и говорит:

– Раби, раби, я тоже еврей. Родом из известной семьи. Звали меня Ицхак Голанд.

И рассказал всё, что мы уже знаем, вплоть до того, как его крестили и отдали в солдаты, на войну с Россией. Много раз он искал под огнём смерть, но смерть не шла, даже не ранили ни разу. Назвали его героем и произвели в офицеры.

Тяжело вспоминать о прошлом. О родных, убитых извергами, о йешиве, где день за днём учил недельный лист Талмуда. Говорит:

– Я очень хочу вернуться к своему народу, но страшно подумать, что тогда сделают со мной христианские священники! Раби, скоро Йом Кипур, согласишься ли ты прочитать поминальную молитву для отца, матери, жены и сыночка моего?

Смотрит на него раби Яаков, а у самого слёзы на глазах.

– Да – говорит, – обещаю тебе прочитать для них *нашкаву* и *кадиш*, напиши на моём сидуре их имена. Но и я хочу попросить тебя, чтобы в будущем году, в эти самые дни пришёл ко мне.

– Бэ-ли нэдер, – ответил, – приду.

Прошёл год. За два дня до Йом Кипур Ицхак Голанд вошёл в дом раби Яакова. Был он в военном мундире и вся грудь его была увешана орденами и медалями, словно он маршал, а не простой офицер.

Удивился раби Яаков, а Ицхак говорит:

– Я ведь говорил, что хотел совершить *кидуш на-шем*, шёл на смерть, чтобы сказать "Шма Исраэль", но Творец хранил меня.

Спросил рав:

– Пойдёшь со мной в бет-кнессет на Йом Кипур? Я дам тебе отдельное место.

– Да, да, конечно, я много лет мечтал об этом!

Рабби Яаков принёс белые одежды, Ицхак с великой радостью переоделся. Пошли они в микву, потом сели за праздничную трапезу, потом учили Тору, потом устроили «сеудат мафсекет», завершающую трапезу перед постом в святой День Искупления. Лицо Ицхака горело от счастья.

В синагоге Ицхак был подобен ангелу, от первых слов «Кол нидрей» до молитвы «Неила» он молился и плакал, его душа обнимала мир и не было препятствий между ним и Ашемом.

Когда в молитве "Неила" евреи стали петь: «Ад-най, *hУ на-Элоким!* Ад-най, *hУ на-Элоким...*» голос его вырвался из груди, как будто не один человек кричит, а тысячи и тысячи мужчин и женщин, стариков и детей в страдании и в радости взывают к Творцу.

– Ад-най, *hУ на-Элоким!* Ад-най, *hУ на-Элоким!*
– С этим возгласом он упал и умер.

Люди бросились к нему, причитают, кто-то плачет. А Маариль, раби Яаков, поднял руку и говорит:

– Чудо свершилось, вынесен приговор, как сказано в сокровенной Торе: тот, кто умер в конце Йом ха-Кипурим, получает полное прощение и идёт в Олам ха-ба. Пусть его чистая душа попросит перед Ашемом за всех нас. Аминь!

הלאה: יוֹם כִּיפּוּר

За день или за два до **Дня Искупления** делаем капарот. Для мужчины режем петуха, для женщины курицу. Для беременной женщины петуха и курицу. Но лучше делать капарот на деньги. Отдаём их бедным. Евреи дающие тэрума, пожертвования на йешивы, на бет-мидраши и на синагоги облегчают свою участь.

Накануне самого грозного и самого радостного для нас дня в году погружаемся в очищающие воды **миквы** и устраиваем праздничную трапезу. Это *сеуда мицва*. **Йом Кипур** для нас праздник, потому что мы раскаялись и, несомненно, получим искупление.

После минхи устраиваем вторую сеуду – *сеуда мафсекет*, разделяющую. Готовимся к тааниту, к посту, который будет продолжаться больше суток.

До захода солнца зажигаем шамаш, дежурную свечу, зажигаем свечи в память умерших и зажигаем две праздничные свечи.

Одеваем белые одежды. Мужчины ещё до темноты должны закутаться в талит.

От захода солнца перед Йом Кипур и до окончания следующего дня, пока не выйдут звёзды, запрещено работать, есть и пить, запрещено купаться и умываться, пользоваться мазями, носить кожаную обувь. Запрещена супружеская близость.

Все действия, запрещённые в шабат, запрещены в этот день.

В Йом Кипур, как и в Судный День, следует быть очень осторожным в своих словах.

Все мужчины и женщины обязаны поститься в Йом Кипур. Беременным в последние дни беременности говорят на ухо, что не следует есть в День Искупления. Кормящие грудью первые трое суток после родов не постятся. Свободны также женщины в первые три дня после аборта. Тяжело больных кормят, если есть опасность для жизни, в соответствии с заключением врача.

Кто не пришёл в синагогу до выхода звёзд без уважительной причины читать "*Кол Нидрей*", не может рассчитывать на хороший будущий год. С этой молитвой открываются "*Ворота Милосердия*". А закрываются молитвой "*Неила*", в которой находит выход наше стремление к счастью. В ней последняя наша надежда.

Отзвучал шофар. Приговор вынесен. Делаем авдалу: отделяем праздничное от будничного, благословляем над бокалом вина и на огонь свечи, зажжённой от нер нэшама, горевшей в Йом

Кипур, но не благословляем на благовония. Теперь можно есть и пить.

Милосердный, Он искупит и оправдает Свой народ, Израиль. И даст вам долгую, мирную, счастливую жизнь. Аминь!

РАББИ АКАДОШ

В Белзах жил бедный еврей, сапожник Сандлер, чужую обувь чинил, а своей не имел. Он, жена и дети очень бедствовали, чуть ли не умирали с голода. Решил отправиться в Россию на заработки.

Попал он в хорошую еврейскую общину, где не нуждались в новом сапожнике, но и без дела не оставили. Помогли открыть маленький магазин, а там пусть сам проявит своё старание и свои способности.

Однажды в еврейский посёлок приехал граф, хозяин всего района. Едет по улице, видит, новый магазин и новый человек. Спрашивает, кто такой, да откуда. Рассказал Сандлер о себе, о том, как помогла ему местная община.

Граф, хотя и христианин, имел доброе сердце, каждый народ имеет своих праведников. Граф видел что евреев угнетают, сочувствовал им, защищал от преследований и, как мог, пытался облегчить их страдания. И Сандлеру решил помочь, стал покупать у него, чтобы поддержать торговлю.

Как-то заметил Сандлер, что лицо графа не такое светлое, как обычно. Спрашивает:

– Что случилось, какое горе у господина?

Отвечает граф:

– Ещё какое горе! Единственный сын, мальчик восемнадцати лет, всегда добрый и спокойный, сошёл с ума. Сидит и плачет, смотрит, но словно ничего не видит. Бьёт себя или тех, кто его успокаивает, или же ломает всё вокруг. Потом сидит и плачет. Врачи поят его таблетками и микстурой, да напрасно. Никто не может помочь.

Говорит Сандлер графу:

– Мой господин знает, что я приехал из далёкого города Белз. Там живёт рав, обладающий чудесной силой, если тебе будет угодно, поедем к нему, попросим, чтобы вылечил твоего сына.

Граф слышал, что немало таких праведников среди евреев. Если есть хоть малейшая надежда, как ею не воспользоваться. На следующий день, на рассвете, он, больной юноша и Сандлер отправились в карете графа в далёкий путь.

Через три дня добрались до города, до дома рава. Граф с сыном остались в карете, а Сандлер вошёл в дом. Рассказал, по какому поводу приехал и что граф – один из праведников народов мира, поэтому хорошо было бы помочь ему. Позвали графа с мальчиком, раби выслушал отца, положил руку на голову мальчику и говорит:

– Недалеко от города есть такая-то деревня, а в деревне такой-то поп. Немедленно езжайте к нему и скажите, что еврейский рав ha-кадош послал к нему сумасшедшего, чтобы вылечил его. Это всё. Желаю удачи.

Удивились они, что рав посылает их к попу, но не задерживаясь ни на минуту, отправились в деревню.

Дорога привела к огромной усадьбе попа. Их провели в сад, где поп сидел под старой яблоней и пил водку. Поп едва не задохнулся, когда увидел еврея в своём саду, даже на улице деревни запретил

он появляться евреям, а тут рядом стоит. От такой наглости совсем покраснел.

Сандлер подошёл ближе и говорит, что святой раби, рав ха-кадош, послал их, чтобы вылечил сумасшедшего.

Услышал поп и завопил на всю деревню:

– Замолчи, еврей! Мне противно слышать еврейские имена! А ты говоришь раби ха-кадош... Он послал ко мне сумасшедшего?

Вскочил с места и побежал вокруг стола. Бегает, бьёт себя кулаками по голове и кричит:

– Раби ха-кадош! Раби ха-кадош! Раби ха-кадош! Раби ха-кадош!

Смотрит граф изумлённо на это представление, уже и забыл, зачем пришёл. Сандлер взял его под локоть и говорит:

– Пойдём, мой господин, всё в порядке, можно возвращаться домой. Посмотри на сына, выздоровел твой сын.

Действительно, глаза у мальчика ясные, смотрит на них, как будто только проснулся. Пошли они к выходу, а поп бьёт себя кулаками по голове и кричит:

– Раби ха-кадош! Раби ха-кадош!

Приехали они к раби в Белз, рассказали, как их встретил и проводил поп. Улыбнулся рав и говорит:

– Сумасшедший поп много лет вредил евреям, одних жизни лишили из-за него, других имущества. Не знал я как к нему подступить, да случай помог. Потому и послал этого юношу, чтобы достойно наказать попа.

Поклонились граф, мальчик и Сандлер раву и вернулись домой.

Всегда были праведники в Израиле. На них и держится мир. А сегодня что сказать? Сумасшедшие хотят уничтожить Израиль, но не позволит Милосердный. Аминь.

הלאה: ДЭРЕХ ШАЛОМ

Тора обязывает поддерживать мир со всеми народами. Но запрещает евреям следовать их преступным обычаям: идолопоклонству, магии, разврату (*Ваикра 20:23*). "Берегись, чтобы ты не попал в западню, следуя им..." (*Дэварим 12:30*).

Запрещено подражать им в одежде, обнажать те части тела, которые должны быть закрыты от постороннего глаза, или, как у них принято, женщине надевать мужскую одежду, а мужчине женскую (*Дэварим 22:5*).

Запрещено носить черные траурные одежды и исполнять траурные нееврейские обряды.

Запрещено посещать молебные дома, церкви и храмы идолопоклонников.

Запрещено обращаться к колдунам, магам астрологам и гадалкам. Запрещено обращаться к врачам, которые пользуются их методами лечения.

Еврей врач должен лечить неевреев, когда они к нему обращаются, и в особых случаях может нарушать шабат для опасно больных неевреев (*Ялкупт Йосеф К.Ш.А. 158:1*).

Следует оказывать помощь и поддержку неевреям, оказавшимся в беде, и участвовать в похоронах. Всё это называется "Дэрэх шалом". Однако их свадебные трапезы запрещены.

Следует избегать обращения в нееврейский суд или в суд, где заседают евреи, которые не соблюдают законы Торы.

Запрещено чтение книг идолопоклонников и изучение нееврейской философии.

Пусть никого не пугают эти запреты. Евреям они помогут сохранить свою жизнь, а неевреям понять свои заблуждения.

ТРИДЦАТЬ МИШНАЙОТ

Удивительная история приключилась с дедушкой Авраамом из еврейского посёлка рядом со Стамбулом.

Праведнику было уже девяносто лет. Жизнь провёл между домом, синагогой и бет-мидрашем. Всё, что было вне этого мира, его не интересовало, других занятий, кроме Торы, у него не было, в деньгах он не разбирался. А всю работу для него делали или жена, или ученики, которые очень любили своего учителя.

Как-то Авраам вернулся из синагоги, сел пить утренний чай, открыл тетрадь и стал писать замечания к Мишнэ. Вдруг запахнулись двери, в комнату ворвались полицейские, подбежали к старику, скрутили руки, замкнули их стальными наручниками и увели в тюрьму. Это произошло за какие-то минуты, жена даже закричать не успела.

Старого Авраама затащили в маленькую камеру, в половину человеческого роста, ни лечь, ни встать нельзя. Посадили на плоский камень и закрыли двери.

Еврейская община взволновалась, за что арестовали тихого праведного человека, который даже на муравья боится наступить! Собрали деньги для

выкупа и пошли во главе с раввином в полицейское управление, чтобы поручиться за него и дать выкуп. Но им не объяснили причину ареста и отказались от выкупа..

Евреи объявили трёхдневный пост, плакали, читали теһилим и молитву видуй. Потом опять обратились к властям с просьбой освободить старого человека. Ответили им, что он опасный преступник, пока идёт следствие, будет сидеть.

Так прошло тридцать дней.

Тюрьма находилась на окраине города, за дорогой, в пустынном месте. Городской шум не долетал в камеру, которая была меньше могилы. Старик не чувствовал онемевших ног, время отсчитывал по прочитанным разделам теһилим. На первый день, на второй, на третий, и так далее, до шабата. Потом повторял Мишнаёт.

Каждый день ему приносили слабый чай и лаваш, плоскую лепёшку. Чай пил, а есть не мог. Лаваш откладывал на шабат, чтобы освятить этот день. Свет почти не пробивался в узкую щель над дверью, поэтому не видел, что плохо пропечённые лавашаи на второй день покрывались плесенью.

На тридцать первый день его вытащили из этой ямы, вынесли за ворота тюрьмы и оставили у дороги. Старик пытался встать, но онемевшие ноги не подчинялись. Ехал по дороге еврей старёвщик, увидел, что лежит человек, узнал его и обрадовался. Поднял бережно на телегу и погнал лошадку в еврейский посёлок.

Евреи были рады, что дедушка Авраам вернулся домой, и теперь молили Всевышнего, чтобы он выжил. Каждый старался что-то особенное сделать для больного, приготовить какую-то особенную настойку. Привели лучших еврейских врачей и выходили. Месяц не прошёл, как дедушка Авраам уже мог говорить и самостоятельно сидеть на подушках.

Спрашивают у него, за что арестовали, за что мучали? Говорит, что когда втащили в тюрьму, ничего не объяснили, а когда вынесли, сказали, что ошиблись. И это всё.

Молодые евреи обсуждали это удивительное событие в чайной. Возможно ли, чтобы напрасно страдал такой праведник? Тысячи евреев многократно грешат и совершают преступления, но когда раскаиваются, Ашем прощает. Почему не простил дедушку Авраама? Или грех велик, или он не раскался?

В йом шиши, перед шабатом пришёл рав общины, а Авраам лежит на подушках и смеётся. Рав смотрит на него и сам стал смеяться, а почему, не знает. Авраам смотрит на раби и даёт знак рукой сесть поближе.

Рассказывает:

- Задремал я и вижу, что иду по тропинке благоухающего сада. Посреди сада большой камень, на камне сидит старичок с белой бородой и в белых одеждах. Смотрит на меня и смеётся. Иду к нему и думаю, не надо мной ли он смеётся? Наверное, что я не выдержал мучений и умер в тюрьме. Обидно стало, нет на мне вины, говорю ему: ведь написано, что даже когда твой враг упадёт, не смейся.

А старичок этот отвечает:

- Посмотри, кто идёт за тобой.

Повернулся, вижу - за мной идут маленькие дети, все одеты в белое и в белых шапочках. Стал считать их по шапочкам, насчитал тридцать.

Спрашивает меня тот старичок:

- Что это за дети?

- Не знаю, - говорю.

- Сколько дней ты был в тюрьме?

- Тридцать дней.

- Что ты делал там?

- Учил мишнаёт.

– Вот поэтому я рад и смеюсь, что ты тридцать дней страдал и учил мишнаёт, и спас тридцать еврейских душ. Их ожидала суровая кара, но Милосердный, благословен Он, нашёл праведника, тебя, чтобы через твои муки искупить эти души. Иди и радуйся, что заслужил это. Живи Авраам!

Чтобы и вам была дарована долгая, добрая и праведная жизнь. Аминь!

הалаха: ТААНИТ

Еврею нельзя жить в таком месте, где нет *миньяна*, десяти человек, соблюдающих законы шабата и кошерного питания. В еврейском городе или поселении обязательно должны быть синагога, суд (бет дин), школа или учитель для детей, врач и баня.

Десять человек, *миньян*, это уже еврейская община, которая обеспечивает безопасность и защищает интересы каждого еврея. Опасно еврею жить длительное время вне общины. В случае, если злоумышленники похитили еврея, или он был арестован без явной вины, община обязана использовать все средства для его освобождения.

В случае засухи и возможного голода, в случае надвигающегося стихийного бедствия, в случае эпидемии, в случае войны или погрома, а также, когда захватывают заложников, объявляют общественный пост, читают видуй, теһилим и усерднее изучают Тору.

Объявляют всеобщий пост, если (не дай Б-г!) уронили свиток Торы или огонь коснулся букв Торы. Так как это предупреждение о бедствии.

Пост может быть однодневным, с утра и до вечера. Но если угроза велика, трёхдневным - во второй день недели, в пятый день недели, а на следующей неделе опять во второй день. То есть: йом шени, йом хаамиши, йом шени, каждый раз с утра до вечера.

Гмара, "Таанит", говорит о пятидневных и семидневных постах в дни бедствий для всего еврейского народа. Трубили в шофар, не только для того, чтобы известить о бедствии, но и пробудить в душе чувство раскаяния.

Обязанность поститься принимаем в минху предыдущего дня.

Если добрые дела общины перевешивают её грех, Всесильный посылает спасение. Праведники могут защитить свою общину, приняв на себя гнев Ашема. Неучи удивляются: за что страдают праведники? Конечно же, за наши грехи. Если нет праведников, страдают дети.

Болезни тела и даже физическая смерть человека не так страшны, как болезнь или смерть души. Дети, воспитанные в развратном и преступном обществе болеют и гибнут. Спасти хотя бы одного, спасти весь мир.

Трубит шофар - вставайте, вставайте! Гибнут наши дети, отравленные наркотическим дымом дискотек, тонут в болотной жиже порнографии. Гибнет община, объявим таанит. Пост и видуй, раскаяние, от нас, а спасение от Всесильного (*Дэварим 28:15*).

ОТЦОВСКАЯ ЛЮБОВЬ

Александр Кимхи был очень богатый человек, многие знали его, как праведного, богобоязненного еврея, не жалеющего денег на нужды города, на бедных и на йешивы.

Не всегда безоблачна жизнь богатых людей, не всегда праведники пожинают плоды прежде смерти. Единственный сын, родившийся в его поздние годы, вырос и стал несчастьем для отца и матери.

Злодей почти всё время проводил в дорогих отелях, устраивал шумные попойки с женщинами и такими же, как и он, бездельниками. Они, словно мухи на мясо, слетались к бесплатному столу, льстили, клялись в дружбе и в любви. А Цви думал, что друзей привлекают его ум и весёлый характер, и не жалел отцовских денег.

Такого сына Тора называет "сорер уморэ", бетдин вправе лишить его жизни. Однако, не он, а мать раньше времени ушла в другой мир.

Отец был богатым, праведным и мудрым человеком. Видит, старость уже пригнула к земле, а природа сына такова, что не подаётся исправлению, решил составить завещание.

Пригласил к себе мэра города, раввинов и габаев еврейской общины. И сына позвал. Когда все расселись, он объяснил что собрал их, чтобы разделить между ними всё своё имущество.

– Такую-то сумму я оставляю в подарок мэру города. Столько-то я передаю габаям города, чтобы распределили среди сирот, вдов и нуждающихся евреев. Далее, эти деньги, - говорит, - я прошу ува-

жаемых раввинов распределить между йешивами города.

А эту сумму я передаю сейчас в руки моему сыну, Цви, с условием, что он исчезнет из города и ноги его не будет на пороге этого дома до моей смерти.

Старик положил перед мэром чистый лист бумаги, чернила и ручку и попросил записать условия завещания.

«После смерти хозяина полиция должна закрыть и опечатать этот дом. Спустя двенадцать месяцев, в годовщину смерти, начальник полиции передаст ключ от дома в руки Цви. Но только на один день. В этот день сын может вынести из дома всё, что ему понравится и всё, что он успеет вынести до вечера. И не более того».

Все, сидевшие перед господином Кимхи, очень удивились такому завещанию и расписались на листе. Цви тоже поставил внизу свою подпись, сказал, что плевал он на отца и на всех, на них, схватил деньги и исчез. Гости тоже встали и вышли, не говоря ни слова об этом негодяе.

Месяц не прошёл после этого, как умер Александр Кимхи. Жители города, евреи и неевреи, люди из других городов пришли отдать последние почести праведнику, который сумел распорядиться своим богатством так, что каждый почувствовал на себе его заботу.

Только сына не было, когда к раскрытой могиле понесли похоронные носилки. И не сидел он семь дней, оплакивая отца. Спешил растратить огромные деньги, которые получил совсем недавно.

Растратил. Через восемь месяцев не осталось ни копейки.

Видит Цви, дело плохо, приходится брать в долг. В нескольких местах взял большие ссуды, едва хватило на неделю. В магазинах первые дни давали

в долг, но когда увидели, что не платит, стали вежливо отказывать. Из гостиницы выгнали, домой к себе никто не пускал, ходил голодный по городу и не знал, где ему притулиться.

В конце концов, кредиторы обратились в суд, Цви арестовали, но что возьмёшь с нищего, побили и выгнали на улицу.

Пошёл к своим бывшим друзьям просить хлеба, напоминает, что ели и пили за его столом, никто не даёт, ругают и гонят, как собаку.

Днём сидел в синагоге, там тепло, а ночью шамаши закрывали двери, поэтому ложился на широких ступенях, свернувшись калачиком, закутанный в некогда дорогое пальто.

Там его нашёл мэр города, когда приблизилась годовщина смерти Александра Кимхи. Поставили полицейские оборванца на ноги и мэр говорит:

– Завтра годовщина смерти твоего отца, можешь взять этот ключ, войти в дом и вынести всё, что успеешь за шесть часов. Запомни, шесть часов.

Когда узнали кредиторы, что есть какая-то надежда вернуть свои деньги, собрались вокруг, кто с ножом, кто с палкой, кричат:

– Около дверей будем ждать, попробуй обмануть, не вернёшь долги, уьём или калеккой оставим!

Самые нетерпеливые заранее стали бить, полицейские с трудом разогнали толпу.

На следующий день Цви получил ключ от отцовского дома, открыл большие чугунные двери, которые ровно год никто не открывал и вошёл. Злые кредиторы остались снаружи ждать свою долю.

Из прихожей был виден запущенный осенний сад. Сразу вспомнил своё детство в этом саду, маму, от которой прятался, поднимаясь высоко по скользящему стволу. И этот огромный отцовский дом...

– Ой! Ой, ва-вой! – заплакал Цви, – ой, ва-вой, нет у меня права на отцовский дом!

Открыл следующие двери. Везде запустение, мусор, мыши бегают. Пошёл дальше, может быть в других комнатах что-то осталось, может быть отцовские книги, тоже деньги.

Ничего не нашёл, только стол посреди большого пустого зала и больше ничего. Подошёл ближе, видит незапечатанный конверт. Открыл, читает письмо:

"Знал я, знал, сын мой, что придёшь. Читаешь ты эти строки, а на улице ждут злые люди, вернёшься к ним, убьют.

Поднимись по лестнице в комнату, которая была когда-то твоей. Там приготовлена для тебя виселица со стулом, чтобы удобно было повеситься. Залезь на стул, просунь голову в петлю, она как раз по твоему размеру, и оттолкни стул ногой. Умрёшь без боли и в тайне от всех".

Прочитал, раз другой, и решил:

- Прав отец, лучше умереть втайне, чем отдать себя на растерзание. В этом доме родился, в этом доме умру.

Поднялся по лестнице в бывшую детскую комнату. Видит, верёвка с петлёй свисает и стул внизу. А на стуле письмо.

Открыл, читает: "Видуй", молитва раскаяния. И словно голос отца слышит, который не проклинает, а прощает.

Слёзы текут на грудь, повторяет слово за словом: "Ашамну, багадну... Прости меня отец, как больно душе моей, отец".

И вдруг, словно лопнул нарыв, успокоилась душа. Созрело твёрдое решение все свои преступления искупить смертью.

"Отец прощает, Ашем Благословенный, Он тоже простит".

С просветлевшим лицом Цви залез на стул, просунул голову в петлю и прыгнул.

Верёвка его вес выдержала, но доска, к которой она была привязана, выскочила из паза и больно ударила по голове. Цви упал на пол и увидел, что вместе с доской на него свалился конверт. Схватил и тут же, сидя на полу, открыл:

"Сын мой, дорогой мой, принял ты смерть с радостью и, конечно, сам казнил себя за свои преступления. Теперь вернись к Б-гу, вернись к Торе, чтобы жил ты, как написано: "Не смерть, а жизнь предлагаю тебе..." Иди в сад в правом углу под железным щитом, присыпанным землёй лежит ящик. В ящике деньги, золото и бриллианты. Хватит расплатиться с кредиторами и тебе на долгие годы. Есть хорошие девушки в городе, женись, иди учи Тору, будь праведным евреем. Всё, что было, ушло. Впереди много работы, тебя ожидает большая жизнь."

Цви вскочил, воодушевлённый последним наставлением отца, словно проснулся от глубокого сна. С письмом в руках побежал в сад, нашёл клад и сделал всё, как повелел отец.

Женился, учил Тору, поддерживал бедных. И восхищался великой мудрости своего праведного отца, Александра Кимхи.

на́лаха: ВИДУЙ

Тора даёт нам 248 повелевающих заповедей, мицвот. Одна из самых важных, заповедь исповеди перед Б-гом, **видуй**. Сказано: "...мужчина или женщина, если сделают один из грехов человеческих, изменив Б-гу... то пусть исповедается в своём грехе..." (*Бэмидбар 5:6,7*).

"Мехильта" объясняет что значит "один из человеческих грехов". Речь идёт о воровстве, грабеже и "лашон а-ра", злом языке. Но не только эти преступления Тора называет изменой.

Трудно сказать какое из преступлений серьёзнее других: разврат или клевета, неуважение родителей или присвоение чужого имущества. Нарушение запрещающей заповеди, **ло таасэ** - это и есть измена Б-гу.

"За все виды греха, - пишет Рамбам, - за тяжкие и за лёгкие, и даже за невыполнение заповеди **асэ** (повелевающей заповеди), обязаны мы исповедоваться".

"Какой бы грех ни совершил человек, в любом месте, в любой стране, обязан вслух исповедаться и раскаяться перед Б-гом" (*Сифри, "АхареЙ мот"*).

Рамбам пишет, что даже смерть не искупает человека без исповеди и раскаяния. Даже тому, кто грешил всю жизнь и раскаялся перед смертью и умер раскаявшимся, прощаются все грехи.

"Все пророки призывали к раскаянию, и Израиль удостоится избавления только благодаря раскаянию... Велико раскаяние, оно приближает человека к Шэхине" (Рамбам "Мишнэ Тора).

Страдания души превышают страдания тела. Но есть более страшное наказание для души, чем страдание, это **карет**, истребление, уничтожение души.

Как сказано: "Истребится та душа, грех на ней" (*Бэмидбар 15:31*).

Высший Суд выносит приговор на **карет**, на уничтожение, за умышленное поклонение

идолам и осквернение Имени, за кровосмесительную связь, за умышленное и злостное убийство.

Земной суд к такому наказанию приговорить не может. Наказания человеческого суда, бет-дина, помогают человеку искупить свой проступок. Даже самый суровый и нелицеприятный бет-дин может проявить слабость при определении наказания.

Высший Суд абсолютно справедлив, нет смысла спорить с его приговором.

Видуй, молитву раскаяния, евреи произносят ежедневно, после "Шмонэ эсре" («Восемнадцать благословений») в утренней молитве и в молитве Минха, а также перед сном.

Произносим слова шепотом, чтобы только самому был слышен голос. Стоя, склонив голову, и сжав правую руку в кулак, бьём себя в грудь. Сначала говорим общую формулу раскаяния от имени всего еврейского народа, а потом вспоминаем свои проступки за последнее время.

Перечисляем грехи по алфавиту от "алеф" до "тав": "Мы грешили, обещали и не исполняли, изменяли, грабили, порочили, лицемерили, замышляли злое, обирали других, оговаривали и лгали, давали неверные советы, притесняли других, заблуждались сами и вводили других в заблуждение..."

"Мы отклонялись от Твоих добрых заповедей и не ценили их. Во всём, что случилось с нами, Ты прав. Ты установил истину, а мы творили зло".

Следует обдумать каждый свой проступок, что к нему привело, какие имел последствия и как исправить причинённый ущерб.

Искреннее раскаяние облегчает душу. Но убереги нас, Милосердный, от повторного греха. Грешить, раскаяться и совершить тот же грех? Такому человеку не позавидуешь.

Если есть миньян, после **видуя**, называем 13 качеств Всевышнего, *"шлош эсре мидот"*. Запрещено читать *"шлош эсре мидот"* от захода и до восхода солнца.

Не читаем молитвы раскаяния в шабат, в праздничные дни Песаха и Суккот, в Шавуот, в Рош а-шана, два дня Пурим, в Лаг ба-Омер, все дни Хануки, 15 Ава, в малый Пурим(14-15 Первого Адара) и в Песах Шени, весь месяц Нисан, с первого до двенадцатого Сивана, от Йом Кипур до начала месяца Хешван.

Не читаем видуй в синагоге, где в этот день был "брит" (обрезание), или же находится мозль, отец ребёнка, которому сделали обрезание, или сандак. Если в синагоге был праздник "бар мицва" или находится жених в первые семь дней после хупы, видуй не произносим. А также первые семь дней в доме, где сидят "шиву" и в главной синагоге, если там находится скорбящий, овиль.

Рассказывает Бен Иш Хай такую историю.

Один еврей, ам ха-арец, считавший себя пупом земли, ходил в синагогу только в праздничные дни, только потому, что все идут. Как-то заглянул в обычный день, послушал молитвы и и ушёл.

А на следующий день стал рассказывать всем, кто ему встречался, что раби, раввин города, оказывается негодяй:

- Он грабил, он насиловал, он обманывал, нарушал клятвы, с ним опасно разговаривать, он лицемер и даёт дурные советы.

Люди слушают и удивляются: что этот глупый человек говорит о нашем уважаемом раби? Наконец, дошёл слух до раби, что какой-то еврей на него клеветает, и вызвал его в бет-дин.

Спрашивают судьи:

- Правда, что ты обвиняешь раби в разных преступлениях?

Говорит:

- Да.

- У тебя есть доказательства, есть свидетели?

- Пусть свидетельствует сам раби. Я слышал своими ушами в синагоге, что он говорил о себе: "Грешили, изменяли, грабили, порочили, давали дурные советы..." Не помню уже многое из того, что он рассказал о себе.

Посмеялись судьи и говорят:

- Глупый ты человек, раби бил себя в грудь и признавался в твоих грехах, ведь ты их не признаёшь. За его заслуги может быть Ашем простит тебя.

РАБИ ХАИМ БЕН АТАР

Иногда Всевышний посылает на землю праведника, за заслуги которого наступает мир. О таком мы расскажем сейчас.

В одной из западных стран был король, сведущий в тайнах астрологии. Однажды он построил карту звёзд и увидел, что одновременно с ним под созвездием Льва родился некий еврей. Б-г наделил еврея даром ясновидения, огромной и страшной силой, большим богатством и удачей во всех делах. И ещё увидел, что этот еврей живёт в его стране.

Удивился король, в чём могущество еврея? Нет у него своего государства и нет министров, нет королевской армии. Кто такие евреи? Бедный притесняемый народ, рассеянный по всей земле. Разве могут они сравниться с нами, разве мало их перебили рыцари христианского мира? Как могут звёзды показывать то, чего нет, и не может быть!

Во дворце короля была астрономическая лаборатория, где по ночам он наблюдал за звёздами. Заперся король в лаборатории и составил звёздную карту судьбы.

Разделил весь мир на двенадцать частей, чтобы показали звёзды в каком направлении искать этого опасного еврея. Бросил гораль, который пал на один из городов королевства на востоке от столицы.

Решил отправиться туда, а вместо себя оставить верного друга, епископа королевства. Епископ перешагнул порог семидесяти лет, но ещё был полон сил. Король пригласил его и говорит, что на короткое время отправляется в путешествие по стране.

Пусть епископ временно переселится во дворец и управляет страной.

В простой дорожной одежде, с сумкой на плече король ночью, тайно от всех, отправился в путь. Он шёл по направлению, которое указал гораль, и в конце концов добрался до нужного города и оказался в нищем еврейском квартале.

Улицы были не мощёные и такие узкие, что одна телега с трудом пройдёт. Маленькие хилые домики едва выглядывали из земли. Подумал, что ошибся, не может быть, чтобы здесь жил богатый и могущественный еврей. Вернулся в городскую гостиницу, где снял номер, закрыл плотно двери, опять построил звёздную карту и бросил гораль.

Звёзды показали, что действительно еврей живёт на этой ужасной улице. Утром король снова пошёл туда. По карте, которую он начертил ночью, нашёл дом и постучал в двери. Открыла бедная женщина.

Спрашивает её:

– Где твой муж?

– В синагоге, – отвечает, – вернётся через час.

Повернулся король и пошёл гулять по еврейскому кварталу, заглядывая в низкие окна. Король был одет очень просто, как обычный путник, поэтому никто не обращал на него внимания. Через час вернулся к тому домику и опять постучал.

Дверь сразу же открылась. На пороге стоял хозяин и улыбался:

– Добро пожаловать, Ваше Величество!

Удивился король, что его узнали:

– Почему ты решил, что я король? Кто ты сам? Как твоё имя?

– Конечно, я не ошибся, сохрани нас Б-г, ты – король. А я – раби Хаим бен Атар.

Видит король, что этот еврей узнал его, решил, что перед ним пророк и святой человек, человек Б-га. Он прошёл вслед за раби в маленькую комнату и

ещё больше удивился. В комнате не было другой мебели, кроме стола, стула и маленькой керосиновой лампы на стене.

Повернулся король к раби Хаиму:

– Я пришёл, чтобы раскрыть тебе тайну.

– Слушаю, Ваше величество.

– Вначале скажи, как узнал, что я - король?

– Когда расскажешь, что привело тебя ко мне, отвечу.

Рассказал король всё, что узнал и увидел, гадая по звёздам.

– Верно, звёзды не обманули тебя, – ответил раби Хаим бен Атар ха-кадош, – я намного богаче и могущественнее тебя. Моя армия неисчислима и мои солдаты верны мне, но это духовная армия. Если желаешь убедиться в моей силе, покажу сейчас же. Держи!

Протянул королю маленькое зеркало и попросил внимательно посмотреть. Поднёс король зеркало к глазам и увидел, что старый епископ в королевской спальне на королевской кровати душит его жену. Женщина отбивается руками и ногами, но силы её уже иссякли, она хрипит и вот - вот испустит дух.

Король в ужасе закричал:

– Ой! Ой! Жена моя в опасности! Помогите! Мою королеву убивают!

Говорит раби Хаим бен Атар, хакадош:

– Господин мой, не кричи. У тебя за поясом пистолет, стреляй прямо в зеркало, в того, кто напал на твою жену, стреляй дважды.

Дрожащей рукой король выхватил пистолет и пустил в зеркало две пули. Увидел, что убил того, кого увидел в зеркале.

А раби Хаим, хакадош, спрашивает:

– Это твой верный друг, которому ты доверил своё государство?

– Да, – отвечает король, – но может быть всё это только в моём воображении? Или во сне? А может быть это колдовство?

– Нет, мой король, не колдовство и не сон, не медля возвращайся домой и на месте убедишься. Посмотри-ка снова в зеркало, чтобы узнать конец этой истории.

Смотрит король и видит, что его министры и охранники бегают туда-сюда показывают пальцами на разбитое стекло в окне, откуда стреляли в епископа. Потом видит, что сидят они совещаются. Слышит, что решили обвинить евреев в убийстве. Вытащили тело из королевской спальни, уложили на носилки, отнесли в сад и закопали под деревом.

Говорит раби Хаим, хакадош:

– Возвращайся домой, через несколько дней я сам приду к тебе.

Убедился король, что звёзды не обманули, раби, святой человек, человек Б-га, действительно обладает большим знанием и великой силой.

На следующий день он уже сидел в своём королевском кресле и велел позвать епископа.

Сказали ему, что епископ пошёл в еврейский квартал и там бесследно исчез. А министры собрались вокруг короля и в один голос объявили в убийстве евреев.

Король выслушал и говорит:

– Слышал я, что евреи нечестный, жестокий и неблагодарный народ, и жаждут христианской крови. Поэтому их следует судить передо мной. Пригласите всех самых важных граждан нашей страны и позовите на суд главных еврейских раввинов и руководителей еврейских общин. Суд будет всенародным.

Обрадовались министры такому указу и побежали его исполнять. В столице и в других городах только и говорят: евреи такие злодеи, что их можно грабить и убивать. Стали готовиться к погрому.

На третий день, в день суда пришёл раби Хаим бен Атар, благословенно имя праведника!

Спрашивает его король:

– Ты, мудрый еврей, отвечай, почему евреи убили верного моего друга, старого епископа? Живёте вы среди праведных христиан в мире и благоденствии, а платите злом за добро...

Встал перед ним раби Хаим и поднял руку:

– Король! Всё, что говорили тебе о евреях - ложь! Небеса наказали епископа, а не человек. Старый развратник пытался изнасиловать королеву, когда она была в своей постели. Зажал ей рот, чтобы не кричала, Но она, праведная женщина, защищалась, как могла. И он совершил бы это преступление, если бы не сразили его две пули, влетевшие из окна спальни. Вспомни, что ты видел в моём зеркале. Пригласи королеву, она всё расскажет. А труп друга - изменника найдёшь под деревом.

– Не годится королеве присутствовать в таком обществе, пойду к ней сам.

Приказал солдатам запереть все двери и никого не выпускать из зала. Пошёл и спустя пять минут вернулся с белым лицом. Сел на трон и приказал арестовать шесть министров.

Потом король повернулся к раби Хаиму бен Атару и говорит:

– Ты прав, еврей, жена подтвердила, всё было так, как я видел в твоём зеркале.

Послал солдат в сад. Они откопали труп и принесли на носилках. Врач короля осмотрел его и сказал, что одна пуля попала в грудь, другая в голову.

На следующий день повесили шесть министров короля, которые были уличены в стоворе с епископом и которые были главными обвинителями против евреев. Тысячи христиан, поданных короля, молча наблюдали за казнью.

А что тут скажешь?

Рабби Хаим бен Атар, хакадош, зихроно ливраха, родился Марокко в 5456 году. Он был, как менора для всего Израиля, и его комментарии на Тору "Ор ха-хаим" из Источника Живой Воды напоили уже не одно поколение евреев. раби Хаим бен Атар, один из четырёх великих еврейских учителей, получил имя Кадош, Святой.

Он был наставником гаона ха-Хида. В возрасте сорока шести лет совершил алию, открыл йешиву в Йерушалаиме и через год перешёл в другой мир.

налаха: **МАГИЯ И КОЛДОВСТВО**

Тора запрещает евреям гадать любым образом: по звёздам, по каким - либо предметам и по приметам.

"Не учишь совершать мерзости, которые совершают народы... (*Дэварим 18:9*).

Запрещено заниматься магией и колдовством, пробуждать в себе сверхчувственное восприятие (*Ваикра 19:26*).

Дар предвидения и способность читать в сердцах людей открывается праведникам для того, чтобы они могли исправлять этот мир. Некоторым злодеям (подобно Билъаму) даётся способность заглядывать в будущее, чтобы приготовить мир к войне.

Когда евреи получали Тору, сказал Всесильный, что не даст им ангела - хранителя, как другим народам, Сам поведет, и будет охранять

от всякого зла. Сказал: "Один из вас погонит тысячу!" Как это было?

Огромная ассирийская армия окружила Йерушалаим, 185 тысяч профессиональных убийц ждали своего часа, чтобы ворваться и разграбить город. Что сделал еврейский царь Хизкияһу?

Приказал всем евреям идти в йешивы и в бет-мидраши, учить Тору. А у входа в йешивы повесил мечи, кто не будет учить, погибнет.

Хизкияһу обратился к Ашему: "Всесильный, Б-г Израиля! Мы не можем воевать так, как другие народы, Ты будешь воевать за нас, а мы будем учить Твою Тору и исполнять Твои заповеди".

Так оно и было. После этой молитвы, ночью бежала непобедимая армия Санхэрива из Иудеи, бросив снаряжение, провиант и награбленное добро. Учёные люди недоумевают, что привело к внезапному бегству. Неужели непонятно? Каждый выполняет свою работу. Евреи трудятся над заповедями, Ашем охраняет своих работников.

Запрещено определять сроки для исполнения своих дел по звёздам или по приметам. Запрещено обращаться к астрологам. Запрещено верить приметам. Чем ниже духовный уровень человека, тем больше в нём нелепых и глупых суеверий.

Запрещено произносить любые заклинания и заговоры, призванные помочь или навредить. Хитрецы, которые объявляют себя магами и экстрасенсами, наживаются на доверии глупцов.

Запрещено обращаться к чрево вещателям и вопрошать души умерших.

За нарушение этих запретов Торы в лучшем случае, полагается наказание плетью.

Тысячи лет тому назад Тора дала евреям огромные преимущества перед другими народами, открыв тайны природы и развития Вселенной.

Европейские племена тогда жили в пещерах и в ямах, накрытых хворостом, и молились своим нелепым идолам. А просвещённые греки и цивилизованные римляне придумали себе человекоподобных богов и ограничили весь мир одной плоской землёй.

Но перед евреями Тора раскрыла тайну, как образовалась и развивалась Вселенная. Известно было, что наша планета, хотя и самая важная, но одна из многих планет. Человек получил землю как дом, который сын получает от отца, когда женился и создал свою семью.

Творец требует, чтобы человек хорошо знал и любил свой дом.

Тора дала в руки человека совершенный инструмент для исправления мира. Этот инструмент - молитвы и сегулоты.

В молитве человек устанавливает связь с Творцом и вызывает на себя воздействие особых сил: Добра (*Хэсед*) и Милосердия (*Бэрахамим*). Тот, кто в состоянии устанавливать такую связь, приобретает власть над материальным миром.

Не везде и не во всякое время молитва действует в полную силу. Лучше всего обращаться к Б-гу перед Стеной Плача, в этом месте ощущается Шэхина. Хорошо молиться перед свитками Торы. Молитва с восходом солнца, если её читать сосредоточенно, никогда не бывает напрасной. Это может проверить любой человек.

Стоит проверить.

Слово *сегула* переводится, как особенность, талант или способность. Сегула - талисман, помогающий молитве и предохраняющий от воздействия злых сил, например, злого глаза или злого языка.

Это мезуза у входа в еврейский дом. Это две свечи, которые женщина зажигает к шабату. Это свеча, которую зажигает бездетная на могиле раби Меира. Это пожертвование на свиток Торы для синагоги, ради больного еврея.

Одна из самых драгоценных сегулот «Питум ха-кэторет». Кэторет – воскурения, которые совершали ежедневно в Храме. Порядок приготовления смеси для воскурений евреи повторяют три раза в день, два раза в утренней молитве и один раз в минхе.

Учил гаон раби Хаим Фаладжи: "Тот, кто напишет на пергаменте текст «Кэторет» *ктавом ашурит*, как в свитке Торы, приобретёт богатство и благополучие во всех делах". Тот, кто ежедневно читает этот раздел по кошерному свитку, получает защиту от болезни и от несчастного случая.

Самая мощная сегула, предохраняющая от несчастного случая, это чтение «Шма Исраэль». В предчувствии опасности следует прикрыть глаза и сосредоточившись на Имени, произнести всю фразу на одном долгом дыхании, чтобы выделить звук *хет*, и твёрдо и коротко последний звук *далет*.

Стоит проверить!

ЕВРЕЙСКАЯ ДУША

В давние времена в турецком городе Бодруме, на берегу Эгейского моря, жил был праведный и богатый еврей по имени раби Рахмиэль. Своих детей у него не было, и он открыл школу и бет мидраш для сирот и бедных еврейских мальчиков. Не жалел он ни денег, ни времени, кормил их, учил и привёл других учителей.

За это Всевышний был к нему милосерден, в конце концов, жена родила сына, и назвали его Хаимом.

Рабби Рахмиэль был счастлив, едва дождался тех дней, когда сын заговорил и научил маленького Хаима благословениям. В три года мальчик знал все буквы альфа-бета и знал некудот, систему огласовок, используемую в еврейском письме, а в пять лет читал Хумаш, то есть Пятикнижие Торы, и учил «тарьяг (613) мицвот», заповеди Творца.

Пока сын рос, раби Рахмиэль занимался с ним по одному часу в день, но с каждым годом увеличивал часы занятий так, что оставалось всё меньше и меньше времени для других детей. Они обижались и

говорили, что мальчик этот родился на их беду, очень недовольны были, что оставляет их праведный раби Рахмиэль, невзлюбили Хаима и хотели бы избавиться от соперника и разлучить отца с сыном.

Хаим не знал другой жизни, что была за стенами его дома, четыре часа учился с отцом, а остальное время сидел над книгами или гулял в саду. Однажды весной, перед Песахом, когда, солнце прогрело воздух в саду, Хаим сидел под старой айвой и читал «Сефер ha-яшар», два мальчика из бет-мидраша перелезли через забор и сели на траву рядом с Хаимом.

– Твой отец не любит тебя, – сказали они, – он запер тебя в этом доме и ты, словно узник в тюрьме, не знаешь о прекрасном мире, что за этим забором. Пойдём, мы покажем тебе городской базар.

– Вы так добры! – Обрадовался Хаим, и повёл их к выходу. Они выбежали на улицу, и уже через несколько минут оказались среди толпы. Базар привёл Хаима в восторг, он ходил среди лавок и рассматривал диковинные вещи, вдыхал ароматы фруктов и пряностей на полках торговцев, слушал, как торгуются продавцы и покупатели, и в душе своей уже был, как один из них.

Вечером, когда сели ужинать, сказал Хаим:

– Господин мой, отец мой, я твой единственный сын и думал, что ты меня любишь. Но ты прячешь меня за стенами этого дома и я, словно узник в тюрьме, не знал до сих пор, как многообразен мир. Я хочу жить, как другие дети, играть с ними и учиться в бет-мидраше, я хочу ходить за покупками на базар.

Посмотрел отец на него, улыбнулся и ответил:

– Согласен, сын мой, я и сам об этом думал. Вижу, вижу, что вырос, пора открыть двери. Утром отведу тебя в бет мидраш и за покупками буду посылать.

Хаим стал учиться в бет-мидраше. Его знания оказались столь глубоки, что другие ученики завидовали ему. Одни говорили что-то обидное, другие сторонились, но он не чувствовал себя при этом отчуждённым, сел у окна и рассказывал о том, что открыл за простым словом Торы.

Прошло два года. Пришли к Хаиму те два товарища, с которыми он когда-то был на базаре, и говорят:

– В три дня пути от нас есть город, где каждый год устраивают большую ярмарку. То, что там можно купить оптом, здесь стоит в десять и двадцать раз дороже. В прошлом году мы заработали кучу денег, пойдём с нами.

Обрадовался Хаим, сидит вечером с отцом за обеденным столом и говорит:

– Товарищи отправляются на ярмарку за товаром, можно мне пойти с ними?

– Разве ты нуждаешься в деньгах? – Удивился раби Рахмиэль, – ты ещё молод, а мы достаточно богаты, Всевышний позволил нам и себя содержать, и бедных нашего города кормить.

– Отец мой, изучение торговли то же, как часть Торы, немало заповедей связано с этим, я хочу проверить себя...

Посмотрел отец на сына внимательно и согласился. Дал ему двести пара и отправил в дорогу.

Через три дня корабль пристал к берегу, товарищи Хаима вынесли свои вещи и тут же скрылись в толпе, а он остался один в полном неведении, куда идти и что делать. Вышел на площадь, где было множество магазинов, и задумался. Вдруг слышит, что кто-то обращается к нему на древнееврейском языке:

– Юноша, откуда ты? Что ты ищешь?

Смотрит – перед ним пожилой человек, глаза добрые, голова покрыта. Рассказал о себе Хаим и

объяснил, что его спутники исчезли, а он не знает, куда идти в незнакомом городе.

Привёл тот человек юношу в свой магазин. Они сели за маленький мраморный столик у окна и стал хозяин угощать Хаима сыром и молоком. Смотрит Хаим в окно и видит, что по площади идут евреи, человек двадцать или тридцать, идут и плачут. Спрашивает, что случилось, что за беда?

Отвечает ему, что умер раб города, а губернатор не разрешает хоронить, так как умерший задолжал в казну невыплаченный налог за два года. Сумма большая, двести пара. Ни у родных, ни у общины нет таких денег, а на меньшее губернатор не согласен. Третий день лежит тело во дворе дома под охраной солдат.

Побежал Хаим к евреям, показал им деньги и попросил проводить к губернатору. Они поспешили к дворцу губернатора, а там уже собралась все горожане и губернатор вышел навстречу. Велел он слуге принять деньги, дать расписку и распорядился похоронить умершего.

Евреи города славят Хаима, приглашают в гости, и он рад, ходит по домам и говорит дэраши на Тору, а ночевать остаётся у своего первого знакомого, хозяина магазина. Не заметил, как прошли две недели, пора возвращаться домой.

Те товарищи, что были с ним, давно вернулись и продали свой товар. А раби Рахмиэль забеспокоился, что сына нет с ними, вызвал их и спрашивает, что случилось, почему вернулись без Хаима. Отвечают, что он сразу же, как только сошли на берег, ушёл от них и, скорее всего, тратит отцовские деньги в нехорошей компании.

Омрачилось лицо раби, промолчал и отпустил их. Через два дня Хаим вернулся домой. Встретили его мать и отец, усадили за стол, накормили, и спрашивает раби Рахмиэль:

– Что, купил, сынок, как потратил деньги?

Отвечает:

– Ничего я не купил, а за те двести пара, что ты дал мне, похоронил человека.

Рассказал всё, как было, и как ходил из дома в дом и занимался с евреями Торой.

Обрадовался раби, поцеловал его и говорит:

– Хорошо ты поступил, хороший у нас сын!

На следующий год два товарища снова собрались на ярмарку и Хаима зовут, и снова он просит отца отпустить его. Раби Рахмиэль выслушал сына, принёс шкатулку и говорит:

Здесь тысяча пара, большие деньги, знаю, что зря не потратишь, бери и утром отправляйся, Ашем сохранит тебя.

Как и в прошлый раз, товарищи тут же исчезли, а Хаим остался один, но уже не чужой в этом городе. Его встретили евреи города, и опять он ходил из дома в дом и давал уроки Торы.

Товарищи давно вернулись домой, а он поселился в гостинице и словно забыл, зачем приехал. Утром, после шабата, пришёл к своему другу, хозяину магазина, сели они беседуют, рады друг другу. Слышат барабанный бой и голос глашатая на площади:

– Вчера поймали морских пиратов! Кто купит их корабль, хороший быстроходный корабль?! Продаётся корабль пиратов, которых вчера казнили!

– Это хорошее приобретение, – подумал Хаим, и пошёл вслед за солдатами.

Ему показали совершенно пустой двухмачтовый корабль и объявили цену – восемьсот пара. Хаим отдал деньги, получил свидетельство и поднялся на палубу, осмотреть своё приобретение. Корабль небольшой, но есть каюта для команды и два пустых трюма, там, наверное, держали награбленное.

Один трюм на всю ширину судна, а другой почему-то узкий, может быть есть ещё одно помеще-

ние? Вышел на палубу – другого люка нет, вернулся, стал ощупывать стену, и нашёл паз в досках! Надавил и раздвинул доски, а там дверь на засове. Открыл дверь и оказался в небольшой низкой комнате с маленьким иллюминатором сбоку. Смотрит – то ли девушка, то ли ребёнок сидит в углу на ковре, на подушках. Когда подошёл, вскочила она, стоит и дрожит.

Спрашивает её Хаим, на одном языке, на другом, не понимает она, пока он не заговорил на испанском.

– Не бойся меня, – говорит ей, – пиратов казнили, а я купил этот корабль. Кто ты, как ты здесь оказалась?

Отвечает она:

– Я Изабель, дочь Хуана Гарсио де ла Вега, верного слуги и оруженосца испанского короля Фердинанда, пираты похитили меня во время прогулки в заливе Виго, убили всех, кто был со мной, а меня увезли. Что теперь будет со мной? Здесь в сундуке, драгоценности, награбленные пиратами, возьми всё, а меня отпусти на волю.

– Ты свободна, но я не оставлю тебя и позабочусь, чтобы с тобой больше не было беды. Не уходи с корабля, я принесу всё, что тебе надо, а завтра мы отправимся в мой город.

Хаим поднялся наверх и сошёл на берег, где у пирса его встретили два старых моряка. Говорят ему:

– Мы знаем, что ты купил этот корабль и тебе нужны моряки, чтобы доставить его в твой город. Доверься нам, мы будем тебе верно служить.

Хаим обрадовался, что не надо искать других и тут же заключил с ними договор. Пошёл к своему другу, хозяину магазина, рассказал о находке в трюме корабля и попросил помочь ему подобрать для пленницы одежду и другие нужные ей вещи. Ещё он купил у еврейского винодела десять бочек

вина и проследил, чтобы их благополучно доставили на корабль.

На следующий день после полудня под прощальные крики провожающих, корабль вышел в море.

Когда корабль прибыл в родной порт, Хаим не пошёл домой, а отправил посыльного к отцу. Отец тут же поспешил к сыну, сел перед ним и говорит:

– Сынок, тебе стыдно возвращаться домой, к отцу и матери? Не огорчайся, что растратил все деньги, слава Всесильному, у нас есть достаточно, хватит нам и нашим внукам. Пойдём домой, порадуем маму.

– Нет, нет, мой отец, не тратил я денег напрасно, этот корабль, где мы сидим, мой. Я привёз сундук с золотом пиратов, но самое драгоценное, что нашёл на корабле – прекрасную Изабель из Сарагосы. Отец, если мы сейчас сойдём на берег, на нас накинутся и обчистят портовые бродяги. Прошу тебя, иди к губернатору, дай ему этот золотой перстень с бриллиантом, и скажи, что сын привёз десять бочек вина, но боится разгружать при свете дня, пусть разрешит разгрузить ночью и даст охрану.

Пришёл раби Рахмиэль к губернатору, подарил перстень и передал просьбу сына. Засмеялся губернатор и отправил солдат, чтобы охраняли Хаима и его груз ночью, когда будут перевозить домой.

Много времени не ушло, ночью перевезли бочки с вином и сундук с драгоценностями, пленницу пиратов привели в дом, дали ей комнату и служанку, чтобы ухаживала за ней. А утром сели за стол, отец, мать, Хаим и Изабель рядом с ним, и говорит Хаим:

– Эту девушку послал мне Ашем, я хочу, чтобы она стала моей женой.

Удивились отец и мать:

– Вы разной веры, она христианка и дочь испанского гранда, а ты простолюдин еврей, ты не можешь на ней жениться. Сама она не согласится, а принуждать ты не посмеешь. Давай-ка спросим, что она скажет.

Подняла глаза Изабель и отвечает:

– Ваш сын, Хаим, стал моей судьбой, не оставлю его. Его жизнь – моя жизнь, его вера – моя вера и ничто уже нас не разлучит.

Объясняли ей, что еврейская жизнь в этом мире полна испытаний и тягот, что у еврейской женщины много обязанностей, что после гиюра, после того, как станет женой еврея, нет дороги назад. Но упорствует Изабель и отвечает:

– Его жизнь – моя жизнь, его вера – моя вера и ничто уже нас не разлучит.

Спустя два месяца она прошла обряд посвящения и стала гиёрет, еврейской женщиной в первом поколении. Ей дали имя Мазал, что значит – судьба. Судьба свела девушку из знатного испанского рода с еврейским юношей.

Сказано в книге Зоһар, что неженатый мужчина ещё не человек, а бездетная женщина подобна колодцу без воды. Сначала у них родилась девочка, а потом мальчик. До обеда Хаим разбирал с отцом деловые бумаги, потом шёл в йешиву, а вечером семья собиралась за общим столом.

Прошло четыре года, однако воспоминания о прежней жизни не оставляли Изабель. Она попросила мужа купить ткацкий станок и разноцветную пряжу и соткала чудесный платок, украшенный вензелем своего отца. Показала ему и послала на базар:

– Продай, – говорит, – за ту цену, какую назначит покупатель, и не торгуйся.

Он пошёл на базар, в магазин женской одежды, и положил платок перед хозяином, тот посмотрел и

сразу предложил пятьдесят пара. Хаим вернулся к Мазал, а она уже готовит новый платок.

Раз в неделю из её рук выходил новый платок, а хозяин магазина отправлял его своему другу в Испанию, в Сарагосу и получал за него двойную прибыль.

Случилось так, что дон Хуан Гарсио де ла Вега увидел на плечах одной знатной дамы красивый платок со своим вензелем, и удивился. Презрев правила этикета, он потребовал от неё объяснений, и она дала ему адрес магазина, где купила платок. Дон Хуан пришёл в магазин, узнал, что чудесные платки с его вензелем доставляют из Турции, выяснил точный адрес и на другой день отправился на поиски своей дочери.

Он прибыл в турецкий город Бодрум, поселился в гостинице и нашёл того человека, который отправлял в Сарагосу платки, изготовленные Мазал. Несколько дней он выжидал, пока Хаим не пришёл с новым платком. Дон Хуан проследовал за ним, до его дома, теперь осталось только войти и увидеть свою дочь.

Он проследил, в какое время Хаим уходит, и дома остаются только жена с детьми и служанка. На следующий день договорился с хозяином небольшой яхты, чтобы ждал его, а сам вернулся к дому Хаима и постучал. Когда служанка открыла двери, он приказал провести его к хозяйке. Увидев богато одетого иностранца, она не посмела ослушаться и провела его в гостиную комнату. Мазал вышла и закричала:

– Отец, отец! Ты нашёл меня!

– Дочь моя, да, да, я нашёл тебя, бери самое необходимое в дорогу и поспешим, корабль ждёт нас в порту.

– Но я не могу уйти, здесь моя семья, здесь мои дети.

– Это не твой дом, против своей воли ты, христианская девушка, оказалась в еврейском доме, оставь это нечистое место.

– Нет, отец, я еврейка и жена еврея, мои дети тоже евреи, мы народ Бога. Он, Благословенный, наградил меня еврейской душой и я каждый день благодарю Его за это.

Дон Хуан был поражён, он хотел обнять свою дочь, прижать к своему сердцу, но теперь схватил её за руку и потащил за собой. Откуда столько силы нашлось у хрупкой женщины, что он не смог оторвать её руки от дверной ручки.

– Так ты не пойдёшь с отцом?! – Закричал дон Хуан.

– Нет и нет, я была твоей дочерью, но теперь я дочь Израиля.

Дон Хуан потерял самообладание, он уже не понимал где он и что с ним происходит. На глазах онемевшей от страха служанки, он вытащил из ножен кинжал, вонзил его в спину Мазал, вытащил и, подняв над собой, бросился прочь.

Прежде, чем он добежал до порта, его остановили солдаты султана, увидели в руке окровавленный кинжал и зарубили своими саблями.

Когда Хаим вернулся домой, Мазал лежала на тахте и уже пришла в себя, доктор улыбнулся ему и говорит:

– Благословен Всевышний, нож прошёл боком, не задел ни сердце, ни лёгкое.

Прошли годы. Дети Мазал и Хаима выросли, дочь вышла замуж за хахама большой еврейской общины Измира, а сын стал известным еврейским мудрецом и кабалистом, имя которого раби Яков бен раби Хаим.

ГИЮР

Еврею никогда не удаётся стать неевреем (хас ве халила!), например, немцем, англичанином или русским, о его происхождении вспомнят даже в третьем поколении. Но нееврей может навечно связать свою судьбу с народом Торы. В еврейской истории известны имена греков, римлян, итальянцев, немцев, русских и даже негров, прошедших обряд гиюра.

Самые известные из них Итро, Рут, сын царя Адиабены - Изат, его брат - Монобаз II, их мать, царица Елена, племянники римских императоров Онкелос и Аквила, раби Акива, раби Меир, Шмая и Автальон тоже произошли из геров. В последующие времена, в самые суровые времена крестовых походов в Европе и погромов в странах ислама, сотни неевреев, рискуя благополучием и жизнью, проходили обряд гиюра и принимали на себя заповеди Торы. Гиюр был подвигом, христианство и ислам рассматривали переход из их веры в другую, как преступление. Так раби Авраам, гер из Франции, имевший до этого высокое церковное звание, после гиюра бежал из своей страны, но в 1270 г. был сожжен в Аутсбурге.

В 1749 году за то, что прошёл обряд гиюра, в Вильно был сожжён польский граф Валентин Потоцкий (*Авраам бен Авраам*). В 1787 году принял иудаизм лорд Джордж Гордон, ранее протестантский активист, организатор антикатолического бунта лорда Гордона в 1780 году. В 1848 г. перешёл в иудаизм американский кон-

сул в Иерусалиме квакер Уордер Крессон, приняв имя Михаэль Крессон Боаз Исраэль.

Когда нееврей объявляет о своём желании стать евреем, говорят ему: «Какова твоя цель? Разве ты не знаешь, что ныне народ Израиля пребывает в жалком состоянии, притесняем, изгнан и претерпевает постоянные страдания?» Проверяют его, чтобы был искренним и не искал выгоды в этом. Если отвечает: «Мне это известно, и я недостоин этого», принимают его и наставляют в некоторых из легких *мицвот* и в некоторых из тяжелых *мицвот*... и уведомляют его о наказании за их преступление... и сообщают ему также о вознаграждении за их соблюдение... и не стремятся возложить на него слишком много и быть слишком скрупулезными» (Ш.А. 268-2). Протягивают руку, чтобы ввести его под крылья Шхины» (Элиягу Раба 7; Ваикра Раба 2:9).

И в наше время *бет-дин* не имеет права оттолкнуть нееврея, желающего стать гером.

Кандидат мужчина должен быть обрезан в соответствии с *халахой*, ему состригают волосы, обрезают ногти и в присутствии *бет-дина*, трёх кошерных евреев, знающих все законы, относящиеся к переходу в иудаизм окунают в воды миквы.

Женщина-гиётрет также погружается в воды миквы и принимает на себя обязанности еврейской женщины.

«И когда он погрузится в воду и выйдет (из нее) — он становится как еврей во всех отношениях» (Бава меция 59-б). С этого момента нееврей (нееврейка) становится навсегда, полностью и

окончательно евреем (еврейкой) и уже ни он, и никто другой не могут это отменить.

Гер приобрёл еврейскую душу и вошёл в общину Израиля. «Он словно младенец, который только что родился» (*Йевамот 22а*). Он потерял связь с биологическими родителями, теперь отец его – Авраам, а мать – Сара, ему дают новое еврейское имя.

Не исполняют этот обряд в шабат, в праздничные дни и ночью.

Если женщина в это время была беременна, ребёнка, которого она родит не надо окунать в микву.

У прошедшего обряд гиюра, есть право, как у любого еврея, жениться на еврейке или выйти замуж за еврея.

Если он сознательно нарушает законы Торы, наказание ему *карет*, что намного превышает то, что получил бы еврей. Следовательно, гер должен быть уверен в себе, что у него достаточно сил быть большим евреем, чем евреи от рождения.

Гиюр, который проводят в реформистских, консервативных или других сектах, противоречит законам Торы и никак не влияет на духовное состояние нееврея.

ГЛУПЫЕ ТОРГОВЦЫ

Ашем наделяет праведников великой силой. Их чудесные деяния заставляют задуматься о возможностях человека, посвятившего свою жизнь Торе. Как это было с гаоном Моһаръи, автором книги "Авней цедэк", комментариями на "Орах Хаим" и "Йоре Деа".

В Тунисе, в городе Тунис, евреи всегда покупали адасим к празднику Суккот на базаре. Арабы, жившие в окрестных деревнях, заранее узнавали о еврейском празднике, привозили связки ароматных веток и продавали по цене четыре серебряные монеты за штуку.

Однажды собрались все торговцы на базарной площади и решили поднять цену на адасим. Они пришли к выводу, что сколько бы ни затребовали, евреи всё равно заплатят, потому что исполнение мицвы для них важнее денег. Договорились продавать по цене двадцать пять монет за ветку. А у кого не будет денег на адасим, так слава Аллаху, не смогут исполнить заповедь. И это конечно радость для всех.

За день до праздника Суккот пришли евреи на базар покупать адасим и расстроились. Покупали из года в год, все были довольны, и арабы, и евреи. Сейчас, одна ветка продавалась по цене двадцать пять серебряных монет! Где это видано? На эти деньги семью месяц можно кормить.

Ходят евреи по базару, цена везде одна. Поняли, что торговцы сговорились, чтобы помешать им исполнять заповеди Всевышнего. Обидно стало, жил народ бедно. Как быть тем, у кого нет денег даже на праздничную трапезу? Отказались покупать, и пошли к раби.

Выслушал святой раби бедных евреев и пришёл в негодование. Пообещал, что день не закончится, как продавцы восстановят прежнюю цену. Отправился на базар и пошёл по рядам, где арабы продают адасим.

Спрашивает у одного цену, у другого. Говорит продавцу:

– Двадцать пять монет? Согласен, если немедленно отнесёшь ко мне домой.

Схватил араб деньги и с веточками в руках побегал в еврейский квартал. А раби обратился с молитвой, к Всевышнему, чтобы покорились гои и не мешали евреям исполнять заповеди.

Смотрят все, поднялся араб над землёй с веточками адасим в руке, ногами болтает в воздухе, кричать не может, рот свело от страха. Крыльев нет, а поднимается над базаром кругами, как птица, выше и выше. Вскоре стал маленькой точкой в голубом небе.

Стражники тоже были там. Поспешили доложить королю. Вышел король на балкон, поднял глаза и удивился. Никогда не видел, чтобы человек летал. Как опустить его на землю, никто не знает. Говорят королю, что это еврейский раби сотворил такое чудо. Надо его заставить, чтобы спас бедного араба.

Король немедленно приказал самым важным министрам взять королевскую карету и привезти раби во дворец. Видит король - возвращается его карета, вышел навстречу, заводит раби в главный зал, усаживает в кресло для почётных гостей. Говорит, что давно хотел познакомиться поближе, но мешали государственные дела.

Королю известно, что раби великий мудрец, может ли он объяснить, как это человек, не имея крыльев, летает высоко в небе?

- Ваше величество, - отвечает раби, - я купил у него адасим и попросил отнести ко мне домой, он

так быстро бежал, что ветер подхватил его и поднял в небеса.

Король, улыбнулся и говорит:

- Знаю, знаю, что это ты сделал, не бойся признаться. Прошу только объяснить причину.

- Отвечает раби:

- С тем, кто летает сейчас в небесах, я уже ничего не могу поделать, но если ты прикажешь, он спустится к тебе и расскажет, за что наказан.

По слову короля бедняга опустился на землю и рассказал о заговоре продавцов на базаре. Слушает король всю историю, видит, что евреи - праведный народ, а его поданные живут в жадности и во зле.

Велел объявить по всей стране, чтобы продавали адасим как в прошлые годы и не смели повышать цены без его ведома. А раби он провёл с почётом к выходу и велел отвезти домой на королевской карете.

הלאה: СУККОТ

Пятнадцатый день месяца Тишрей - праздник Суккот (*Ваикра 16:34-36*). Евреи переселяются во временные жилища, покрытые ветками, сквозь которые проглядывают звёзды.

Первый и последний дни праздника называются "Йом Тов". Последний, восьмой день, называется "Шмини ацерет". Работать в "Йом Тов" запрещено, но можно зажигать огонь от дежурного огня и готовить еду для этого дня.

За пределами Израиля первый и последний дни "Йом Тов" удваиваются.

Сукку начинают строить сразу же после Йом Кипур. Стены можно делать из любого материала, который не разрушат ветер и дождь. Если используется синтетическая ткань, она должна быть достаточно плотной и прочной. Крепить её следует на рамах с крепкими и частыми перемычками. Размер сукки неограничен, достаточно, чтобы человек мог сидеть и есть. Но высота не может быть меньше 80 см и больше 9,6 метра.

Запрещено накрывать сукку, делать **схах**, из предметов, служивших для других целей, например, использовавшиеся в хозяйстве доски, детали мебели и т.п. Но можно положить такой предмет на **схах**, чтобы его не унёс ветер. **Схах** обычно делают из веток. Следует располагать их так, чтобы через прорехи были видны звёзды.

Прорехи, промежутки между ветками, не должны быть больше 24 см. Чтобы днём тени было больше, чем солнца.

Схах нельзя класть на железо. На раму сукки, если она из металла, следует положить деревянные рейки, а сверху **схах**.

Сукка строят под открытым небом, даже ветки дерева над ней делают её некошерной.

Все дни праздника мужчины обязаны, есть хлеб только в сукке. В этом случае, стоя благословляем:

**БАРУХ АТА АД-НАЙ ЭЛО-ЕНУ МЭЛЕХ ЃАОЛАМ
ЃАМОЦИ ЛЕХЭМ МИН ЃААРЭЦ.**

**БАРУХ АТА АД-НАЙ ЭЛО-ЕНУ МЭЛЕХ ЃАОЛАМ,
АШЕР КИДЭШАНУ БЭМИЦВОТАВ ВЭЦИВАНУ
ЛЕШЭВ БАСУККА.**

Каждый день в сукке мы вспоминаем великих учителей: Авраама, Ицхака, Яакова, Моше, Аарона, Йосефа и Давида. Они наши незримые гости.

В сукке все равны, цари и простые труженики, богатые и бедные. В этом мире мы, как во временном жилище. Творец даёт всем пропитание и защиту. Если надеяться не на Него, так на кого же? Сидим, смотрим на звёзды сквозь ветви *схака* и поём о Торе, сохранившей наш народ в веках.

Эту связь друг с другом и с Творцом мы выражаем в ***Арбаат миним***, в четырёх видах растений, которые соединяем в дни праздника.

Четыре вида растений это четыре еврея. Еврей, изучает Тору и исполняет заповеди Творца - *этрог*. Еврей, изучает Тору, но не исполняет заповеди - *пальмовая ветвь, лулав*. Еврей, исполняет заповеди Творца, но не изучает Тору - *адас*. Еврей, не изучает Тору и не исполняет заповеди Творца - *арава*.

Как Творец соединил нас у горы Синай, так и мы встряхиваем и возносим их на четыре стороны света, вниз и вверх. Достойны сочувствия те, кто не смог выполнить эту заповедь. А кто мог, но не выполнил - вдвойне.

В последний день, в Ошана Раба, семь раз обходим с лулавом вокруг бимы, где установлен свиток Торы. Потом берём в руки пучок *аравы* и обращаемся к Творцу с молитвой и просим не

ради своих заслуг, а ради Его милосердия за еврейский народ.

В древние времена в Храме в семь дней праздника евреи приносили семьдесят жертв за все народы мира. Чтобы не было войн, чтобы не было голода. Еврейский народ отличается от других народов своим величайшим миролюбием и терпимостью.

Сколько горя и страданий причинили нам дети Эсава и Ишмаэля! Но мы желаем и им добра и благоденствия. Чтобы поняли: жизнь человека бесценна, а Творец - справедливый Судья. Чтобы подчиняли себя Его власти.

Восьмой день Суккот - Шмини Ацерет и Симхат-Тора. В Израиле их празднуют и в один день, в других странах два дня.

В день Симхат-Тора все мужчины обязаны выйти к чтению Торы. Выводят даже маленьких мальчиков, это большая радость для всех. В этот день евреи всего мира, во всех странах, заканчивают чтение Торы и после последних строчек главы "Вэ Зот ha-Браха" начинают читать главу "Брешит".

Принято покупать право завершать годичный цикл чтения Торы. Купившего это право называют *Хатан Тора*. А тот, кто купил право начинать чтение годичного цикла, называется *Хатан Брешит*. После этого оба Хатана в складчину устраивают праздничную трапезу для своей общины.

В конце праздника, после вечерней молитвы, евреи возвращаются в синагоги, танцуют со свитками Торы и дают пожертвования.

Удостоит вас Всевышний долгие годы жить в радости Торы. Аминь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В давние времена, когда в Йерушалаиме жили только праведники и мудрецы, из Испании совершил алию богатый и богобоязненный еврей по имени раби Давид Багуло. Во славу Всевышнего, по случаю своего счастливого избавления от опасности, он устроил обед для всех мудрецов Ирушалаима, и рассказал за столом такую историю.

Совсем недавно Давид Багуло верно служил королю Испании, был главнокомандующим королевской армии, но втайне исполнял еврейские заповеди. Никто не подозревал, что этот важный генерал, любимец короля, еврей. Более того, король назначил его своим главным министром, и вся власть в государстве сосредоточилась в его руках.

И вдруг он заболел. Лучшие лекари Испании и Европы безуспешно лечили его, король сулил огромные деньги, только бы поставили на ноги, но надежды не было. Он лежал в роскошной кровати в одной из королевских спален и умирал.

Угасающее сознание улавливало причитания и вздохи короля и королевских слуг, собравшихся вокруг. Он открыл глаза и увидел над собой лицо королевского священника. Священник наклонился к

нему, лицом к лицу, явно намериваясь читать для него покаянную молитву. Король и придворные вышли из комнаты, а священник наклонился ещё ниже и тихо произнёс: «Шма Исраэль Ад-най Эло-ену Ад-най Эхад!»

Больной вздрогнул, неужели открылась его тайна? Тело покрылось испариной. Но что делать, смерть уже давит на грудь и сжимает голову. Он прикрыл глаза и уснул.

Через какое-то время больной открыл глаза, дышать стало легче, очень хотелось пить и есть. В комнате был только слуга. Увидев, что господин пришёл в сознание, он вызвал врачей из соседней комнаты. И врачи, и король очень удивились, когда больной приподнялся на подушках и попросил есть. Назавтра он был почти здоров, и все радовались его чудесному возвращению к жизни. А король велел раздать нищим мелкое серебро и наградить священника.

Давид Багуло вернулся к своим обязанностям первого министра и попросил привести к нему того священника. Принял его, как дорогого гостя, провёл в отдельную комнату, куда был закрыт доступ посторонним людям, и попросил:

– Дорогой, повтори те слова, которые говорил мне на ухо, шёпотом, когда я находился между жизнью и смертью.

Священник побледнел и, не в силах унять дрожь, медленно сел. А хозяин комнаты открыл бронзовую дверцу шкафа, встроенного в стену, и положил на стол тэфилин и талит. Священник смотрел на руки и на лицо Давида Багуло, лицо его порозовело. Он вскочил с места, они обнялись и заплакали.

– Скажи мне, – спросил Давид Багуло, – как ты узнал, что я еврей?

С трудом успокаиваясь от слёз, священник стал рассказывать:

– Я из семьи левитов, моё настоящее имя Гершон Алеви. Я был ещё ребёнком, когда стражники инквизиции отняли меня от родителей и отправили в школу при монастыре. Конечно, я решил совершить «Кидуш Ашем», но в ту же ночь явился во сне мой отец, да будет память его благословенна! Он погиб, когда я был совсем маленьким, но до сих пор помню, как учил с ним талмуд.

Он предстал передо мной и сказал: «Сын мой, не делай этого, ты ещё молод. Всевышний поставил перед тобой другую задачу. Ты будешь католическим священником и станешь спасать евреев от зубов инквизиции. А я буду приходить к тебе во сне, и сообщать, кто из попавших к ним еврей, а кто гой».

Пятнадцать лет назад я стал католическим священником и, благодаря отцу, да будет память его благословенна, спас не одну еврейскую семью. И в этот раз, когда меня вызвали читать покаянную молитву, отец предупредил, что ты, брат мой, насильно крещённый еврей из семьи коленов.

Слова Гершона вызвали настоящую бурю в душе Давида Багуло, главного министра испанского короля. Он также решил рассказать о себе, что действительно происходит из древнего рода коленов, которые служили в Храме.

А отец был королевским врачом и после смерти похоронен среди гоев, рядом с королевской усыпальницей. Недавно он явился во сне и попросил перенести его останки из нечистого места на еврейское кладбище. Но как это сделать, от мучительных мыслей он безнадежно заболел и умирал, но, слова «Шма Исраэль...», произнесённые над ним, оживили его. Теперь пусть мудрый Гершон Алеви подскажет, как вернуться к своему народу и вынести из нечистого места кости отца.

Ответил мудрый раби Гершон:

– Всевышний создал этот мир, управляет всеми нами, Милосердный, не оставит нас в беде. Он по-

могает всем, полагающимся на Него, поможет и тебе. Иди к королю и скажи, что ты ещё болен и просишь освободить от должности министра, чтобы поехать на лечение на один из островов, где есть горячие источники. Снаряди корабль возьми семью и всё ценное в доме. Но прошу, возьми также и меня с собой. А кости твоего отца мы выкопаем, упакуем в ящик и увезём. Куда мы поплывём? Конечно же, в Эрец Исраэль.

Король ценил своего министра, видел, что он ещё не оправился от тяжёлой болезни и отпустил его.

Давид Багуло продал дом, нанял корабль, загрузил его для далёкого плавания и попрощался с королём и Испанией. Для королевского любимца устроили торжественные проводы, одарили подарками и проводили в путь.

Так он оказался в святом городе Йерушалаиме, да будет он отстроен вскоре, в наши дни!

הלאה: ШМА ИСРАЭЛЬ

Все евреи обязаны читать «Шма Исраэль...» (Кэриат Шма) и свидетельствовать о величии и единстве Создателя и Владыки Вселенной (*Дэварим* 6:4 – 9; *Бэрахот*: 2; *Орах Хаим*: 58).

Слова «Шма Исраэль...» сопровождают евреев от рождения до смерти. Отец произносит их при рождении ребёнка и во время брит мила. «Шма Исраэль...» читают Бар-мицва и жених. Если умирающий сам не в состоянии сказать «Шма...», тот, кто находится рядом, обязан

выполнить за него эту заповедь. Наши праведники (да упокоятся их души в мире!), с этими словами совершали «Кидуш Ашем».

Давно замечено, что чтение «Шма...» защищает евреев от грозящей опасности. Каждый может испытать это на себе. Пример тому история с раби Исраэлем.

Арабские террористы перекрыли дорогу, по которой он ехал в Итамар. Увидев вооружённых бандитов, он стал читать «Шма Исраэль...», резко увеличил скорость, выехал на обочину и обошёл заслон. Пули раздробили заднее стекло, но он не пострадал.

Рассказывает одна праведная женщина, что во время таможенного досмотра в аэропорту «Минеральных Вод» служащие выворачивали и потрошили все сумки и чемоданы пассажиров израильского самолёта. Она стояла в конце огромной очереди и с ужасом представляла, как офицеры таможни станут копаться в её маленьком чемодане, где были книги и белье. Она прошла к свободной скамейке, села и стала сосредоточенно читать «Шма Исраэль...». Только закончила, подошёл к ней один из таможенников и сказал, что она может пройти без досмотра, пусть идёт к выходу.

Читать «Шма...» следует:

- на рассвете, когда лицо знакомого человека видно на расстоянии четырёх шагов,
- вечером с выходом первых звёзд и
- перед сном. Читать можно сидя или стоя, но не на ходу. Если сидим, вставать не следует, а если стоим, чтение заканчиваем стоя. Если

человек болен и не может читать сидя, пусть читает лёжа на боку.

Нельзя читать «Шма...» в бане, в туалете, в коровнике или в другом нечистом месте. Нельзя читать, если открыты части тела, которые принято закрывать, или перед неодетыми людьми, и также перед женщиной, если не покрыта её голова.

Нельзя читать в грязной одежде и с грязными руками, даже чистые руки следует омыть перед молитвой.

Даже если читаем шёпотом, должны слышать собственный голос. Читать следует медленно и осмысленно, с «каваной».

Первую строку до «Барух Шем кэвод...» произносим, прикрывая глаза правой рукой. От начала и до конца последней главы можно прервать чтение, только если появилась опасность для жизни или нужно приветствовать нееврейского царя.

Если услышал благословение и ответил «Амин», а также, если прервался по другой непредвиденной причине, следует вернуться к началу произносимого отрывка.

Если вошёл в помещение, где миньян готовится к чтению или уже начал читать «Шема ...», надо присоединиться и произнести первую строку и «Барух Шем кэвод...». Даже если перед этим уже прочитал «Шма ...», не следует отделять себя от еврейской общины.

КРИК ДУШИ

Эта история описана в книге "Даркей Хаим" (Дороги жизни), 27 лист.

В Вильно жил одинокий праведный еврей, реб Ицхак, погружённый в глубины Торы. Жена умерла, детей нет, совсем отошёл бы от обычной жизни, которой живут люди, но сваты не дают покоя, предлагают, то молоденьких девушек, то многодетных вдов.

У него был единственный брат, тоже вдовец, вырастивший дочку, которую из-за бедности никто до сих пор никто не взял замуж. "Действительно, - подумал реб Ицхак, - закон Торы запрещает человеку жить одному, возьму племянницу в жёны, может быть, родит сына к моей старости".

Прошло несколько лет, но молодая жена не рождает. Понял реб Ицхак, что это он бесплодный, у него не может быть детей. Совсем смирился с этим, вдруг она объявляет, что забеременела. "Горе - то, какое горе, - сжал руками голову ребу Ицхак, - что будет с ребёнком, с мамзером?" Пошёл и открыл всё раби Леви, раву города Вильно, известному своей большой мудростью.

Пришло время, жена родила мальчика. На восьмой день устроили обрезание, брит-мила и праздничную трапезу и дали мальчику имя Мотл. Среди гостей ребу Ицхак как будто радовался, хотя это был не его сын. Кроме рава никто не знал об этом несчастье.

Рав сам был мозлем и когда делал пэрия, подрезал жилку, чтобы мальчик в будущем не мог дать потомство. Потом тем же ножом сделал отметину на

мочке уха. Люди, стоявшие вокруг, очень удивились, увидев это.

Рав объяснил, что нанёс особую метку, чтобы все знали, как этот ребёнок дорог родителям.

Мотл рос в достатке. Когда умер реб Ицхак ему шёл тринадцатый год. Дядя умер ещё раньше, мать получила хорошее наследство и не жалела денег на образование сына.

Со временем его острый и язвительный ум вызвал зависть и недовольство других детей. Даже многим взрослым студентам йешивы, где он учился, было неловко оттого, что не могли так быстро, как он, понять изучаемый раздел Гмары и найти правильное решение. Дали ему обидное прозвище "мамзер".

Горько стало Мотлу, что уже весь город называет его мамзером. Спрашивает рава:

– Учитель, тыраби, ты меня не обманешь, ты делал мне брит, я мамзер?

– Реб Ицхак не отец тебе, - ответил рав.

Пошёл к матери и говорит, что не может оставаться в Вильно. Пусть она даст денег в счёт его доли в наследстве, и он уедет. Поплакала мать, но не стала отговаривать сына, дала денег и проводила в дорогу.

Из города в город, из страны в страну Мотл добирался до Рима. Он никому не рассказал, что приехал из Вильно. Поступил учиться в большую римскую йешиву и вскоре стал лучшим студентом. Имя поменял, теперь его стали звать Мататьягу.

Несмотря на его молодость, евреи Рима обращались к нему, как талмид-хахаму, за разрешением сложных галахических вопросов.

Когда один из самых знатных, богатых и праведных евреев Рима, пришёл к раву йешивы, чтобы выбрал жениха для единственной дочери, тот сразу же предложил Мататьягу.

Побеседовал отец с юношей, убедился, что все добрые отзывы верны. И не смутило, что тот прибыл из неизвестных мест, предложил руку своей единственной дочери.

Вильно называли Йерушалаимом в Литве, так много было йешив в этом городе. Но так же, как в Йерушалаиме, тяжело жилось евреям в городе Вильно, особенно студентам. Денег, которые получали в виде тэрумы, не хватало.

Видит такое дело старый рав города, решил сам заняться сбором денег и поехал в города западной Европы. Посетил общины Нюрнберга, Страсбурга, Флоренции и прибыл в Рим.

Евреи Рима тепло встретили главного раввина города Вильно и собрались на его лекцию в бет мидраше. Когда рав окончил свою речь, встал Мататьягу, по пунктам разобрал и опроверг его выводы.

Не узнал его рав. Удивился глубине ума юноши и приготовил на шабат для центральной синагоги другой дэраш.

Он подготовился основательно, поэтому люди слушали, затаив дыхание. Но Мататьягу опять высказал достаточно глубокие и резкие замечания.

Рав почувствовал себя опозоренным и хотел сразу же уехать из Рима.

Но один из самых уважаемых евреев Рима, тесть Мататьягу, пообещал собрать большие пожертвования и уговорил остаться ещё на неделю. А за это просил провести шабат в его доме и побеседовать с зятем, который так достойно спорит с известным талмид-хахамом.

Рав согласился, ему самому было интересно поговорить с этим молодым человеком.

В шабат, на второй сеуде в доме тестя, Мататьягу вступил в спор с уважаемым равом и снова рав убедился в силе его доводов и рассуждений. Смотрит на него рав и вспоминает, где они встречались

раньше, почему это лицо кажется знакомым. Во время авдалы, сел рав рядом и увидел отметину на ухе.

Понял, что перед ним тот ребёнок, мамзер, которому он когда-то делал брит. Вызвал тестя в соседнюю комнату и рассказал обо всём. А рано утром уложил собранные пожертвования в сумку и уехал из города.

Упало сердце у несчастного тестя, когда он узнал, что выдал свою любимую дочь за мамзера. Ноги не держат, даже в постели, под пуховым одеялом, не может унять дрожь.

Сообщили Мататьягу о его болезни, сразу приехал, а тесть не пускает к себе. Все в доме удивились, такая была между ними любовь и дружба, что случилось. Прошёл час, просит старик молодого человека войти к нему. Вошёл, сел у кровати. Старик поднялся на подушках и просит сказать правду, откуда он, из какой семьи.

Мататьягу ничего не скрыл, а старик сжал своей рукой его руку и попросил уйти. На следующий день Мататьягу прислал гет, освобождение для своей, уже бывшей, жены и исчез из города.

Уехал в Испанию, пришёл в монастырь одного из самых жестоких "братств" и принял крещение. С этого времени имя его стало Матфей. Он учился, изучал христианскую теологию и стал известным специалистом в христианской судебной системе.

С каждым годом Матфей поднимался по ступеням церковной иерархии, стал кардиналом и переехал в Рим. Вскоре, пользуясь поддержкой чёрных монахов, приводивших в трепет полмира, был избран Папой.

Тесть его ещё был жив. Богатый и справедливый, он был главой еврейской общины Рима и успешно защищал перед властями своих собратьев.

Делал это мудро и умело, часто выручал простых евреев из лап инквизиции, за что попы люто ненавидели его и искали возможность отомстить.

Как-то пришли к одному бедному христианину сапожнику монах и папский стражник. Говорят, что хотят помочь ему, ведь у него много детей, а кормить их нечем. Если продаст одного из них, получит десять золотых, хватит на всю семью.

Обрадовался глупый сапожник, передал мальчика из рук в руки, взял денежки и побежал за вином, выпить по такому случаю.

А эти двое, привели мальчика в подвал, зарезали и положили в мешок. Ночью прокрались к дому главы еврейской общины и перебросили мешок через чугунную решётку изгороди во двор.

Утром оба заявили, что пропал мальчик, и они видели, как евреи тащили ночью какой-то мешок. Пришли стражники по адресу, нашли убитого ребёнка, арестовали всех, кто был в доме, и отвели в тюрьму. А следом шли тысячи горожан и требовали их смерти.

Самые знатные и богатые евреи общины обратились с ходатайством к главе католической церкви, к Папе Римскому.

– Евреи никого не убивают, - сказали они, - мы ручаемся своими жизнями и состоянием, что арестованные невиновны. Просим освободить их под залог и провести следствие, чтобы найти того, кто убил мальчика и бросил труп в еврейские владения.

Папа Матфей велел взять залог и отпустить арестованных до окончания следствия. А вечером, оделся, как простой еврей, закутался в плед и пришёл в дом своего тестя с просьбой продать немного кошерного вина.

Спрашивает:

– Что случилось, почему весь дом в трауре?

Не хотел тесть говорить, но гость был очень настойчив, что-то в его голосе было такое, что вну-

шало уважение. Тесть не узнал своего зятя, сел рядом и рассказал о своей беде.

Выслушал он и говорит:

– Успокойся. Пройдёт несколько дней, найдут убийцу, а тебя оправдают.

Сказал так убедительно, что посветлело лицо тещи.

Когда объявили день суда, приказал приготовить на главной площади Рима два костра для казни виновных в убийстве мальчика. Приказал привести обвиняемых и обвинителей. И приказал положить перед ним труп мальчика.

Когда всё было исполнено, Матфей произнёс заклинание и силой колдовства оживил мальчика и попросил рассказать, кто и как его убил. В гробовой тишине в самых дальних углах огромного зала был слышен слабый голос.

Мальчик рассказывал, как продал его отец за десять золотых, показал на монаха и стражника и рассказал, что они завели его в подвал и зарезали. Голос становился всё тише и тише и умолк.

Матфей приказал унести и похоронить тело, поднял жезл судьи и вынес приговор: "Виновных сжечь на площади, евреев отпустить".

На площади пылали два костра, в одном горели монах, стражник и сапожник, продавший собственного сына на смерть. Вокруг стояла толпа, с восторгом наблюдая, как дёргаются в огне горящие тела.

К другому костру подошёл Матфей, в белой длинной рубашке, вошёл в огонь и закричал:

– Шма Исраэль! Ашем элокену, Ашем эхад!

Так он совершил Кидуш Ашем, освятил Имя Всесильного, и вернулся к своему народу, вернулся к Б-гу.

Чтобы все заблудившиеся вышли на дорогу. Аминь!

הалаха: ЗАПРЕЩЕННЫЕ СВЯЗИ

Ребёнка, родившегося от запрещённой связи, Тора называет *мамзером* (*Дэварим 23:3*). То есть, родившимся в результате супружеской измены.

Разврат и прелюбодеяние запрещены всем народам, для евреев этот запрет высечен на скрижалях. В разврате разрушаются устои семьи, семья перестаёт быть семьёй, народ перестаёт быть народом. Развращённый народ теряет (*Хас вэ халила!*) связь с Творцом, теряет защиту и терпит бедствия.

Виновные в рождении *мамзера* получают самое суровое наказание, *карет*. Полное уничтожение души после смерти. Преступление замужней женщины, родившей в прелюбодеянии, страшно тем, что лишает ребёнка связи с еврейским народом. Этот ребёнок лишается права жениться или выйти замуж за еврея.

Рождённые вне семьи, часто становятся вероотступниками. Обездоленная еврейская душа теряет право на "*Олам ха-ба*", на будущий мир.

Если еврей отказывается от исполнения законов Торы и по собственному желанию переходит в чужую веру, получает *карет*. Если обманули или принудили под страхом смерти, может получить искупление.

Вероотступники при жизни могут вернуться к еврейству. Но их дети, возвращаясь к истокам, должны пройти полный обряд гиюра.

ЖИВ ЦАРЬ ИЗРАИЛЯ

Много лет тому назад в Куште была большая богобоязненная и праведная еврейская община.

В тёплую летнюю ночь город не спал. Молодой белый месяц, родившийся всего неделю тому назад, висел в чёрном небе.

Султан сидел на подушках на террасе своего дворца, пил кофе и слушал, как пенятся звуки на струнах тара, словно волны прибоя, набегают друг на друга. А на этих волнах высоко поднимался голос мугама, одинокого певца, остановившего время в страдании и в радости человеческой души.

Дворец был ярко освещён фонарями, а дальше город утопал в лунных сумерках и только у синагоги, на второй улице от дворца горела керосиновая лампа. Евреи после вечерней молитвы толпились у входа и благословляли новый месяц, совершали кидуш Левона.

Внезапно голос мугама прервался и тар замолчал. В наступившей тишине султан услышал, как евреи освящают молодую луну.

Он встал с подушек, подошёл к перилам террасы и с удивлением стал слушать, как они громко поют: "Давид Мелех Исраэль хай вэкаям! Давид Мелех Исраэль хай вэкаям!" Он не поверил своим ушам: "Неужели в моей стране у евреев появился свой еврейский царь?"

В душе султана разгорелся гнев, вечер был испорчен. Не ожидал он от евреев измены. Отдал приказ утром привести к нему руководителей еврейской общины.

А сам стал обдумывать, как завтра будет судить и как накажет их. За то, что восстали против законного правителя! Всю ночь не спал, обдумывал одно наказание за другим.

На следующее утро рав и габаи общины держали ответ перед султаном.

- Царь Давид, - сказали они, - умер почти три тысячи лет тому назад, мы пели песню, которой тоже больше тысячи лет.

Султан не поверил, сказал, что евреи хитрый и вероломный народ, выбрали себе царя, а теперь говорят, что он мёртв. Они заслуживают наказания и будут наказаны.

Над еврейской общиной нависла смертельная опасность. За восстание против султана полагается смертная казнь. Почти все мужчины, от старого до молодого, и от простого извозчика до хозяина прядильной фабрики, собрались в главной синагоге. Каждый предлагал что-то своё, но ни один не мог указать путь к спасению.

Тогда слова попросил самый молодой еврей, который ещё и года не прожил с женой, говорит:

- Господа, кого мы прославляли и за кого теперь получаем наказание? Правильно, за царя Давида. Что же, он не может встать и спасти нас? Если скажете, что это невозможно, отвечу - мы преданны Творцу, мы чтим великого царя и пророка, так разве не заслужили чудо и помощь за нашу преданность?

- Да! Да! - раздавались голоса, - надо или вызвать царя Давида, или идти к нему. Он обязан защитить нас. Но как сообщить ему нашей о беде?

Думали, как это сделать, не знают. Решили послать кого-нибудь от общины к самым сильным еврейским мудрецам, чтобы дали верный совет. Выбрали двух надёжных евреев и они сразу же отправились в Эрец Исраэль.

Ходили из одного места в другое, побывали у многих праведников, никто не мог объяснить, как увидеть царя Давида. Пришли в Йерушалаим, и попали к самому большому цадику и мудрецу. Выслушал он посланников и попросил прийти к нему через три дня.

В назначенный срок сказал им, чтобы шли в город Луз. Ангел смерти в этом городе не властен над человеком. Отравил посланников, но дороги не объяснил.

От поселения к поселению, от синагоги к синагоге, выбрали, в конце концов, верное направление и нашли город Луз. Пришли к раби и говорят, что прислал их цадик из Йерушалаима.

А он отвечает, что цадик имел в виду не этот город, а древний город Луз, о котором сказано в святой Торе. Тот город окружён высокими и крепкими стенами, никто не может попасть туда, если нет особого права и большой нужды.

И ещё рассказал, что недалеко от города, посреди кишачей змеями и скорпионами реки, стоит большое дерево. В стволе дерева есть дупло, вход в туннель, который ведёт в город. Никому ещё не удавалось доплыть живым до дерева, не сумеют и они.

Выслушали посланники раби и попросили не отговаривать их, а дать провожатого, шамаша, показать дорогу к дереву. Шамаш привёл их к реке, посреди которой на песчаном островке рос огромный старый кедр.

А река действительно была полна змей и хищных рыб, пасть каждой была усеяна острыми и страшными зубами. Увидели их наши евреи и испугались, если змея не убьёт, хищник сожрёт.

Обидно, много сил и времени потратили на дорогу, цель близка, вот он, город Луз. Теперь, возвращаться домой? Что будет с нашими евреями? Султан не пощадит.

Говорит один из них:

– Я готов рискнуть, поплыву к дереву. Мы обязаны спасти свою общину.

Товарищ не успел остановить его, подбежал к воде, кричит, плачет. Сбросил обувь, прыгнул в воду и поплыл.

Человек плывёт между длинными стрелами змей, а по бокам раскрываются и смыкаются хищные пасти рыб. Чудо, и только, не жалят, не кусают, сопровождают, словно он их вожак или хозяин. Довели его до острова.

На берегу он произнёс благодарственную молитву, вытер ладонью мокрое лицо и пошёл к кедру. Смотрит, ищет, где дупло, о котором говорил рав. Постучал по стволу и говорит:

– Откройте! Я иду в город Луз. Я пришёл к царю Давиду за помощью. Гибель грозит еврейской общине Кушты. Откройте!

Открылась маленькая дверь в дупло, он влез во внутрь, и дверь закрылась.

Увидев все эти чудеса, его товарищ затрепетал всем сердцем. Захотелось повторить подвиг своего друга, но понял, что не следует лезть в воду, надо ждать на берегу.

Когда еврей оказался в городе, спросили его сопровождающие, к кому он пришёл. Попросил, чтобы провели его к раву города. Смотрит он на улицы, на старые дома, а навстречу идут древние старцы и старушки. Остановил одного и спрашивает:

– Отец, сколько тебе лет?

– Мне, – отвечает, – пятьсот лет, а отцу моему семьсот.

Пошли дальше, видит стоит один старец у дороги и горько плачет. Спрашивает:

– Почему ты плачешь?

– Отец побил за то, что я качал его кровать, когда он спал.

Погладил он старца по седой голове. Идёт дальше и удивляется, действительно в Лузе не умирают?

Пришли в равнину города Луз. Он сидел во главе большого стола перед учениками. Увидел гостя и говорит:

– Шалом тебе! Что привело тебя в наш город? С какой просьбой пришёл?

Рассказал он рабу о горе евреев Кушты и попросил устроить встрече с царём Давидом. Рав выслушал и говорит:

– Вижу, что дело срочное. Провести к Царю Давиду может только один человек, старый праведник, но сейчас он спит. Сон его продолжается двадцать пять лет. Когда просыпается, дрожит земля. Он оmyвает руки и лицо, садится и вызывает всех, нуждающихся в нём. Пока не ответит всем, не ложится спать. Сейчас ему осталось спать два месяца. Оставайся, если можешь ждать.

Ждать два месяца? За это время султан перебьёт всех евреев Кушты! Заплакал он от обиды: напрасно шёл, напрасно страдал... Посмотрел на него рав и говорит:

– Ладно, пойдём вместе, попробуем разбудить его.

По длинному коридору пришли к спальне старого праведника и стали стучать в дверь:

– Вставай! Вставай! Сыновья Израиля в опасности! Помоги дому Яакова!

Открыл шамаш двери и ввёл их в комнату. Старый праведник тут же проснулся, оmyл руки и лицо и спросил:

– Что случилось, почему разбудили раньше времени?

Посланник евреев Кушты попросил у него прощения, рассказал обо всём и попросил разрешения войти в пещеру, к Царю Давиду. Пусть он узнает, что верные ему евреи Кушты могут погибнуть. Пусть поможет тем, кто прославлял его.

Старый Праведник дал знак шамашу, и они втроем пошли по длинному тёмному коридору.

Остановились перед надписью, высеченной на белом камне: ДАВИД МЕЛЕХ. В стене открылся проход, и посланник Кушты оказался в небольшом каменном зале. Когда глаза привыкли к слабому голубому свечению каменных стен, он увидел Царя Давида, склонившего голову на каменную подушку.

Еврей склонился в глубоком поклоне и прошептал:

– Встань, Царь, помоги своему народу...

Царь открыл глаза, приподнялся на своём ложе и выслушал всю историю о злодее султанине и об опасности, нависшей над евреями Кушты.

– Иди, – сказал он, – я знаю этого глупого султанина и не позволю ему совершить зло.

Всё это время другой посланник Кушты сидел на берегу страшной реки. Солнце уже скрывалось за серыми скалами на другом берегу, а товарищ не возвращался. Очень хотелось спать, не было сил даже заварить чай. Опустил голову на дорожную сумку и закрыл глаза.

Приснилось ему, что они сидят за большим столом, учат законы освящения месяца и благословения луны. Потом товарищ говорит, что не вернётся домой, что его оставляют жить в Лузе.

– Иди в Кушту, – говорит, – и передай евреям, чтобы жили спокойно, султан их не обидит.

Проснулся, звёзды над головой, а в ушах голос:

– Иди в Кушту и передай евреям, чтобы жили спокойно, султан их не обидит.

Дождь утра, прочитал утреннюю молитву и пошёл домой.

В день рождения султанина поздравить его прибыли короли, министры и известные богачи. Султан восседал среди гостей на огромном золотом троне и принимал поздравления.

Внезапно он вскочил со своего места, склонился в глубоком поклоне, а потом потерял сознание и рухнул на пол.

Подбежали телохранители, подняли и уложили на подушки. Тут же оповестили лучших врачей, которые на глазах у многочисленных гостей полчаса приводили султана в чувство.

Наконец он открыл глаза, обвёл глазами толпящихся вокруг него людей и сказал:

– Вы думаете, что я заболел? Нет, не беспокойтесь. Разве вы не видели, как в зал вошёл еврейский царь, Царь Давид? На голове корона с огромными драгоценными камнями, лицо сияет, подобно солнцу и луне, поэтому я встал и поклонился ему. Он потребовал, чтобы я освободил евреев из тюрьмы и не причинял вреда евреям Кушты. Или же сожжёт мою душу.

Султан тут же приказал освободить из тюрьмы раввина Кушты и габаев еврейской общины. А на следующий день издал указ, охраняющий права евреев.

Давид Мелех Исраэль хай вэкаям!

הלאה: רוש חודש

Освящение нового месяца – одна из первых заповедей, полученных еврейским народом после выхода из Египта (*Шмот 12:2*).

Рош ходеш, начало месяца – полупраздничный день, работать можно, тем не менее, этот день следует выделить из всех последующих дней. Богобоязненные евреи постятся в последний день уходящего месяца, а вечером устраи-

вают праздничную трапезу с вином. До вечерней молитвы следует читать 104 мизмор из «Тэилим», а днём – Аллель, прославлять Всевышнего.

Заповедь Торы начинать новый месяц с новолуния. Поэтому, согласно ашкеназской традиции - через три дня и, согласно традиции восточных евреев - с седьмого по четырнадцатый день нового месяца, следует благословить луну. Это называется *Биркат ха-Левана* (*Бэрахот 163*).

Биркат ха-Левана принято читать на исходе субботы, но до обряда *Авдала*, отделения праздника от будней. Молодую луну благословляют ночью, когда она не закрыта облаками, но если прикрыта даже лёгкой пеленой, благословлять нельзя.

Благословлять следует стоя под открытым небом. Если человек болен и не может выйти - можно, глядя из окна, даже через стекло.

Не следует смотреть на луну во время благословения.

Заканчивая благословение, повторяем три раза: «Давид Мелех Исраэль (царь Израиля) хай вэкаям (жив и будет жить вечно)! Молодая луна открывается миру, когда приходит срок, также откроется миру Машиях, царь из рода Давида.

Шалом Алейхем! Мир вам!

לזכרון עולם בהיכל ה'
ונתתי לכם בביתי ובחומותי יד ושם
לזכרון ולעילוי נשמות של

ירוחם בן שאלתיאל ז"ל
מגן בן בנימין ז"ל
סופיה בת ריבקה בנפשה ז"ל

יהי רצון שינוחו בשלום על משכבם
ויזכו למנוחה נכונה בצל כנפי השכינה
ותהא נפשם צרורה בצרור החיים